

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Серия “Филология. Социальные коммуникации”

Том 25 (64). № 2, ч. 2

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2012

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф, академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н, проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.– м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.– м. н, проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н, проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н, проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н, проф.**Климчук С. В.** – д. э. н, доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.– м. н, проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н, проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н, проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н, проф.**Шоркин А. Д.** – д. филос. н, проф.**Юрченко С. В.** – д. полит. н, проф.**Редакционный совет серии "Филология. Социальные коммуникации":****Александрова А.В.**, д-р. филол.н, проф.**Богданович Г.Ю.**, д-р. филол.н, проф. (редактор раздела "Социальные коммуникации"),
(bogdanovich@crimea.edu)**Борисова Л.М.**, д-р. филол.н, проф.**Гуменюк В.И.**, д-р. филол.н, проф.**Егорова Л.Г.**, канд. филол.н, доц. (ответственный секретарь)**Ищенко Н.А.**, д-р. филол.н, проф.**Казарин В.П.**, д-р. филол.н, проф. (редактор раздела "Филология"), (crch@mail.ru)**Меметов А.М.**, д-р. филол.н, проф.**Новикова М.А.**, д-р филол. н, проф.**Орехова Л.А.**, д-р. филол.н, проф.**Петренко А.Д.**, д-р. филол.н, проф.**Прайд Ю.Ф.**, д-р. филол.н, проф.**Ризун В.В.**, д-р. филол.н, проф.**Селендили Л.С.**, канд. филол.н, доц.(ответственный секретарь выпуска)
(crimeantatarphilology@hotmail.com)**Сидоренко Н.Н.**, д-р. филол.н, проф.**Яценко Т.А.**, д-р. филол.н, проф.

Печатается по решению Ученого совета факультета крымскотатарской и восточной филологии
Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, протокол № 2 от 10.10.2012 г.

Подписано в печать 07.11.2012. Формат 70x100 1/16. 26 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/10-УЗ.

Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007

«Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського»

Науковий журнал. Серія "Філологія. Соціальні комунікації". Том 25 (64). № 2, ч. 2.

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2012

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету
ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК: 811.161.1:81'33

КОГНИТИВНЫЕ И КОРПУСНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЕДИНОЙ ПАРАДИГМЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Дикарева С. С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: dikareva@crimea.com*

В статье обсуждается становление и перспективы развития когнитивистики (cognitive science) как кроссдисциплинарной области знаний. Рассматривается роль корпусных технологий – электронных корпусов текстов – в изучении когнитивной деятельности человека в процессе понимания и создания высказываний (speech moves) в динамике диалога в единой парадигме прикладной лингвистики

Ключевые слова: когнитивистика, лингвистические корпусы текстов, динамика Web-диалога

Постановка проблемы. Современное состояние прикладной лингвистики характеризуется взаимодействием идеологии, методов и технологий когнитивной и корпусной лингвистики. В статье обсуждаются перспективы

формирования единой парадигмы прикладной лингвистики на основе кроссдисциплинарной платформы когнитивистики – **когнитивной модели** и компьютерного инструментария корпусной лингвистики – **верификации модели**.

Кроссдисциплинарность понимается как научная платформа, интегрирующая достижения гуманитарных и технических когнитивных наук в области приобретения человеком бытовых и научных знаний. В статье рассматривается роль новых лингвистических технологий – электронных корпусов текстов – в изучении когнитивной деятельности человека в процессе понимания и создания высказываний (speech moves) в динамике Web-диалога.

Становление прикладной когнитивистики. Возникновение когнитологии, или когнитивной науки (cognitive science) считают важнейшим событием в истории науки XX века. По определению Стэнфордской философской энциклопедии, когнитивная наука представляет собой междисциплинарное изучение мышления и интеллекта, основанное на объединении философии, психологии, искусственного интеллекта, нейрологии, лингвистики и антропологии [электронный ресурс <http://plato.stanford.edu/entries/cognitive-science>].

Интеллектуальные истоки когнитивной науки относят к середине 1950-х годов, времени, когда ученые различных областей науки стали разрабатывать теории мышления, основанные на **комплексном представлении знаний и вычислительных процедур**. Организационно это направление оформилось в середине 1970-х годов в результате создания Общества по когнитивной науке с официальным печатным органом – журналом по когнитологии. С этого времени более 60 университетов

Северной Америки и Европы проводят исследования по когнитивной науке, многие из них разработали учебные курсы по когнитологии. Считают, что основателями когнитологии как научного направления являются Джорж Миллер (George Miller), Джон МакКарти (John McCarthy), Марвин Минский (Marvin Minsky), Аллен Ньюэлл (Allen Newell), Герберт Симон (Herbert Simon), Ноэм Хомский (Noam Chomsky).

В частности, в работах по эпистемологии рассматриваются проблемы когнитивной эволюции, эволюции мышления и развития научного знания. Анализ различных этапов когнитивной эволюции человека обнаруживает характерные для каждого этапа способы обработки и передачи **адаптивно ценной информации**, в том числе передачу информации с помощью древних языков танцев и невербальных символов. В когнитивной лингвистике исследуются прямые и косвенные соответствия между когнитивными событиями и лингвистическими знаками, которые основываются на эмпирическом исследовании языковых знаков и документализации психологических явлений. При этом онтология языка рассматривается как многопричинный сценарий (**multicausal scenario**), обусловленный такими параметрами, как коммуникация, культурные и социальные знания, привычки речевого сообщества, а также параметры взаимодействия биологических факторов и окружающей среды. На форуме факторов владения языком [билингвистика CrossLingua-2012 в Крыму 20-25 сентября 2012 года [Web-site <http://crosslingua.crimea.edu>] обсуждались вопросы, связанные с кроссдисциплинарностью когнитивистики:

- когниция, коммуникация, культура;
- кроссдисциплинарность когнитивных наук;
- когнитивная лингвистика и литературоведение;
- когнитивная психология и культурология,
- когнитивная дидактика,
- перспективы когнитивных наук: когнитивная география, когнитивная психотерапия, когнитивные основы управления в организации, когнитивные схемы цифровых манускриптов.

Представление знаний.

Когнитивный подход к исследованию языка состоит в поиске универсалий, объединяющих языковые и другие когнитивные структуры. К числу наиболее полезных для лингвистики категорий относятся понятие *фрейма, сцены и сценария*.

В 1979 году был опубликован перевод на русский язык популярной книги Марвина Минского "Фреймы для представления знаний" [3]. В этой работе выдвигается гипотеза о восприятии человеком зрительных образов в виде фреймов – структур знаний, анализируются ситуации распознавания образов на основе сцен и субфреймов, обсуждается модель понимания естественного языка как процедуры, включающей в себя эпизоды и сложные сценарии [3].

Под фреймом понимается структура знаний о типизированном объекте или ситуации, т.е. фрейм является декларативным способом представления знаний. В отличие от фрейма сценарий – процедурный способ представления стереотипного знания, которое описывается в виде алгоритма или инструкции, например, *сценарий торговой сделки, сценарий посещения ресторана, сценарий «день рождения»*

В работах по когнитивной культурологии правила речевого общения описываются в виде культурно обусловленных *сценариев* [1], [4]. Например, англо-американская культура поощряет ее носителей отзываться с похвалой о других людях, чтобы получать от них положительную ответную реакцию и поднимать их в их собственных глазах. Это представляется в виде такого сценария: Хорошо часто говорить другим людям: «Ты сделал что-то очень хорошее». В японской культуре, наоборот, похвала собеседника "в лицо" не поощряется. С другой стороны, в японской культуре вполне поощряется говорить о себе «плохие вещи» по такому принципу: Хорошо часто говорить другим людям «Я сделал что-то плохое, из-за этого я чувствую что-то плохое» [4].

Понятие сцены связывается со зрительным восприятием объекта или ситуации, например, пространственно-временные координаты события, положение точки зрения субъекта по отношению к объекту восприятия, действительный центр, фон и фокус и др [1].

Как показывают когнитивные исследования лексики и грамматики разных языков, структурирование, которое осуществляется языковыми средствами, соответствует структурированию в других когнитивных системах, таких, как зрительное восприятие и логическое мышление. Главной функцией структурирования является концептуальная связность (*coherence*). В языке эта функция имеет 2 формы реализации: *связность пространства* в пределах сцены и *связность во времени* в пределах сценария. Репрезентация связности зависит от жанрового баланса текстов.

Корпусные технологии и корпусная грамотность/

Основным инструментом исследования «конфигурации и речевого баланса текстов» является электронный лингвистический корпус текстов.

Лингвистический корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Национальный лингвистический корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т.п [2].

Под *лингвистическим, или языковым, корпусом текстов* понимается также большой (не менее 100 млн. словоупотреблений) массив языковых данных, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач [2].

Исследователи в области корпусной лингвистики аргументируют создание корпусов следующими факторами:

- 1) достаточно большой (репрезентативный) объем корпуса гарантирует типичность данных и обеспечивает полноту представления всего спектра языковых явлений;
- 2) данные разного типа находятся в корпусе в своей естественной контекстной форме, что создает возможность их всестороннего и объективного изучения;
- 3) однажды созданный и подготовленный массив данных может использоваться многократно многими исследователями и в различных целях;
- 4) необходимость в корпусных данных совпал с появлением соответствующих технических возможностей .

Дальнейшим развитием корпусной лингвистики является корпусное обучение, основанное на корпусной грамотности, а также изучение Интернета как корпуса [2].

Корпусное обучение становится новой эффективной образовательной технологией Web-дидактики в режиме диалога «преподаватель – студент-исследователь» [2]. Методики корпусной дидактики обучения иностранным языкам базируются на когнитивно-коммуникативных практиках «обучение через исследование». Метафора «учащийся-исследователь» (learner-as-researcher) введена в употребление в корпусной педагогике в 1990-е гг. Благодаря непосредственному доступу к языковому материалу корпуса учащийся-исследователь может включиться в процесс освоения грамматики и лексики на любом этапе, тем самым повышается активность и самостоятельность студента.

Достаточно активно разрабатываются корпусные методики обучения русскому языку на базе Национального корпуса русского языка. Для этой цели создан портал «Национальный корпус русского языка и образование» (<http://studiorum.ruscorgora.ru>), проводятся семинары для преподавателей и учителей, курсы повышения квалификации для преподавателей региональных вузов.

К числу теоретических вопросов корпусной грамотности относятся следующие: 1) знание базовых понятий, методов и технологий корпусной лингвистики; 2) изучение и обобщение основных способов и этапов создания корпуса; 3) типология корпусов; 4) паспортизация текста; 5) характеристика различных видов внешней и внутренней разметки текста, 6) Интернет как корпус и др.

Важными практическими навыками является умение корректно задать

«Вопросы корпусу», указать параметры поиска в корпусе с обращением к корпусным ресурсам других языков.

Динамика Web-диалога

Когнитивный сценарий успешной виртуальной коммуникации рекомендует выбрать коммуникативное амплу на основе социальной солидарности: *«Будьте вежливы, и все будет хорошо»* (Судовой журнал доктора Ливси. О правилах поведения в данном ЖЖ <http://doctor-livsy.livejournal.com>)? *«Приветствуется информирование коллег о собственной научной и исследовательской деятельности (вышедшие из печати публикации, предстоящие или состоявшиеся защиты и т.п.). Не приветствуется и всячески удаляется информация, не имеющая отношения к данному комьюнити, а также сообщения, которые носят неэтичный характер»* (Память жанра. Литературоведение и литературоведы. Правила сообщества. http://community.livejournal.com/litvedenie_ru).

Концептуальная связность реализуется в Интернет-дневниках в формате комментариев (blogger comments). В Интернет-коммуникации возникает связность «виртуальных дуэтов» на основе когнитивных сценариев коммуникативного реагирования. Реплики коммуникативного реагирования представляют собой 3 типа реакций: прогнозируемые, слабо прогнозируемые и непрогнозируемые отклики, порождающие новые «гирлянды» виртуальных диалогов.

Изучение предсказуемого потенциала реплик собеседников в Интернет-пространстве со множеством «голосов» и мнений возвращает нас к ретро-проблемам начала XX века: формы речевого высказывания, естественность диалога и искусст-

венность монолога, стереотипное речевое поведение и «борьба чувств» при выборе речевого поведения в сложных коммуникативных ситуациях (Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, М. М Бахтин) [1]. Как показывает лингвистический мониторинг динамики Web-диалогов, прагматика реплик зависит от следующих параметров: место общения; время общения; тема обсуждения; тип инициализации обсуждения (фото и (или) языковая реплика); активность участников дискуссии (более одной реплики; встречная инициатива), диалогическая структура комментариев;

лексическая характеристика (оценочная лексика, профессионализмы, сетевая лексика); грамматическая характеристика (разговорный синтаксис);

сетевой эмодикон (междометия, смайлики и т.п.).

Выводы и перспективы. Когнитивная революция и корпусная революция привели к новой идеологии и новым методам исследования функционирования языка и языков в сетевых средах. С одной стороны, лингвистические исследования строятся при обращении к другим техническим и гуманитарным наукам, с другой стороны – эмпирическая база исследований требует привлечения супермассивов электронных текстов. Синтез когнитивных и корпусных технологий формирует единую парадигму прикладной лингвистики.

Литература

1. Дикарева С. Когнитивные сценарии диалогических событий / С. Дикарева. – Tartu : University of Tartu, 2002. – Р. 95 – 102.
2. Дикарева С.С. Технологии иноязычного образования в эпоху электронных корпусов текстов / С.С. Дикарева // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского, 2011. – Т. 24 (63). – № 1. – С. 17 – 23.
3. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский / Пер. с англ. О.Н. Гринбаума / Под ред. Ф.М.Кулакова. – М.: Энергия, 1979.
4. Режабек Е.Я. Когнитивная культурология / Е.Я. Режабек, А.А.Филатова. Учебное пособие – СПб.: Алетейя, 2010. – 316 с.
5. Schulze W. 2000 Cognitive Linguistics Meets Typology. The Architecture of a "Grammar of Scenes and Scenarios" [Электронный ресурс] / W. Schulze 2000 . – Режим доступа: http://www.lrz-muenchen.de/~wschulze/cog_typ.htm (Загл. с экрана).

Дикарева С. С. Когнітивні та корпусні технології у новій парадигмі прикладної лінгвістики / С. С. Дикарева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 3-7.

У статті обговорюється становлення і перспективи розвитку когнітивістики (cognitive science) як кроссдисциплінарної галузі знань. Розглядається роль нових лінгвістичних технологій – електронних корпусів текстів – у вивченні когнітивної діяльності людини в процесі розуміння і створення повідомлень (speech moves) в динаміці діалогу у новій парадигмі прикладної лінгвістики

Ключові слова: когнітивістика, лінгвістически корпуси текстів, динаміка діалогу

Dikareva S. S. Cognitive and Corpora Technologies in United Paradigm of Applied Linguistics / S. S. Dikareva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 3-7.

In the article current development of cognitive science as crossdisciplinary research domain is considered. The cognitive impact of new linguistic technology knowed as electronic linguistic corpora is examined. Cognitive activity for understanding and creating utterances (speech moves) in the dynamics of dialogue in united paradigm of applied linguistics is shown.

Key words: cognitive sciences, linguistic text corpora, Web-dialogue dynamics

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР И НОВОЕ ОТНОШЕНИЕ К ТРАДИЦИОННЫМ ТЕМАМ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ (60-80-ые ГОДЫ XX ВЕКА)

Ахундова Н. М.

e-mail: azfolklor@yahoo.com

Начиная с 60-х годов прошлого века, поэзия приняла направление, отличное от прежних лет. В поэзии на передний план вышел человеческий фактор. Размышления современного человека, прожитая им жизнь становится основной темой. Традиционные темы изображались с новым отношением, новым мышлением. В статье рассматриваются поэтические взгляды Расула Рзы, Бахтияра Вахабзаде, Наби Хазри, Халила Рза Улутурка, Мамеда Араза, Али Керима и других поэтов, обогативших азербайджанскую поэзию оригинальными произведениями.

Ключевые слова: литература, человеческий фактор, поэтика

Постановка проблемы. Человек, его размышления, взгляд на окружающий мир, мир в целом, начиная с 60-х годов прошлого века, становятся ведущей темой Азербайджанской поэзии.

Критик Вагиф Юсифли пишет: «Как и в прозе, в поэзии также возрастает внимание и интерес к простым людям, их житью-бытию, заботам и проблемам. Начиная с 60-х годов, это можно проследить в большинстве образцов азербайджанской поэзии. Стоит обратить внимание на то, что и в азербайджанской поэзии простые люди – нефтяники, колхозники, обычные трудящиеся – не остаются в стороне от центра внимания, однако душевный мир, сердечные переживания, внутренний мир этих простых людей очень часто забывался. Основное внимание поэтов было сосредоточено на деятельности этих людей в трудовой сфере. С другой стороны, в стихах подобного типа изобиловали выражения шаблонного типа, похожие и повторяющиеся образы, средства художественного выражения. Как говорится, в стихотворении, посвященном монтеру, не хватало именно света – поэты не видели света человеческого сердца. В то время как в стихотворении, посвященном работнице, надевший ею комбинезон описывался основательно, душа, любовь, мир чувств оставались в стороне от очарования художественного слова. Со стихотворения Расула Рзы «Теленок и маленькая девочка» («*Dana və balaca qız*») (1959) начала усиливаться тенденция познания человеком человека, изображения человека не таким, каким он показан, а таким, каким он живет» [1, 139].

Таким образом, **ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР** в современной азербайджанской поэзии становится главенствующим направлением. Поэзия обратилась лицом к простым людям, к их духовному миру. Джабир Новрузов в одном своем стихотворении писал: «*Mən gülü də, çiçəyi də İnsan kimi dindirirəm. Tufanı da, küləyi də İnsan kimi dindirirəm... O evimin balasıdır. O çeyrimin atasıdır, qüdrətindən söz açmasam, Küsüb mənə atasıdır*». (И цветок я выслушиваю как человека. И ураган, и ветер выслушиваю

как человека.. Он дома моего ребенок, Он поэзии моей отец. Если о мощи его не скажу, Обидевшись, бросит меня). Герой поэмы поэта «Античный памятник нашего села» («*Kəndimizin antik heykəli*»). Тирме, хотя слепой, светом своей совести, сердца видит всех, различает плохое от хорошего. Он более порядочен, чист, чем многие зрячие.

В стихах Расула Рзы «Смерть героя» («*Qəhrəmanın ölümü*»), Ахмеда Джамиля «Мать Амраха» («*Əmrahın anası*»), «Дядя Гюлалы» («*Gülalə əmi*»), Габиля «Трамвай идет в парк» («*Tramvay parka gedir*»), «Капитан дальнего плавания» («*Uzaq səfərlər kapitani*»), «Инженер» («*Mühəndis*»), «Капитан», («*Kapitan*»), Мамеда Араза «Скатерть рабочего» («*Fəhlə süfrəsi*»), «Бакинский рабочий» («*Bakı fəhləsi*»), Али Керима «Рабочие» («*Fəhlələr*»), «Руки» («*Əllər*»), Фикрета Садыга «Стихи света» («*İşıq şeirləri*»), Фикрета Годжи «Я рабочий» («*Fəhləyəm*»), «Говорит сапожник» («*Pinəci danışır*»), «Садовник» («*Bağban*»), Алиаги Кюрчайлы «Мой отец» («*Mənim atam*»), «Достоинство» («*Ləyaqət*»), Мамеда Аслана «Дядя Керем» («*Kərəm əmi*»), «Бабушка Мелек», («*Mələk nənə*»), Местана Гюнера «Там, вдали от нас» («*Orda, bizdən uzaqlarda*»), Сардара Асада «Свирель пастуха» («*Çoban tütəyi*»), «Лесничий» («*Məşəbəyi*»), Алекпера Салахзаде «Тракторист Гараш» («*Traktorçu Qaraş*»), «Косари» («*Otçalanlar*»), Халила Рзы «Пастух-наме» («*Çobannamə*») сквозь поэтическую призму проходил не только труд простых трудящихся, но и их духовный мир.

Человеческий фактор не может ограничиваться только изображением духовного мира простых людей, трудящихся. Видный критик Яшар Караев в статье «Страсть понять и сгорать» («*Anlamaq və yanmaq ehtirası*») писал: «Шестидесятые годы представляют собой период, в котором художественная деталь в этой поэзии составляет единство с философской глубиной и широтой и разнообразием и масштабностью подробностей [2, 175-176]. В поэзии 60-80-х годов человек является властелином судьбы, думающим и о судьбах мира, человечества, войны и атомной опасности, и в то же время ведущим борьбу с бесправием, несправедливостью. В поэме «И один день – человеческая жизнь» («*Bir gün də insan ömrüdür*») Расула Рзы создан положительный образ секретаря райкома. Этот секретарь райкома, в районе, которым руководит, думает, прежде всего, о судьбах людей. Ему «сверху» поступает 2 звонка. Первый звонок спрашивает только план, проведение хозяйственных работ в районе, а второй – людей. Подобный этому контраст обращает на себя внимание и в стихотворении А. Кюрчайлы «Человек умер» («*İnsan öldü*»). Поэт заводит речь о прохождении перед своим домом 2 гробов. За первым гробом идут избранные люди, поскольку у него был высокопоставленный хозяин. А в другой стороне гроб молодого парня несут 5-6 человек, нет ни цветов, ни музыки. И поэтому эта сцена заставляет призадуматься поэта.

В поэзии 60-80-х годов было написано множество стихотворений, поэм на тему войны. Известно, что во время второй мировой войны многие азербайджанские поэты заменили перо штыком. Написанные С.Вургуном, С.Рустамом, Р.Рзой, М.Рахимом, А.Джамилем, З.Халилом и др. в военные годы стихотворения стали моральным стимулом, увеличивающим настроенность на победу азербайджанских бойцов. И в послевоенные годы эта тема не выпала из повестки дня. Однако в

большинстве этих стихотворений, написанных до 60-х годов, явно проглядывался одинаковый трафарет, шаблонный метод, военные стихотворения своей риторичностью и утомляющим пафосом все больше увядали. В большинстве этих стихотворений господствовало отсутствие замысла.

А в 60-80-е годы военная тематика начала привлекать внимание новой поэтической гармонией и интонацией. Поэмы «Тысяча четыреста шестнадцать» Расула Рзы и «416» Бахтияра Вахабзаде были интересны в контексте отображения размышлений современного человека о войне. Этот человек привнес определенную ясность в некоторые представления о войне. Война была осмыслена не только как смерть и убийство, победа и поражение, но и как борьба двух систем, двух мировоззрений, Добра и Зла.

Эта тема выразила новое значение и в творчестве поэтов, непосредственно не участвовавших в войне, но проведших свои детство и отрочество в военные годы. Поэмы Габилы «Сталинградские стихотворения» (*Stalingrad şeirləri*), Халила Рзы «Орлы Краснодона» (*Krasnodon qartalları*), «Любовный эпос» (*Məhəbbət eposu*), Исы Исмаилзаде «Увеличенные фотографии» (*Böyüdülmüş şəkillər*) произвели интересное впечатление с точки зрения отображения военных размышлений нового поколения. Джабир Новруз написал свою панорамную поэму «Западный Берлин». Поэмы Али Керима «Он мне рассказал, что...», «Памятник и брат памятника», Мамед Араза «Баллада о солдатской могиле» также обращали на себя внимание как новое поэтическое выражение проблемы войны и человека.

Новое отношение к традиционным темам. В азербайджанской поэзии было несколько основных тем, описываемых веками, к которым и сейчас поэты неоднократно обращаются. И в поэзии 60-80-х годов мы становимся свидетелями написания стихотворений, поэм преимущественно на эти темы. Их можно сгруппировать как темы патриотические, природные и любовные. Разумеется, это деление условно. Поскольку и в произведении, написанном на тему патриотизма, может быть любовная линия, и в произведении, повествующем о чистой любви, возможно воспевание патриотизма. Или же не исключается существование патриотической или любовной линии в воспевании красот природы.

Главная миссия патриотизма заключается в том, чтобы любить Родину, восхвалять взращенных ею за всю историю героев, приводить это в пример поколениям, прославлять на весь мир гениев, великих мастеров слова, мыслителей, порожденных народом, освещать пройденные народом пути борьбы за свободу, любить землю, природу родного края, беречь их пуще глаза и, самое главное, вдали от Родины питать любовь к ней. Великий азербайджанский поэт Самед Вургун в одной из статей писал: «Среди человеческих чувств одним из самых священных, вечных, прогрессивных и стимулирующих развитие факторов, может быть, самым значимым является патриотизм. Народная любовь, любовь к Родине представляет собой жизненное дыхание человека. Человек, не гордящийся существованием народа, к которому он относится, не зажигающий в своей душе священный факел любви к ней, не может осознать свое гражданское право, его и патриотом называть было бы смешно» [3, 317] (подстрочный перевод выполнен автором самостоятельно).

Напомним, что в 60-80-е годы, как и в других республиках, и в Азербайджане господствовало такое абстрактное понятие, как советский патриотизм, и, как все советские поэты, и азербайджанские поэты в своих стихах пропагандировали советский патриотизм. Но если внимательно исследовать, то увидим и в содержании, и художественности подобного рода стихотворений монотонность, наличие повторяющихся друг друга мотивов. Действительное же значение патриотизма в поэзии необходимо искать в стихотворениях и поэмах, связанных с пропагандой азербайджанства, и в поэзии 60-80-х годов встречаем десятки, сотни примеров тому. В этом смысле азербайджанская поэзия осталась верна традициям, которые сохранила наша литература в течение веков.

Стихотворение Мамеда Араза «Азербайджан – мой мир», на наш взгляд, может считаться поэтическим прологом для всех стихотворений, написанных в те годы на патриотическую тематику:

Азербайджан – растущий в скалах цветок,
Азербайджан – скала среди цветов.
Моя душа, эту землю восхваляя
Из азербайджанского мира глянет на мир
Слыша «Азербайджан» на ноги стань
Иначе душу Физули задеть может

Излагая краткую историю патриотизма в азербайджанской поэзии, доктор философских наук по филологии Анар Везироглу в монографии «Вставай, Азербайджан!» останавливается на следующей классификации:

1. *Общий образ Азербайджана.* Посредством этого образа поэты выражают свою любовь Азербайджану, его красотам, историческому прошлому, возвращенным им великим деятелям искусства и героям. В этом поэтическом выражении основное ударение делается на слово «Азербайджан». Автор в качестве примера приводит стихотворение «Азербайджан» С.Вургуня и другие стихотворения на эту тему.

2. *Выражение образа Родины посредством образов природы.* Этим способом поэты воспроизводят перед нашими глазами красоты азербайджанской земли, его неподражаемую природу, создают общее впечатление об Азербайджане. Автор приводит примеры из стихотворений Г.Гасымзаде, М.Араза, М.Ягуба, А.Кюрчайлы.

3. *Выражение образа Родины отдельными географическими названиями.* Автор здесь заводит речь о поэтических образцах, посвященных отдельным городам, краям Азербайджана.

4. *Поднятие проблем природы и экологии как отображение любви к Родине.* В этом делении критикуется нечеловеческое отношение к природе, протест поэтов, крик о помощи на вырубании лесов, засорении Каспия, охоте на джейранов и маралов, уничтожении памятников природы расценивается как проявление любви к Родине.

5. *Пропаганда чувства любви к Родине путем воспевания отдельных выдающихся личностей, гениальных мастеров.*

6. *Борьба за чистоту и самобытность азербайджанского языка.* Родина и проблемы языка.

7. *Выражение образа Азербайджана образами Отца и Матери.*

8. *Поучительные уроки истории*: воспевание отдельных исторических героев, народных героев [4, 26-59].

С подобной классификацией частично можно согласиться, однако эту тему полностью она не охватывает. У некоторых же с патриотизмом есть косвенная связь. Например, стихи, посвященные Отцу и Матери в поэзии представляют собой отдельную тематику. Правда, говоря о Матери, её сравнивают с Родиной, однако это лишь сильная метафора. Материнская тематика должна быть исследована как отдельное и независимое направление.

Выражение темой патриотизма в поэзии 60-80-х годы нового содержания, постепенное отдаление от традиционного и почти шаблонного стереотипа было перед глазами. Например, если в поэзии Бахтияра Вахабзаде понятия Родины и патриотизма большей частью выражались в свете исторических истин, как назидательные уроки прошлого, то есть поэт проходил путь от истории до сегодняшнего дня, у М.Араза наводились мосты из сегодняшнего дня в историю. Наби Хазри, Гусейн Ариф и Габиль отображали в своих стихотворениях сегодняшние реалии Азербайджана, патриотические чувства современного человека.

Выводы и перспектива. Говоря о теме патриотизма в поэзии, обязательно надо напомнить о произведениях, выражающих обращение наших поэтов к истории, историческим личностям. С этой точки зрения и из поэзии 60-80-х годов можно привести немало примеров. В стихотворениях и поэмах Расула Рзы, Бахтияра Вахабзаде, Габиля, Али Керима, Сабира Рустамханлы были созданы образы Бабека, Насими, Джавад-хана. В стихотворениях Расула Рзы «Бабек» и Али Керима «Руки Бабека» несравненному герою Азербайджана словами был воздвигнут яркий памятник. А стихотворение Али Керима «Вершина шехидства» можно считать неким содержательным прологом произведений, написанных об Имадеддине Насими в азербайджанской поэзии.

Литература

1. Юсифли В. Пути и годы поэзии : монография / Вагиф Юсифли. – Баку: Мутерджим, 2009 (на азерб. языке).
2. Караев Я. Критерий – личность : сборник статей / Яшар Караев. – Баку, Язычы, 1988 (на азерб. языке).
3. Вургун С. Произведения, в 6 томах, V том / Самед Вургун. – Баку : Эльм, 1972 (на азерб. языке).
4. Везироглу А. Вставай, Азербайджан! : монография / Анар Везироглу. – Баку : Изд-ство «УЛУ», 2002 (на азерб. языке).

Ахундова Н. М. Людський фактор і нове ставлення до традиційних тем в азербайджанській поезії / Н. М. Ахундова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 8-13.

Починаючи з 60-х років минулого століття поезія взяла напрямок, відмінне від колишніх років. У поезії на передній план вийшов людський фактор. Роздуми сучасної людини, прожите їм життя стає основною темою. Традиційні теми зображувалися з новим ставленням, новим мисленням. У статті розглядаються поетичні погляди Расула Рзи, Бахтияра Вахабзаде, Наби Хазри, Халила Рза Улутурка, Мамеда Араза, Алі Керима та інших поетів, які збагатили азербайджанську поезію оригінальними творами.

Ключові слова: література, людський фактор, поетика

Akhundova N. M. The human factor and a new attitude to the traditional themes of Azerbaijani poetry / N. M. Akhundova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 8-13.

In the 60 years of the last century, poetry has taken a different direction from previous years. The poetry came to the fore the human factor. Reflections of modern man lived his life is the main theme. Traditional themes portrayed with a new attitude, a new way of thinking. Rasul Rza, Bakhtiar Vahabzade Nabi Khazri, Khalil Rza Uluturk, Mammad Araz Ali Karim and other poets have enriched our original works of poetry.

Keywords: literature, the human factor, the poetics

Поступила в редакцию 15.09.2012 г.

УДК 81'362.2'373.612.2'373.7

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМПТОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В АРАБСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Рублева В. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: fikturiya@rambler.ru*

В статье исследованы фразеологизмы семантического поля «страх», на материале арабского, английского и русского языков.

Ключевые слова: языкознание, сравнительно-сопоставительная лингвистика, языки, фразеология, метафора, симптоматические выражения, психолингвистика.

Постановка проблемы. Симптоматические выражения – уникальный пласт лексики языка, детерминирующий основные концепты эмоций человека. В виду того, что не все проявления человеческих эмоций доступны для непосредственного визуального наблюдения, их необходимо изучать через призму языковой репрезентации.

Актуальность. Изучение метафорических моделей образования устойчивых фразеологических единиц в настоящее время являет собой интересный материал для исследования. Детерминация и компаративистика метафор в трех языках исследования (арабском, английском и русском) позволяет составить четкую картину понимания данных языков, а также избежать некорректного перевода симптоматических единиц. Метафорические модели изучались в работах З.Ковечеша [13], Дж.Лакоффа, М.Джонсона [14], концепт эмотивности – в работах Иорданской Л.Н [5].

Цель статьи – выявление типологических метафор, интерпретирующих симптоматические выражения семантического поля «страх» в русском, английском и арабском языках.

В статье необходимо решить следующие **задачи**:

1. Дать определение понятий «фразеологизм», «устойчивые сочетания», «метафора», «симптоматическое выражение»
2. Систематизировать категорийные метафоры, выявить общие черты и различия на материале арабского, английского и русского языков;
3. Охарактеризовать особенности употребления симптоматических выражений, ссылаясь на превалирование способов выражения эмоций у трех разных народов.

Источниками фактического **материала** являются двуязычные специализированные русско-арабские и арабско-русские словари: Баранов Х.К. “Арабско-русский словарь” [2], Борисов В.М. “Русско-арабский словарь” [10], “Англо-русский фразеологический словарь” Кунина А.В [1].

В ходе работы были использованы следующие **методы**: описательный, исторический, сравнительный, семантический (метод компонентного анализа).

Объектом исследования являются симптоматические выражения для обозначения эмоции с компонентом «страх», а также сравнительный анализ метафор, образующих фразеологические единицы.

Для полного освещения проблемы и ее понимания необходимо дать определения следующих **понятий**: фразеологизм, метафора, устойчивое сочетание, симптоматическое выражение.

Фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава [12].

Устойчивые сочетания – это составные лексемы, иногда их называют «языковыми клише» (или «штампами»), они вставляются в нашу речь целиком. Устойчивые сочетания – это не речевые комбинации знаков, а особые сложные знаки [8].

Метафора – это концепт, в основе которого «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществления процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [9].

Симптоматические выражения – языковые выражения, обозначающие внешние симптомы внутренних состояний человека, в частности эмоций [5].

Для понимания формообразования метафорических структур нам необходимо дать определение такой эмоции как «страх», т.е. изучить психологию данной эмоции, а затем выявить биологические изменения в организме (визуализированные и не визуализированные), происходящие с развитием страха в теле человека, позволяющие рассмотреть развитие данной эмоции по вертикали.

Эта эмоция воспринимается людьми негативно, к тому же, подсознательно они ее боятся. Страх – это одна из сильнейших эмоций, переживаемых человеком довольно редко, в силу того, что он проходит через стадии социализации страха. Интересен тот факт, что страх является межкультурной эмоцией, т.е. его мимические проявления являются фактором единения для носителей разных культур. По К. Э. Изарду «страх складывается из определенных, специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности» [3, 293]. Физиологическими проявлениями страха являются: учащение сердцебиения, усиленное внезапное потоотделение, повышение кровяного давления, состояние мгновенного оцепенения. Побледнение и охлаждение (в наиболее экстренных случаях наступает крайняя стадия оледенения) кожных покровов, глаза широко распахнуты, рот приоткрыт, брови сдвинуты, волосы становятся дыбом, дыхание учащенное, голос становится сиплым, глухим, а то и вовсе пропадает – это внешние проявления страха.

Вышеуказанные положения позволяют определить «страх» как «холод» и как «физическую слабость». Схожие метафорические модели, включающие в себя концепт холода и слабости, были рассмотрены лингвистами З. Кёвечешем (Kövecses)

[13] и Дж.Лакоффом [14]. В своих работах они описали модели страха, свойственные американской культуре: потеря способности двигаться и говорить с одной стороны, а с другой страх репрезентируется как жидкость в контейнере (концепт сосуда) и страх как стихия, страх как сумасшествие, болезнь [13, 23].

Можно выделить следующие фразеологизмы, репрезентирующие метафоры холода и слабости в арабском, русском и английском языках.

Страх – холод. Данная метафорическая модель широко представлена в русском языке. В арабском и английском также есть примеры и соответствия русским фразеологизмам. Идиомы трех языков восходят к этой базовой модели и имеют сходство не только в значении, но и в наборе внутренних органов, принимающих участие в описании ситуации.

Страх – холод

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
кровь стынет в жилах	جمد الدم في عروق – досл. кровь застыла в венах	fear makes his blood freeze, to make one's blood creep
мороз по коже продирает	اقشعر من البرد – досл. дрожать от холода	to make smb's skin crawl to make smb feel crawly
окаменеть от страха	застыть (замерзнуть) на месте от страха – تجمد من / جمد في ماكنه من الخوف / الخوف / تجمد رعبا	to be petrified
ужас леденит сердце страх леденит душу	قشعر القلب من الرعب – досл. сердце содрогается от страха	terror froze one's heart
покрыться холодным потом	холодный пот – عرق ازرق	to throw into a cold perspiration (sweat)
поджилки трясутся, колени дрожат, трясёт от страха дрожать как осиновый лист, дрожать от страха	اصطك – трястись (о ногах, коленках) اقشعر من الخوف – дрожать, содрогаться от страха	to shake in one's boots, to shake from fear; to quake in one's boots; to give the willies; to get the willies; to shake like a leaf
зуб на зуб не попадает	стучать(о зубах) – اصطك	teeth are chattering

Страх – физическая слабость. Другой многочисленный класс симптоматических выражений, обозначающих страх, восходит к метафорической модели страх – это физическая слабость. В этом классе представлены все основные типы телесных симптомов эмоциональных состояний, выделяемые в исследованиях симптоматической лексики. Мы можем подразделить все эти симптомы на следующие группы.

Затруднение в функционировании какого-либо органа/(части) тела человека

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
в глазах потемнело /помутилось/позеленело	اسودت الدنيا في وجهه – мир почернел в его лице, اظلمت الدنيا في عينيه – мир почернел в его глазах	everything went dark before his eyes.

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СИМПТОМАТИЧЕСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ
В АРАБСКОМ, РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ...**

Временная остановка функционирования органов

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
остолбенеть/оцепенеть/окаменеть от страха, застыть на месте от страха, стоять столбом, столбняк нашёл от страха, ноги приросли к земле, стоять как вкопанный, страх пригвоздил кого-л. к месту, ноги отнялись от страха, ноги стали ватными (от страха)	لم يتحرك كانَ قديمه – سَمَرْتَا إِلَى الْأَرْضِ – стоял как вкопанный	fear turned him to stone; to become petrified; to grow (become) dumb; fear rooted him to the ground; to be paralyzed (frozen) with fear; the legs got numb.
язык отнялся от страха	عقد الخوف لسانه – страх сковал ему язык	tongue was dumb, tongue was fettered, to become speechless, smb has lost his tongue.

Экстраординарное функционирование

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
глаза вылезли из орбит, глаза расширились	بحلقة – тарашение глаз	
сердце ушло в пятки, душа ушла в пятки, сердце упало/оборвалось/закатило сь/ ёкнуло/замерло/зашлось	طارت نفسه شعاعا – у него душа в пятки ушла(букв. улетела) انخلع قلبه – перепугаться – وقع قلبه بين رجليه/اصبح قلبه بين رجليه – сердце у него ушло в пятки اصبح قلبه بين قدميه – сердце у него ушло в пятки اصبح قلبه فى اطراف قدميه – сердце у него ушло в пятки طار قلبه – перепугаться – انخلع قلبه من الهول – у него от страха душа в пятки ушла – أخمص هبط قلبه الى اخمصين – у него душа в пятки ушла, он очень перепугался	his heart sank; his heart leaped into his mouth; his heart missed a beat; to have one's heart in one's mouth.
волосы стали дыбом	وقف شعر جسمه/راسه من الخوف – волосы стали дыбом	one's hair stands on end

Изменение цвета лица

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
побледнеть/побелеть от страха, побледнеть/бледный/белый как смерть/полотно	اصفر وجهه (букв. Его лицо пожелтело)	his face grew white; to go grey; to turn grey

Нарушение ритма дыхания

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
затаить дыхание	كتم انفاسه – затаить дыхание; حبس انفاسه من الخوف – затаить дыхание	with bated breath, hold one's breath

Потеря человеком сознания, рассудка, замедление мышления

Русский язык	Арабский язык	Английский язык
обезуметь от страха, до смерти перепугаться	مات من الخوف/مات في جلده - дословно умереть в своей коже, умереть от страха	to frighten (scare) the wits out of someone; to frighten (scare) liv- ing daylight out of someone

Интересен следующий факт. В арабском языке существует фразеологизм: نشف عرقه/قلبه من الخوف – букв. Его пот/сердце высохли от страха. Что противоречит модели «обильного потоотделения» при страхе. Также в арабском языке خف ايمانه من الخوف – букв. от страха уменьшается вера.

Также, когда человек напуган, появляется ощущение комка в горле. В арабском языке – بلع ريقه من الخوف – букв. Глотать слюни от страха.

И одна из последних стадий страха – это дефекация. Данная метафора свойственна английскому и русскому языкам. В арабском языке – شخ على حاله من الخوف – описался от страха [1; 2; 10; 11].

Результаты. В статье были исследованы основные метафоры, образующие устойчивые симптоматические выражения семантического поля «страх», разбив их на две основные категории «холод» и «физическая слабость», привели примеры фразеологических единиц в трех языках, а также систематизировали их, проследив эволюцию данной эмоции, начиная с легкого испуга и заканчивая последней стадией – потерей рассудка.

Исследование симптоматических выражений позволяет сделать **вывод**, что метафоры в арабском, английском и русском языках универсальны, и обозначают страх с одной стороны, а с другой – выделяют культурные особенности народов.

Перспективы. Данное исследование выражения эмоций в языке на примере фразеологии не является исчерпывающим. В дальнейшем будут изучены фразеологизмы семантических полей «радость» и «гнев» на материале арабского, русского и английского языков.

Литература

1. **Англо-русский фразеологический словарь:** [Ок. 5000 единиц / составитель А.В.Кунин]. – 8-е изд, стереотип. – М.: Рус.яз. – Медиа, А.В. Кунин 2007. – XII, 571, [9] с. – ISBN 978-5-9576-0370-2
2. **Арабско-русский словарь:** [арабско-русский словарь / составитель Х.К. Баранов – В 2 т. – 11-е изд, стереотип.] – М.: Живой язык, Х.К. Баранов, 2006. – 456 с. – ISBN 5-8033-0377-1(т.1) ISBN 5-8033-0371-2
3. **Изард К. Э.** Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб.: Питер, 2011 (оригинальное издание – Izard Carol E. The Psychology of Emotions. N.– Y, 1991). – 461 с. – ISBN 978-5-314-00067-0
4. **Ильин Е. П.** Эмоции и чувства / Е.П. Ильин – СПб.: Питер, Серия «Мастера психологии», 2001. – 752 с. – ISBN: 5-318-00236-6
5. **Иорданская Л. Н.** Лексикографическое описание русских выражений, обозначающих физические симптомы чувств / Л.Н. Иорданская// Машинный перевод и прикладная лингвистика, 1972. – Вып. 16. – с. 3-30
6. **Кодухов В.И.** Введение в языкознание: Учеб. для студентов / В.И. Кодухов – 2-е изд, перераб. и доп. – М: Просвещение, 1987. – 288 с
7. **Маклаков А. Г.** Общая психология.: учебник / А.Г. Маклаков – СПб.: Питер, серия «Учебник нового века», 2001. – 592 с.: ил. – ISBN 5-272-00062-5
8. **Маслов Ю.С.** Введение в языкознание: учебник для филологических специальностей вузов / Ю.С. Маслов – М.: Высш. шк, 1987. – 272 с.

9. **Петров В. В.** Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы / В.В. Петров // ВЯ, 1988. – № 2, – с. 41.
10. **Русско-арабский словарь:** [Более 42000 слов: Под ред. В.М. Белкина: русско-арабский словарь / составитель В.М.Борисов] – М.: Валерий Костин, 2008.– 1120 с. – ISBN 978-5-901278-06-2
11. **Учебный русско-арабский фразеологический словарь:** [около 900 фразеологизмов.: учебный словарь / составители А.М. Фавзи, В.Т. Шкляров] – М.: Русский язык, 1989. – 616 с. – ISBN 5-200-00807-7
12. **Языкознание** // Большой энциклопедический словарь / [Гл.ред. В.Н.Ярцева]. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.:ил. – ISBN 8-85270-307-9 (БРЭ)
13. **Kövecses Zoltán** Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Zoltán Kövecses – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 223p. – ISBN 0-521-54146-8
14. **Lakoff G.** Metaphors we live by / Lakoff G, Johnson M. – Chicago; London, 2004. – 256 p. – ISBN 5 -354-00222-2

Рубльова В. В. Порівняльна характеристика симптоматичних виразів в арабській, російській та англійській мовах / В. В. Рубльова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 14-19.

У статті досліджені фразеологізми семантичного поля «страх» на матеріалі арабської, англійської та російської мов.

Ключові слова: мовознавство, порівняльна лінгвістика, фразеологія, метафора, симптоматичні вирази, психолінгвістика.

Rublyova V. Comparative Characteristics of Symptomatic Expressions in Arabic, Russian and English Languages / V. Rublyova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 14-19.

In this article were investigated idioms of semantic field “fear”. The research is based on the material of Arabic, English and Russian languages.

Keywords: linguistics, comparative linguistics, phraseology, metaphor, symptomatic expressions, psycholinguistics.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 821.512.162

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ, СОЗДАННЫЕ ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ (НА ОСНОВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Ширалиева Ш. Р.

Бакинский государственный университет, Азербайджан
e-mail: azfolklor@yahoo.com

Статья посвящена изучению фразеологизмов, созданных глаголами движения, в турецком и азербайджанском языках. Одной из характерных особенностей глаголов движения в этих языках является аффикс возвратного залога.

Ключевые слова: глаголы движения, фразеологизмы, азербайджанский язык, турецкий язык

Постановка проблемы. Глаголы играют особую роль в формировании фразеологических единиц и обогащении словарного состава языка. Основная часть фразеологических единиц тюркских языков формируются с глаголами движения.

Рассмотрим некоторые образцы фразеологизмов, которые были созданы с участием глаголов движения:

Глагол движения *gelmek* (приходить): *dünyaya gelmek*. İnsanın kalbinde kin/Sızladı için için: – Dünyaya geldim niçin. Niçin gedirəm dedi; Ayva çiçek açmış yaz mı gelecek/Könül bu sevdadan vaz mı keçecek; Yolagelmez, dik başlı sözler karşısında ozancığın yüregi buruk, boynu bükük; Kürüm axır, dərin gəlir, Göy suları sərin gəlir

Aklına gelmek/ağlına gəlmək

Kendine gelmek/özünə gəlmək

Tam gelmek; Çizme ayağıma tam geldi [1, 443].

Umutsuzluğa düşmek/ümitsizliyə düşər olmaq.

В турецком и Азербайджанском языке существуют и другие значения глагола *düşmek*. Например: *zayıflamak/zəifləmək*; *büsbütün itibardan düştü/etibardan düşmək*; *ikinci plana düşmək*; *başına düşmək*; *sorumluluğu sana düşecek*; *rüzgar düşüyor*, *yere düşmək*; *damdan (yere) düşmək*; *torpağa düşmək* и т.д.

Глагол движения *enmək* (спускаться): *azalmaq*, *alçalmaq*, *düşmək* (havanın temperaturu endi. Qiymətlər xeyli enmişdir); *torpağa*, *yerə oturmaq*, *yerə düşmək* (Paraşütçülərdən biri məxmər otların üzərinə endi); *çevrilmək*, *halımı almaq* (Çəpiklər çırtığa enmişdi); *çökmək*, *basmaq*, *çulğalamaq* (Sakit Azərbaycan kəndi üzərinə bir yaz axşamı enirdi); *azaltmaq*, *aşağı salmaq* (..Görəsən, şışbığ cəvahiratın qiymətindən birçə pillə enərmə?); *dəymə*, *zərbə hiss etmək* (Başına bir yumruq endi); *baş əymək*, *zərbə hiss etmək*, *..qabağında əyilmək* (Nəbiyəm, enməyəm sultana, xana; Düşmənin tənəsi kar etməz cana; Boz atı oynadıb gırrəm meydana. «Qaçaq Nəbi»)

Глагол движения *gitmek/getmək* обладает значениями *действовать*, *шагать*, *ходить* и т.д.: Uçar gider könül kuşun kafesten/Dilin varmaz dön demeye; Dursunali bluzu hiddetle koltuğunun altına kıştırıp tanıdık çocuğun yanına gitti.

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОЗДАНЫЕ ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ
(НА ОСНОВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)**

Глагол движения *çıkmak/çıxmaq* (выходить): *Yola çıkmış düşünceler, en makbul/Tevekkül mü evet, hamle mi kabul.*

Глагол движения *keçmek/keçmək* (проходить): *Dal, yaprak, ışık, su, bahar ve çiçek, Bir gün çocukluğum gibi geçecek.*

Глагол движения *gelmek/gəlmək*: Как глагол движения это слово обладает значениями *дойти до какого-то пункта, прийти, ходить* и т.д. **Например:** *Dursunali karısına bluz satın alıp gelmeseydi, onca laf olmayacaktı, Çocuklar! Dedi sevincele, yakında sımfımızda tabiat bilgisi dersinden imtihan olacaksınız, teftiş heyeti gelecek, Atlılar gəlir. Maşın gəlir.* Этот глагол движения, приобретая другие значения, может формировать фразеологические конструкции в составе предложения. **Например:** *O yan-bu yandan güllə səsləri gəlirdi* (в этих предложениях слово **gəlirdi** употребляется в значениях слышать, чувствовать, доходить); *Yemiş 2 kq gəldi* (в значении **тяжесть, весить**); *Bu söhbətlər Fətullaya zarafat kimi gəlirdi* (M.Cəlal) (в значении **воображать, уподоблять**); *Vəyəndiyi qızlar da Məmmədbağıra gəlməyirdi.* (в значении **выходить замуж, жениться**); *Yaz gəlir* (в значении **приближаться, приходиться**); *Poçt gəldi* (təyin olunduğu yerə yetişmək, çatmaq); *Hamı zala gəldi* (в значении **входить, заходить, собираться**); *Qoça gəlmək*. Тəкəуə **gəlmək** (в значении **парный**); *Xəmir gəldi* (в значении **приходить, подходить, созревать**); *Sözün kökü sanskrit dilindən gəlir* (в значении **исходить, выходить**); *Bizə xına İrandan gəlir* (в значении **привозить**); *Türk dillərində şəkilçilər sözlərin axırında gəlir* (в значении **присоединяться**); *Krandan su gəlir* (в значении **течь**); *Pəncərədən işıq gəlir* (в значении **выходить, виднеться**); *Bu sözlər mənə yalan kimi gəlir* (в значении **показаться, уподоблять**); *Uyğun gəlmək* (в значении **подходить**); *Paltar əynimə yaxşı gəlir* (в значении **соответствовать, равнять**); *Bunlar hamısı işi yaxşı bilməkdən gəlir* (в значении **привести к результату, заключение**) [2, 154].

Глагол *gelmek* также употребляется в составе фразеологизмов *kendine gelmek, özünə gəlmək* (прийти в себя) и участвует в деепричастиях как первая сторона: *gəlib-yetişmək, gəlib-çatmaq, gəlib-ötmək* и т.д. Наблюдается активное участие этого глагола движения в формировании фразеологизмов: *gözə gəlmək* – *сглазнуть*, *dilə gəlmək* – *говорить, сара гəlmək* – *надоедать*, *həyəsanə gəlmək* – *волноваться*, *ağlına gəlmək* – *догадаться* и т.д.

Семантические области глаголов движения. Семантические области глаголов движения формируются на основе инвариантных лексико-грамматических особенностей. Определение этих особенностей напрямую связано с изменением ситуации. Самым общим членом этой области является понятие *действовать* – *hərəkət etmək*.

Характер, среда, метод, общее направление движения создают семантическую область действия. Например, глагол *gelmək* означает *пеший ход*, а также *езду на автомобиле*: *Uşaq gedir, At gedir, Araba gedir, Maşın gedir, Qatar gedir, Təyyarə Moskvaya gedir* и т.д.

Как видно, глагол *getmək-uytım* или же *gəlmək-прійти* означают *приход* или же *приезд* [3, 102]. Широко распространены метафорические значения глагола движения *getmək* в Азербайджанском и тюркском языке. Эта особенность создает синонимию глаголов движения. Н.Мамедов, подразумевая эту особенность, пишет: «Си-

нонимия движения все более ярко выражается в семантических отношениях общих и специальных глаголах. Глагол *getmək* входящий в состав глаголов движения с общим значением, обладает широким спектром семантических особенностей. Семантические особенности глагола *getmək* создает семантическую синонимию со словами – *varmaq – doıtu, keçmək – proıtu, yollanmaq – idtu, ötmək – obognatı, göndərilmək – pošlatı*» [4, 58]. Семантические особенности глагола *getmək* отражаются в нижеследующих предложениях: *getmək – axmaq – течь* (*Sular sari torpağı yalayıb geri çəkilir*), *Lillənə-lillənə uzaqlara gedirdi, getmək – ötmək – пройти* (*İllər nə tez getdi*), *getmək-yollanmaq-yıtu* (*O, evə çıxıb getdi*) и т.д. Глагол движения *getmək*, выражающий значение общего движения обозначает физическое действие. Большинство этих глаголов движения кроме номинативной семантики, используется в других потенциальных значениях. А это можно объяснить дальнейшим развитием языка. Обладание других значений, помимо номинативного значения, связано с объектом, средой, а также использованием с разными лексическими единицами. В лингвистической литературе эти семантические особенности представляются как вариативность глагола. Глаголы движения в доминантном значении считаются инвариантом, а его разные семантические оттенки считаются вариантом. Глагол движения не подвергается изменению как структурно, так и содержанием. Но употребляется в различных семантических значениях. Но и это значение не выходит за рамки доминантного семантического значения. Варианты глагола, не смотря на то, в каком семантическом значении было использовано, могут быть инвариантом. Глаголы движения, употребленные в переносном смысле, выражают относительное движение. Этот вид действия встречаются в разных ситуациях, контекстах, фразеологических единицах и т.д. Например, глагол *getmək* употребляется в переносном смысле и таким образом обогащает язык: *ürəyi getmək, canı getmək, əməyi hədəf getmək, başı getmək*. Эти примеры показывают лексико-семантические границы этого глагола и определение микроструктуры: *Qəlbimdə bir çarpışma gedirdi, QIZ ərə getmədi, Adını qoymusan qabaqcıl, özün də qarğıdalıya zidd gedirsən*. Основным качеством этих глаголов движения являются возможность их употребления в переносном смысле.

Антоним глагола *getmək* – глагол *gəlmək* также может употребляться в прямом и переносном смыслах. Например: а) в номинативном смысле: *Meşədən aralanan altılar talanın ortası ilə düz onun üstünə gəldi*, б) в переносном смысле: *Meşənin dərinliyindən at finxırışı və ayaq tappdıtı gəldi*. А.Алекперов, затрагивая семантическое противопоставление, отмечает, что субъективно-координативное противоречие относиться только к двум глагольным парам: *gəl-get, gətir-apar*. Эти глаголы по сравнению с другими глаголами движения выражают не методы движения, но отношение к субъекту – приближение и отдаление от него. Глаголы движения отличаются также семантической категорией. По активной и пассивной, сильной и слабой семантической категории глаголы движения можно разделить на два вида: Активно-сильная категория значения – интенсивные действия. Например: *kaçmaq/qaçmaq, yüyürmək, sıçramak/sıçramaq, sürüşmək* и т.д.

Пассивно-слабые действия выражаются одноименными глаголами движения: *çıkmak/çixmaq, dönmək/dönmək* и т.д.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОЗДАНЫЕ ГЛАГОЛАМИ ДВИЖЕНИЯ (НА ОСНОВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И ТУРЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)

Выводы и перспективы. Таким образом, по лексической семантике глаголы движения выражают обычный, скоростной и медленный процесс действия. Глаголы движения в азербайджанском и турецком языках были классифицированы на различные семантические группы.

Литература

1. Emre A. Türk dilbilgisi / A. Emre. – İstanbul, 1945. – 244 s.
2. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti = Толковый словарь азербайджанского языка : в 4 т. – том 3. – Баку : Елм, 1983. – 555 с.
3. Сульженко И. Семантические изменения в группе глаголов движения : автореф. дисс. на соиск. учен. степени кан. фил. Наук / И. Сульженко. – Москва, 1962. – 19 с.
4. Мамедов Н. Лексическая синонимия глаголов в современном Азербайджанском языке : [на азерб. языке] / Н. Мамедов. – Баку, 1991. – 109 с.
5. Алекперов А. Лексическая семантика глаголов в современном азербайджанском языке / А. Алекперов. – Баку, 1983. – 159 с.

Шіралієва Ш. Р. Фразеологізми, створені дієсловами руху (на основі азербайджанської та турецької мов) / Ш. Р. Шіралієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 20-23.

Стаття присвячена вивченню фразеологізмів, створених дієсловами руху, в турецькій та азербайджанській мовах. Однією з характерних особливостей дієслів руху в цих мовах є афікс зворотної застави.

Ключові слова: дієслова руху, фразеологізми, азербайджанська мова, турецька мова

Shiraliyeva Sh. R. Phraseological units whose created with motion verbs (on the basis of the Azerbaijan and Turkish languages) / Sh. R. Shiraliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 20-23.

This article is devoted to the grammatical peculiarities of motion verbs in Turkic and Azerbaijan languages. One of the typical features of motion verbs in these languages is calling the affix of reflexive voice. Turkic languages motion verbs are: motion verbs consisting of root, derivative motion verbs, compound motion verbs.

Keywords: motion verbs, phraseological units, Azerbaijan language, Turkish language

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 81(091); 81 (092)

ФАРХАД АГАЗАДЕ И I ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД

Каграманлы Е.

*Бакинский государственный университет, Азербайджан
e-mail: ueqana@bk.ru*

В 1926 году в Баку был проведен I Тюркологический Съезд. В работе этого съезда кроме азербайджанских тюркологов приняли участие знаменитые тюркологи не только из СССР, но и из-за рубежа. В статье на архивном материале описывается участие Фархада Агазаде на этом съезде.

Ключевые слова: тюркологический съезд, Баку, Фархад Агазаде

Постановка проблемы. Одним из наиболее активных борцов школьного, просветительского и культурного фронта начала XX века в Азербайджане был Фархад Агазаде (1880-1931).

В течение 30-тилетней преподавательской деятельности Фархад Агазаде показал себя активным общественным деятелем, патриотом, неустанно ведущим борьбу за новый латинский алфавит, ученым, прославившимся в истории лингвистики множеством значимых научных статей и монографий, способным педагогом, упорно трудящимся на пути просвещения детей Отчизны, опытным методистом, создавшим множество учебников и методических средств, а также выдающимся публицистом, чьи статьи заняли достойное место в газетах и журналах своей эпохи.

Фархад Агазаде – выдающийся деятель, имеющий значительные заслуги перед Отечеством и народом. Он действительно был патриотом в самом настоящем смысле слова. Считал своим долгом осуществление всех работ во имя прогресса Родины.

Однако, прежде всего, Ф. Агазаде был крупным лингвистом. У него есть ценные, содержательные произведения по всем областям лингвистики: алфавиту и его истории, фонетике, правописанию и орфографии, морфологии. Как и многих других интеллигентов, Ф. Агазаде беспокоила мысль о превращении арабского алфавита в серьезную преграду для просвещения населения и развития нашего языка. «Если представить борьбу за новый алфавит в виде живого организма, то Фархад Агазаде был его позвоночником» [7, 2]. «Даже врагами латинского алфавита он считался одним из самых крупнейших теоретиков» [1, 68].

Ф.Агазаде, наряду с ведением борьбы за новый алфавит, пишет об этом научные произведения, выступает в различных школах и конференциях, активно трудится в подготовке учебников и книг, различных средств и проектов. В 1922 году был издан написанный Ф.Агазаде совместно с С.Ахундзаде и М.Мамедзаде учебник «Новый тюркский алфавит», что было первой азбукой с латинской графикой, изданной Азербайджанским комитетом нового тюркского алфавита. Эта азбука издавалась и в последующие годы. В отчете о деятельности АКНТА в промежутке между 1 октября 1923 года и 1 октября 1924 года отмечается издание «Нового тюркского алфавита» и книги «Второй год» самым большим тиражом (50.000 экземпляров).

Наконец-то состоялось великое событие начала XX века – I Бакинский тюркологический съезд, сыгравший огромную роль в культурной, научной и политической истории тюркского мира, в том числе и Азербайджана. Съезд воплощал стремления Ф. Агазаде, активно боровшегося за латинский алфавит. В связи с этим полагаем целесообразным отобразить его роли в проведении и организации Тюркологического съезда 1926 года.

В те годы латинский алфавит начал распространяться не только в Азербайджане, но также и во всех тюрко-татарских республиках, поэтому встал вопрос о созыве Тюркологического съезда. «Для изучения отношения других республик к этому вопросу в 1924 году была создана делегация представителей под руководством председателя ЦИК Азербайджана С. Агамалыоглы и данная делегация совершила поездки в Симферополь, Оренбург, Уфу и Казань, и во всех городах, как и в Азербайджане, провели встречи с противниками и сторонниками нового алфавита» [2, 78].

Впечатления о поездке подробно отобразились в воспоминаниях-мемуарах узбека по национальности Халида Саида «Мои старые воспоминания и ощущения на путях нового алфавита». В конце этой книги Х. Саид писал: «Зародившаяся сначала благодаря М.Ф.Ахундову мысль о новом алфавите в результате большой революции вновь осуществилась благодаря активной инициативе Азербайджанского комитета нового тюркского алфавита. Формирование комитета же привело к поездке С. Агамалыоглу в различные тюрко-татарские страны, этот вояж в различные в тюрко-татарские страны и другие народы стал единственным фактором и причиной для являвшегося сложным первого Тюркологического съезда» [2, 147].

В архиве Ф. Агазаде встречаем интересные сведения на русском языке, о I Тюркологическом съезде и его итогах. Об инициаторах съезда он сообщает, что вопрос о созыве съезда был поднят в 1924 году в Азербайджане. В тот год этот вопрос был поднят и во Всесоюзном обществе востоковедов. На заседании, проведенном 15 сентября 1925 года в Москве под председательством председателя Азербайджанского ЦИК С.Агамалыоглу, было принято решение о том, что съезд будет созван 15.12.1925 года при организации Общества востоковедов и Азербайджанского общества исследований и Тэтəbbö. (Ф. 515, s.v.19). Вообще, среди инициаторов I Тюркологического съезда наряду с Н. Наримановым, Агамалоглы, Б. Чобанзаде, А. Самойловичем, упоминается и имя Ф. Агазаде [3, 30].

Ф. Агазаде писал о тюркологическом съезде: «Этот вопрос назрел и в научных кругах Ленинграда и Москвы. Наконец, было принято решение о созыве в Баку I Тюркологического съезда с участием советских и зарубежных тюркологов» [2, 78]. В созыве I Тюркологического съезда значимую роль сыграла специальная комиссия, созданная под руководством председателя Азербайджанского ЦИК С. Агамалыоглу. Этот вопрос был обсужден на заседании комиссии 6 февраля 1926 года, созданы соответствующие комиссии – по терминологии, обучению, правописанию и т.д., Ф. Агазаде, Р.Эфендиев и Б.Чобан-заде были избраны членами комиссии по правописанию. Кроме того, для созыва представителей от Азербайджана на Тюркологический съезд была создана специальная комиссия в составе Дж. Мамедзаде, П. Касумова и Ф. Агазаде [8, 123]. По решению указанного заседания был проведена предсъездовая конференция азербайджанских учителей. В архиве Ф. Агазаде видим ру-

копись-черновик резолюции о новом тюркском алфавите, принятой конференцией учителей, что доказывает подготовку резолюции со стороны Ф. Агазаде. «На конференции, проводящейся с 15 февраля по 19 февраля, Ф. Агазаде предоставил информацию о своем докладе на этом Тюркологическом съезде, а также говорил о необходимости ускорения перехода на новый алфавит. Эта его мысль нашла свое отражение в решении, принятом по итогам конференции. В решении отмечается, что мы не должны ждать перехода других тюрко-татарских народов на латинский алфавит. Азербайджан, не задерживаясь ни минуты, должен устранить неграмотность населения с помощью нового алфавита и послужить другим примером» [4, 12].

Таким образом, Комитет нового тюркского алфавита сыграл основную роль в формировании Академии наук. Совместными усилиями образованного в 1923 году Общества исследований и Тәтәббә и Всесоюзного общества востоковедов с 26 марта по 3 марта 1926 года в городе Баку был проведен I Международный тюркологический съезд. На этом съезде было проведено 17 заседаний, на которых участвовал 131 человек. Было заслушано 38 докладов, посвященных языку, этнографии, правописанию-орфографии, литературе и культуре тюркского мира. «Из сторонников нового алфавита среди докладчиков ожидают директор искусств и школ Азербайджанского комиссариата просвещения товарищ Джалил Мамедзаде с научным работником Комитета нового тюркского алфавита товарищем Фархадом Агазаде» [6, 94].

Ф. Агазаде проявил особую активность и на этом съезде. Он выступил 3 раза: на 6-ом, 7-ом и 12-ом заседаниях. Выступив как член комиссии по орфографии 1 марта 1926 года на 6-ом заседании с докладом на тему «Правила правописания на тюркском языке», он затем прочел тезисы доклада на русском языке. Этот доклад по техническим причинам был напечатан в виде дополнения к стенографическому отчету. Доклад был встречен с большим интересом и его соображения об орфографии азербайджанского языка и по сей день не утратили своего значения. Свой доклад он начинает критикой правил правописания в грамматиках старых тюркских языков и показывает, что большинство из них сводятся к правильному написанию арабских слов. Так, заводит речь о словах «*hərəkə*», «*təvin*», «*tədid*» и «*şəmsiyə*», одним словом, обращает внимание на арабские слова, арабский алфавит и, обобщая, отмечает, что в старых правилах тюркского правописания существует двойственное написание: одно относится к арабским, другое к тюркским словам. Однако заимствованные слова, будучи вошедшими в тюркский язык, должны подчиняться грамматическим законам, правилам правописания тюркского языка. Затем он пытается найти пути больших изменений в тюркских языках. Сначала, обратив внимание на принцип историчности, отмечает невозможность его применения в тюркских языках, поскольку если вошедшие в наш язык арабские слова подчинить правилам тюркской грамматики, то слова «*hərəkə*», «*tədid*», «*təvin*» и тому подобные обозначения потеряют свой вид.

Обратив внимание на морфологические принципы, Ф. Агазаде приводит в пример слова «*qarındaş*», «*addaş*», отмечает их несоответствие правилам тюркского языка.

Кроме того, подчеркивая несоответствие принципов дифференциации, Ф. Агазаде видит соответствующими правилам тюркского правописания фонетиче-

ские принципы. Рекомендует применять фонетический принцип сначала исключительно в отношении тюркских, а затем и заимствованных слов. Затем Ф.Агазаде продолжает свою мысль: в силу того, что правильное написание по фонетическому способу основывается на произношении, необходимо определить правила произношения тюркских слов. Должно обращать внимание на слоговое строение тюркских слов, законы созвучия, положение гласных и согласных в начале, середине и окончании слова и ударение, что и будет заложено в основу правописания. Правила, присущие арабским словам, диакритические обозначения и 8 букв, свойственные арабской артикуляции, должны быть заменены на буквы, характерные для тюркской артикуляции.

Ф.Агазаде определены 2 условия педагогики при применении правильных правил письма:

1. Письмо должно быть в такой форме, чтобы дети после этого не допускали ошибок.

2. Идеалом правильного письма должна быть его механичность (автоматизм), а арабский алфавит в этом смысле является самой большой препоной: существование 4 форм каждой буквы, точки, отдельная запись диакритических обозначений и т.д., отмечает соответствие тюркскому произношению латинского алфавита и его преимущества: наличие заглавных букв, возможность разделения слова на части, правильное использование знаков ударения и пунктуации.

Ф.Агазаде подчеркивает ряд важных качеств правильных правил письма, которые должны быть приняты новым алфавитом:

1. В тюркском языке ряд слов должны писать в форме, услышанной из уст народа, в форме, им заимствованной. Не усвоенные массами, вошедшие в литературу слова надо писать сообразно их первичному произношению.

2. В случае тюркизации заимствованных из арабского и других языков слов или же подчинения законам созвучия отдавать предпочтение первичному источнику из 2-3 видов произношения и при правильном письме брать его за основу.

3. Необходимо стараться подчинить законам созвучия каждое иностранное слово, вошедшее в тюркский язык, в случае же невозможности этого, не меняя данное слово, писать его как есть.

4. Из ряда иностранных слов должны приниматься те, которые соответствуют законам тюркского созвучия в Азербайджане.

5. Правильное написание присущих Азербайджану слов должно быть сообразно их местному произношению.

6. Заимствованные из других тюркских народов слова с точки зрения правильного написания должны подчиняться правилам произношения на своей родине

7. Если у одного слова есть несколько правильных форм написания, предпочтение должно отдаваться самому современному из них.

После этого высказаны соображения по поводу правописания слов европейского происхождения, перешедших в тюркские языки. Так, поскольку большинство слов европейского происхождения перешли посредством русского языка, а в русском языке нет букв «ə», «ö», «ü», «h», русское произношение не соответствует тюркскому языку. В этом случае целесообразно написание этих слов в соответствии

с оригиналом. В ряде европейских языков буква пишется, но не читается. В тюркских языках такого свойства нет, поэтому непроносимые звуки должны быть отброшены.

Завершающий доклад Ф.Агазаде показывает, что в тюркском мире самым коротким путем к правильной орфографии является издание словарей фонетическим способом. В тюрко-татарских странах может возникнуть единый и очень богатый словарь, объединяющий все тюрко-татарские народы. Кроме того, навсегда могут быть установлены правильные правила правописания [5, 438].

На 7-ом заседании обсуждение вопросов орфографии продолжилось, Ф.Агазаде вновь выступил, однако это выступление не было стенографировано.

Вопрос алфавита был широко обсужден на 3-х заседаниях 3-4 марта: 10-ом, 11-ом и 12-ом. Первое выступление на 12-ом заседании 4 марта 1926 года, на котором обсуждались «Латинские системы шрифтов на арабском и вопросы их применения для тюрко-татарских народов», совершает активный участник подготовки проекта нового тюркского алфавита Ф.Агазаде. Он выступил на азербайджанском языке, а затем прочел краткое резюме на русском языке: «Возможна ли реформа арабского алфавита при условии устранения всех отмеченных в нем недостатков? Если в этом алфавите есть недостатки, устранение которых, можно сказать, невозможно, выгодно ли для нас попадание из одного безвыходного положения в другое? Было бы целесообразным сохранить его в той форме, какая была в древних литературных памятниках и религиозных книгах, для будущей культуры же принять алфавит, соответствующий всем требованиям науки и искусства» [5, 256]. После этого выступления рождается еще более ожесточенная полемика и принимается решение о постановке на голосование выдвинутых сторонниками латинского алфавита предложений.

Наконец, 4 марта 1926 года, на 13-ом заседании, этот вопрос был поставлен на голосование. В результате этого исторического голосования 101 человек проголосовало за сторонников латинского алфавита, 7 человек за предложение арабского алфавита, а 9 человек воздержалось. Таким образом, было принято очень серьезное решение на пути внедрения латинского алфавита во всех тюрко-татарских республиках. «Следовательно, благодаря Тюркологическому съезду можно было сказать, что анатолийские турки воздержались, казахи и казанцы были полностью против, оставшиеся тюрко-татарские страны же категорически высказались за введение нового алфавита» [6, 96].

После съезда, с целью регулирования движения по внедрению нового алфавита во всесоюзном масштабе, распоряжением ЦИК СССР от 11 мая 1927 года был организован Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита, С.Агамальюглу был избран председателем этого комитета. Ф.Агазаде писал об этом: «После этого (съезда) каждая республика самостоятельно составила проект перехода на новый алфавит и при этом возникли многочисленные противоречия и для их устранения должен был быть создан центральный управляющий орган. В результате был образован и сначала в Москве, а затем с 1 мая 1928 года в Баку, начал работать Всесоюзный центральный комитет нового тюркского алфавита (1, s.v.19, с.5). Начиная с 1 мая 1928 года, после перевода ВЦКНТА из Москвы в Баку, Ф.Агазаде приглашается в комитет на должность научного работника и информато-

ра и до 1 июня 1930 года работает на этой должности. В последние годы своей жизни работает начальником отдела истории АН Азербайджанской ССР.

Начиная с 1 января 1929 года арабский алфавит был официально заменен латинским алфавитом, параллельно используемым с 1923 года. Ф.Агазаде писал по этому поводу: «Таким образом, заискрившиеся в Азербайджане всего 6 лет тому назад искорки перешли во весь тюрко-татарский мир Советского Союза. Уже весь Восток интересуется этим вопросом» [2, 87]. С 1 декабря 1928 года и Турция перешла на латинский алфавит.

Выводы и перспективы. Таким образом, Ф.Агазаде наряду с ведением борьбы за новый алфавит в качестве председателя действующего с 1922 года Азербайджанского комитета нового тюркского алфавита, ответственного работника ВЦКНТА, написал работы теоретически доказывающие его необходимость, научно обосновал взгляды о замене арабского алфавита латинским алфавитом. А его роль в Тюркологическом съезде, являющемся важнейшим событием в деле внедрения латинского алфавита во всех тюрко-татарских республиках, незаменима.

Литература

1. Агазаде Ф.(Фонд – 515), Национальное архивное управление Азербайджанской Республики, Азербайджанский государственный архив литературы и искусства.
2. Агазаде Ф.Очерк по истории развития движения нового алфавита и его достижения / Агазаде Ф., Карагашлы Г. – Казань, 1928, на русском языке. – 134 с.
3. Каграманлы Н. Старый новый алфавит, Баку, 2002. –119 с.
4. Исаханлы И. Переход на латинский алфавит в Азербайджане. Краткий экскурс в историю и Фархад Агазаде // журнал «Хəзəг хəбəг».–№ 196–198. ноябрь, декабрь, 2005
5. Нариманоглу К.В. I Бакинский тюркологический съезд 1926 года / Нариманоглу К.В, Агакишиев А. – Баку: Чинар-Чап, 2006. –570 с.
6. Халид Саид. Мои старые воспоминания и ощущения на путях нового алфавита. – Баку , 1929. – 147 с.
7. Халафли Али Рза. Чей родственник Фарахад Агазаде? // газета «Кредо». –16 с.
8. Халилов Б. Эпоха возрождения тюркологии. Издательство Адилоглу. – Баку, 2001. – 194 с.

Farhad Agazadeh and I Turkological Congress // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 24-29.

I Turkological Congress was held in 1926 in Baku. At this congress, except Azerbaijani Turkic studies, delegates were famous Turkologists from the Union, as well as from abroad. In the article on archive material tells part Farhad Agazadeh at this Congress.

Keywords: Turkological Congress, Baku, Farhad Agazadeh/

Поступила в редакцию 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ВРЕМЕНИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Асадова Р.

*Институт языкознания им. Насими Национальной Академии наук Азербайджана
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье исследуются структурные типы придаточных предложений времени в Азербайджанском языке. Автор показывает четыре типа – ситуаций придаточных предложений и раскрывает пути их образования.

Ключевые слова: сложноподчиненное предложение, придаточные предложения времени

Постановка проблемы. Несмотря на то, что проблема сложноподчиненных предложений неоднократно рассматривалась в тюркологии [1; 2 и др.], в азербайджанском языкознании данный вопрос остается открытым и требует детального освещения. В структуре сложноподчиненных предложений азербайджанского языка основную роль играют союзы, союзные слова, частицы, коррелятивные слова, ряд компонентов. Структура сложноподчиненного предложения определяется по этим параметрам. Азербайджанский лингвист А. Абдуллаев, рассматривая эти единицы языка, классифицирует четыре положения – ситуации структуры сложноподчиненного предложения: I ситуация, II ситуация, III ситуация, IV ситуация [3, 140-144].

Мы также считаем нужным рассматривать структуру придаточных обстоятельственных предложений времени по этим четырем ситуациям. В этом случае принимаются во внимание место и состояние употребления придаточных предложений.

Ситуация 1. В этой ситуации придаточное предложение стоит в препозитивном положении по отношению к главному предложению, то есть перед главным предложением. В придаточном предложении используются союзные слова (относительные слова) и в большинстве случаев используются их корреляты в главном предложении. Сказуемое придаточного предложения во многих случаях принимает суффиксы – *sa*, – *sə*. Надобность использования главного предложения исходит из придаточного предложения. Такие придаточные обстоятельственные предложения времени выражают общность и неопределенность и их семантика проявляется посредством главного предложения. В главных придаточных предложениях времени аналитико-синтетического типа характерных для разговорного языка участвуют лексические единицы, обозначающие время, соответствующие союзным словам, такие как о *vaxt*, *onda* и т.д. Но, несмотря на это, во многих случаях слово, обозначающее время в главном предложении подвергается эллипсису. Например:

Naçan dəvət etsən, (onda) təşrif buyuraram (в разговорном языке)

Когда пригласишь, (тогда) и прибуду

Нижеуказанные союзные слова в Азербайджанском языке служат созданию этой ситуации придаточных предложений времени:

1) созданные союзными словами *nə vaxt, nə zaman, havaxt*:

Nə vaxt kəndə gəlsən, hədiyyəni orda verəcəyəm (в разговорном языке)

Когда придешь в деревню, тогда и получишь подарок.

2) созданные союзными словами *haçan, haçan ki*:

Haçan qəlbinə toxunsa, mənə deyərsən (М.Сулейманов)

Когда тебя обидет, скажешь мне.

3) созданные союзными словами *nə qədər, nə qədər ki*

Nə qədər ki ölməmişəm, sənün bu yaxşılığını yaddan çıxartmağaşam (А.Самедов)

Ситуация 2. В этой ситуации придаточное предложение стоит в постпозитив-

ном положении, и употребляется после главного предложения, связь происходит с помощью союза “*ki*”. Реализация придаточного предложения происходит на основе главного предложения.

Отметим, что эта ситуация является единственным типом этих придаточных предложений времени с постпозитивной позицией. Но существует семь типов препозитивных придаточных предложений времени.

Слова *o vaxt, o zaman, onda* помогают связать главное и придаточное предложение, а также способствуют реализации придаточного предложения.

В главном предложении участвует обстоятельство времени, но так как это обстоятельство выражается одним из слов – *o zaman, o vaxt, onda*, его содержание остается не раскрытым. По этой причине для раскрытия его значения употребляется придаточное предложение.

В процессе создания этой ситуации в главном предложении один член подвергается эллипсису, но вместо него остается «ложный» член (в роли этого члена в большинстве случаев выступает местоимение).

Придаточное обстоятельственное предложение можно отнести к этому типу. В главном предложении участвуют нижеследующие союзные средства:

1) *o zaman* в главном предложении

Uşaq fikrini o zaman israr etdi ki, onda iş işdən keçmişdi (в разговорном языке)

Ребенок тогда настоял на своем мнении, когда было уже слишком поздно.

2) *o vaxt* в главном предложении

O vaxt yuxudan durdum ki, saat səkkizə işləyirdi (в разговорном языке)

Я проснулась, когда шел восьмой час.

2) *onda* в главном предложении

Onda sənənlə razılaşaram ki, Şah dağından ovladığın ceyranlardan birini mənə gətirəsən (М.Сулейманлы)

Я соглашусь с тобой только тогда, когда ты принесешь мне один из джейранов.

Связывающие слова *o zaman, o vaxt, onda* в Азербайджанском языке если указывают на время разговора, то в этом случае не требуют придаточного предложения. А.Абдуллаев считает, что если в главном предложении время выполнения действия еще не определено, то для раскрытия времени действия употребляется придаточное предложение [3].

Приведем примеры:

Onda huşa gəldi ki, həkim başının üstə dayanmışdı (А.Велиев)

Лишь тогда пришел в себя, когда врачи стояли над его головой.

O zaman düzlükdən danışmaq olar ki, bu bəylər zülmü yerə qoysunlar (А.Велиев).

О справедливости можно говорить лишь тогда, когда беки перестанут творить зло

В этих предложениях придаточные употребляются для раскрытия семантики связывающих слов – *o zaman, onda* [3, 260].

Ситуация 3. В этой ситуации некоторые типы придаточных предложений времени употребляются перед главным предложением. Главное предложение связывается с придаточным посредством союзной частицы *-ki* и интонацией. Придаточное предложение, в общем, относится к значению и содержанию главного предложения. Уточнения и ясность создается в разговорном процессе.

Этот тип является самым широко распространенным, и употребляется в основном вспомогательными словами типа *yeni, təzəcə, yeni-yeni, yenicə*. Эти слова служат реализации придаточного предложения, и помогают уменьшить промежуток между действием главного предложения и придаточного.

Например:

Mühazirənin axıncı cümləsi yeni qurtarmışdı ki, dekanın səsi eşidildi (в разговорном языке)

Как только закончилась последнее предложение лекции, послышался голос декана;

Təzəcə soyunub yerinə girmişdi ki, qapının cırlıtısını eşitdi (С.Велиев)

Только разделся и лег спать, послышался визг двери.

Səlimə yeni-yeni iməkləmək istəyirdi ki, isti su tökülüb ayaqlarını yandırdı (А.Велиев).

Как только Салима захотела поползти, горячая вода разлилась и сильно обожгла ее ноги

Meyvələr yenicə dəyirdi ki, güclü payız küləyi onları yerə tökdü (А.Велиев).

Как только фрукты поспели, сильный осенний ветер рассыпал их по земле.

Ситуация 4. В этой ситуации придаточное предложение времени переходит в препозитивную позицию (стоит перед главным предложением). Придаточное предложение связывается с главным с помощью аффиксальных частиц.

Об этом типе придаточных предложений впервые рассказал проф. М. Ширалиев, и назвал их «синтетическим типом придаточных предложений времени» [5].

Этот тип связывается с главным предложением посредством частицы *-ti, -mi, -ti, -mü* и интонации.

Отметим, что этот тип придаточного предложения времени, выражающий время исполнения действия главного предложения, составляет малую часть в Азербайджанском языке.

Uşaq ağladımı, evdəkilərin kefi istər-istəməz pozulardı (в разговорном языке)

Когда ребенок плачет, то настроение домашних сразу портится.

В Азербайджанском языке существует еще один тип придаточного предложения времени, который связывается с главным предложением с помощью «семантики и интонации». В этом типе, по сравнению с другими типами, для связывания глав-

ного и придаточного предложения не используются частицы, союзы и союзные слова. Придаточное и главное предложения связываются посредством интонации и семантики.

В придаточных предложениях времени связанных с интонацией и семантикой, сказуемое употребляется в прошлом времени.

Например:

Yüz qram spirtli içki içdi, dəyişib olur dəli, tutdurursan, tutmur (С.Велиев)

Как только примет сто грамма спиртного, превращается в сумасшедшего.

В этом примере сказуемое может употребиться без частицы *-mi* и тогда в значении предложения не произойдет никаких изменений, перед придаточным предложением можно добавить союз *elə ki*.

- Elə ki yüz qram spirtli içki içdi..

Как только примет сто граммов спиртного....

- эта часть предложения является придаточным предложением.

Выводы и перспективы. Таким образом, структура придаточных предложений времени основывается на внутренних закономерностях развития азербайджанского языка. Изучение этих закономерностей способствует выявлению общностей, универсалий и дифференциальных качеств разноразличных языков.

Литература

1. Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке / Э.А. Грунина // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Синтаксис. – М.: АН ССР, 1961. – Т.3. – С. 35-221.
2. Оказ Л.С. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка. Сложное предложение: Учебное пособие / Л.С. Оказ ; Научн. Ред. А.Меметов. – Симферополь: ТНУ, 2002. – 116с.
3. Абдуллаев А. Сложноподчиненные предложения в современном Азербайджанском языке / Абдуллаев А. – Баку: Маариф, 1974. – 420 с. (на азерб. языке)
4. Абдуллаев А. Современный Азербайджанский язык. Синтаксис. Ч. 4. / Абдуллаев А, Сеидов Ю, Гасанов А. – Баку: Маариф, 1972. – 476 с. (на азерб. языке)
5. Ширалиев М.Ш. Сложноподчиненное предложение в азербайджанском языке / М.Ш. Ширалиев // ВЯ, 1956. – №1. – С.93-99

Асадова Р. Структурні типи підрядних речень часу в азербайджанській мові / Р. Асадова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 30-33.

У статті досліджуються структурні типи підрядних речень часу в Азербайджанській мові. Автор показує чотири типи – ситуацій придаткових речень та розкриває шляхи їх утворення.

Ключові слова: складнопідрядне речення, підрядні речення часу

Asadova R. Structure types of subordinate clauses of time in Azerbaijani language / R. Asadova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 30-33.

The article investigates the structural types of subordinate clauses of time in Azerbaijani language. The author shows the four types of situations, subordinate clauses and reveals how they formation.

Keywords: compound sentence, subordinate clauses of time

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ТОПОНИМЫ ГЕОКЧАЙСКОГО РАЙОНА АЗЕРБАЙДЖАНА, ОБРАЗОВАННЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИМИ И МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ СПОСОБАМИ

Керимова И.

*Азербайджанского государственного педагогического университета
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье исследуются имена собственные. Имена собственные в языке, обычно, происходят от имен нарицательных. Зафиксированные топонимы структурно не могут быть разделены на компоненты корня и аффикса. Автор исследует топонимы, образованные лексическими и морфологическими способами в Геокчайском районе Азербайджана

Ключевые слова: топонимы, лексика, морфология, Азербайджанский язык

Анализ собранных материалов показывает образование зафиксированных в Геокчайском районе ономастических единиц лексическим, семантическим, морфологическим и синтаксическим способами. Эти способы встречаются не полностью изолированными друг от друга, а порой и в смешанной форме. **Проблема** изучается впервые, этим объясняется ее **постановка** в нашем исследовании и **актуальность изучения**.

Имена собственные в языке, обычно, происходят от имен нарицательных. Зафиксированные структурно топонимы не могут быть разделены на компоненты корня и аффикса. С этой точки зрения каждый топоним напоминает *слово-корень*. То есть, в образованных коренных словах или корни, или же аффикс утрачивают свою функцию, свое значение.

Топонимы, образованные лексическим способом. Образование топонимов лексическим способом опирается на использование готовых лексических единиц для указания названий мест. В этом случае, лексические единицы, неделимые на составные части, могут быть объединены в одной, а существующие в форме сложных слов – в другой группе. Относящиеся к Геокчайскому району и имеющие простую форму *İncə, Mirtı, Şəkər, Potu, Kürd* являются топонимами, образованными лексическим способом.

Простые ономастические единицы не только указывают название места. Широко распространенным в Азербайджане явлением является образование подобным способом и других ономастических единиц. На территории Азербайджана такие названия часто используются наряду с топонимическими терминами и указывают вид ономастических единиц.

«Как и в других языках, и в азербайджанском языке процесс словообразования лексическим путем представляет собой самое древнее дериватологическое явление. В этом процессе слова изменяются без каких-либо грамматических средств, наряду

с указанием обобщения, выражают и названия собственных объектов. В ономастической лексике нашего языка это явление широко распространено.... Слова *намаз*, *фирузе* (бирюза – прим. пер.), *кеклик* (азиатская каменная куропатка – прим. пер.), *ягут* (рубин – прим. пер.), *байрам* (праздник – прим. пер.), *джейран* и др. используются в той же форме и в качестве собственных названий – личных имен» [5, 367].

Образование в азербайджанской ономастике лексико-семантическим способом имен собственных существовало параллельно с другими путями словообразования, и подобным образом были образованы десятки ономастических единиц. Ономастические единицы Геокчайского района наряду с морфологическим, синтаксическим, семантическим способами, образовались и в лексико-семантическом порядке, развились и обогатили азербайджанскую ономастическую лексику. Необходимо отметить, что исследуемые нами простые ономастические единицы могут быть разъяснены и как исторически образовавшиеся и сложные слова. По ходу исследований вопросы подобного рода постепенно прояснятся. К таким ономастическим единицам относятся и названия мест, образованные различными аффиксами, и появившиеся формантами, полагающимися архаичными для нашего современного языка. Например, *Yalman*, *Qaraman*, *Çərəkə* и т.д.

Часть собственных названий образуется семантическим способом, конверсией. Так, часть общих слов, относящихся к различным частям речи, субстантивируется и порождает исключительно имена собственные. Главным признаком образования ономастических единиц семантическим способом является явление перехода относящихся к одной части речи слов в другую в этом процессе.

Если классифицировать простые топонимы, образовавшиеся путем лексикализации согласно делению В.Алиева, для Геокчайского района можем показать следующие примеры:

1) вариант превращения антропонимов в топонимы – *Şəkər* (сведения об образовании названия этого топонима от имени Шекер-бека, с изначальным названием села Шекербеком, впоследствии принявшим форму Шекер, сообщили информаторы. Мы не исключаем вероятность происхождения топонима от племени *çakar//sakar//sak*);

2) топонимизация этнонимов – *Alpout*, *Туркмен*, *Курд*, *Лезги (гора)*, *Турок (гора)* и др.

Топонимы, образованные морфологическим способом. В тюркологии существуют противоречивые взгляды на образование морфологическим способом, то есть на основе корня и аффикса, ономастических единиц в лингвистике. Эти противоречия проявляются вокруг вопроса об образующих исключительно имена собственные аффиксах.

На наш взгляд, в формировании имен собственных участвует часть существующих в азербайджанском языке лексических и лексико-грамматических аффиксов. А.Курбанов, Г.Мешедиев, С.Моллазаде справедливо расценивают как ложную тенденцию увязывание образования топонимов в азербайджанской лингвистике с исключительно лексическими и семантическими явлениями [4, 79-84].

Конечно же, хотя превратившееся в определенный топоним слово до того и существовало в форме синтеза корня и аффикса, полное отрицание роли словообразовательного аффикса в создании топонима может привести к ошибочным научным

результатам. Так как порой встречаются такие факты, где обязательно подтверждение наличия особого префикса, образующего аффикс. Дериватологический анализ таких топонимов, как *Şıxlı, Sarıcallı, Hüngütlü, Saath, Çaxırlı, Qaradonlu, Şahsoltanlı* и т.д., доказывает их образование посредством аффикса $-l^4$. Исследование зарегистрированных на территории Геокчайского района топонимов морфологического характера показывает, что основными аффиксами, участвовавшими в формировании этих топонимов, являются следующие: $-lq^4$, $-l^4$, $-lar^2$.

$-lq^4$ – в азербайджанском языке этот аффикс относится к группе продуктивных аффиксов. Этот аффикс, активно участвовавший в процессе создания слов во все периоды, добавляясь к окончанию корней (существительных, прилагательных, числительных и пр.), впоследствии стал активнее использоваться для указания вещи, профессии, общественной позиции. С.Джафаров отметил образование этими аффиксами названий, объединенных в 12 смысловых группах [1, 65].

Т.Ахмедов отмечает, что эти аффиксы служат образованию только общих лексических единиц, принадлежащих к ряду существительных, прилагательных и других частей речи, не носящих топонимического характера. А к топонимам они добавляются вместе с присоединенным словом (как семантическое целое). А это означает, что функции аффиксов на топонимическом уровне равны нулю, и они носят семантический характер.

В азербайджанском языке аффикс $-lq$ ($-lik$, $-luq$, $-lük$) входит в группу продуктивных аффиксов. Этот аффикс, активно участвовавший в словообразовании во все периоды, добавляясь к окончаниям корней слов (существительных, прилагательных, числительных и пр.), впоследствии стал активнее в указывании вещи, профессии, общественной позиции.

Несмотря на использование аффикса только в топонимах, он не встречается в составе группы других собственных имен. Данный аффикс привносит множественность в значение топонима, в составе которого используется. Например, среди оронимов Геокчайского района зафиксированы такие названия, как *Yulğun+lq, Çayır+lq, Nar+lq, Qamış+lq*.

Данный аффикс привносит признак множественности в значение топонима, в котором используется. И в составе встречающихся среди оронимов Геокчайского района таких названий, как *Yulğun+lq, Çayır+lq, Nar+lq, Qamış+lq* этот аффикс выполняет ту же функцию.

$-l^4$. «Этот аффикс, будучи производным от аффикса $-lq$, $-lik$, $-luq$, $-lük$ // $-lağ$, $-lək$ чаще всего участвует в образовании этнонимов и топонимов. С помощью этого топоформанта образуются этнографические топонимы, связанные с существованием (*Çaylı, Vələsli*), принадлежностью (*Masallı*), а также связанные с определенной профессией, специальностью (*Müskürlü, Baqqallı, Şəkili* и др.). Определенная часть топонимов сообщает о происхождении живущих на этой территории из Шеки, Ширвана» [2, 92].

В современном азербайджанском языке аффикс $-l^4$ действует как формант, образующий прилагательные, то есть образует атрибутивные слова. Кроме того, еще одним их свойством является то, что слова с этим аффиксом с легкостью субстантивируются, то есть работают без определяющего. Однако было бы неверным претен-

довать на образование подобных топонимов, возникших посредством аффикса *-li*, исключительно субстантивацией. Они в большинстве ойконимов с аффиксом *-li* существуют как важная черта. Анализ топонимов показывает, что эта связь в качестве семантической основы присуща и оронимам.

Исторически процесс словообразования посредством аффикса *-li*⁴ относится к последнему периоду. В то же время, современный аффикс *-li* создает не только слова атрибутивного значения. Данный аффикс в азербайджанском языке, да и в других тюркских языках служит образованию слов различного значения. Необходимо отметить еще и то, что на территории, называемой топонимическими единицами с аффиксом *-li*, нет момента исключительного присутствия предмета, выраженного аппелятивом. То есть ойконим *Çinarlı* вовсе не указывает территории, от и до охваченной чинарами.

Этот аффикс, будучи производным от аффикса *-liq*⁴//*-laq*², на уровне собственных названий чаще всего участвует в образовании этнонимов и топонимов. С помощью этого топоформанта образуются этнографические топонимы, связанные с существованием, принадлежностью, а также связанные с определенной профессией, специальностью. В качестве примера образованных с помощью этого аффикса топонимов на территории Геокчайского района можно указать следующие: *Çaxır+li*, *Cəyir+li*, *Söyüd+li*, *Armud+li* и пр.

Лексико-семантический, этимологический и грамматический анализ топонимов с аффиксом *-li*⁴ в структуре помогает выявлению различий в их значениях. На первый взгляд, слова *Çaxır*, *cəyir*, *söyüd*, *armud* понимаются хорошо знакомыми для современного человека напитком, травой, деревом деревом-фруктом соответственно. При добавлении же аффиксов понимается совершенно другой смысл. Например, поскольку *Çaxırlı* используется в значении как человека (то есть кого-то из *Çaxırlı*), так и в значении села, так и *Söyüdlü* и *Armudlu* на первый взгляд видятся местом, где есть деревья, фрукты. Этимологический анализ же выявляет участие названий племен, родов. Следовательно, аффикс *-li*⁴ является аффиксом, участвующим в создании топонимов. Этот аффикс в ономастической системе азербайджанского языка может быть использован в следующих значениях:

1) обозначает принадлежность (*Müskür+li*, *Xalid+li*//*Xəlil+li*, *Çaxır+li* и т.д.);

2) показывает историческую родину проживающих на территории людей (*Şəki+li* и др.)

3) указывает множественность определенного предмета (*Almalı piri*, *Göyəmli çökəyi*, *Qaratıkanlı dağ*, *Güllü dərə*, *Güllü dəhnə* и т.д.)

-an². **-an (-ən)**. Один из продуктивных топоформантов в азербайджанском топонимическом созидании. С этим топоформантом встречаемся в азербайджанских топонимах, зафиксированных в источниках еще до нашей эры [2, 88]. Дополним, что этот аффикс чаще всего участвует в образовании этнотопонимов. *Qaraman*, *Türkmən*, *Yalman* и др. Все 3 топонимические единицы находятся на территории Геокчайского района. При этом необходимо отметить, что важно учитывать вероятность наличия в составе указанных топонимов не аффикса *-an*, *-ən*, а слова *man*//*mən*. Возможно, исторически *-an*, *-ən* восходят к слову *man*//*mən*. И в названии зарегистрированного в системе макротопонимов Геокчая *Arvan* (река, гора, проход)

участвует не *-an*, а формант «*van*». К слову, необходимо здесь поделиться одной любопытной мыслью Р.Алиевой. Она пишет, что аффикс «*-an, -ən*» нельзя путать с аффиксом *-an, -ən*, являющимся признаком глагольных прилагательных. Правда, оба аффикса участвуют в образовании топонимов. Однако, во-первых, первые присоединяются к названиям, а вторые – к глаголам. Во-вторых, в то время, как первые образуют топонимы морфологическим путем, вторые делают это синтаксическим способом [2, 88].

-lar². Этот аффикс, присоединяясь к названию ряда племен и личных имен, указывая названия их производных, в системе микротопонимов Геокчая чаще наблюдается в первом компоненте топонимов в форме соединений слов. Например: (*квартал*) *Balaşlılar*, (*квартал*) *Kürdlər (bazısı)*, (*квартал*) *Qurdılar*, (*квартал*) *Türkmanlar*, (*квартал*) *Cuhudlar*, (*квартал*) *Ləzgilər*, (*квартал*) *Ötərbəylilər*, (*квартал*) *Şaylar*, (*квартал*) *Yeddievlər*, (*тунук*) *Nəbilər* и т.д.

-ca². В Геокчайском районе есть и топонимы, образованные посредством этого аффикса. Указанный аффикс, добавляясь к словам, относящимся к различным частям речи, образует топонимические слова, отображающие ряд характерных черт определенных территорий и пунктов. Они, в свою очередь, превращаются в ойконимы [3, 106].

Этот аффикс, будучи производным от аффикса *-caq²*, выражает уменьшительное и ласкательное значения. Этим аффиксом воспользовались при образовании макротопонимов *Çarəcə* (*село*) и *Gözəlçə* (*гора*), зарегистрированных на территории Геокчайского района.

-iş⁴. В ономастической лексике этот аффикс образует в малом количестве личные имена ласкательного значения. Вместе с тем, в различных регионах Азербайджана, в том числе на территории Геокчайского района, можно встретить топонимы, образовавшиеся при участии этого аффикса: *Kürdəmiş*.

-ca⁴. В Геокчайском районе существуют и топонимы, образованные этим аффиксом. Данный аффикс, добавляясь к словам, относящимся к разным частям речи, образует топонимические слова, отображающие ряд характерных черт определенных территорий и пунктов, которые в свою очередь превращаются в некоторые ойконимы. Аффикс *-ca, -cə*, добавляясь к словам, относящимся к разным частям речи (преимущественно прилагательным, а порой к собственным и нарицательным существительным или нескольким неопределенным числительным), образует оронимические слова, отображающие ряд характерных черт определенных территорий и пунктов. Например, *Güllücə*, *Balıca*, *Əyricə*, *Əbilcə*, *Yengicə*, *Yenicə* и т.д.

Аффикс *-ca, -cə// -ça, -çə// -şa, -şə// -zə// -sə*, будучи производным от аффикса *-caq, -cək*, выражает в топонимии лишь уменьшительное и ласкательное значение. Данный аффикс был использован при образовании макротопонимов *Çarəcə* (*село*) и *Gözəlçə* (*гора*), зафиксированных на территории Геокчайского района.

-at². Данный аффикс, присущий тюркским языкам, наряду со множественностью, выражает место, пространство (подобно словам *arat, bağat, suvat* и пр.). Примером этому могут послужить такие азербайджанские топонимы, как *Ələt, Zarat, Corat, Qəsəd, Xudat, Boyat, Oxut, Ləkit, Murut, Şivit, Zanud, Cunut, Sulut, Ləcət* и др. О вероятности наличия в Геокчае, в топонимах *Üngütlü//Hüngütlü*, а также *Alpout*, дан-

ного аффикса сообщалось нами ранее. Есть вероятность наличия в этих топонимах и частицы «*ğut//qut*». Название села *Şahadət*, существующего на территории Геокчайского района, возникло с помощью аффикса «*-ət*». *Şahadət* – мужское имя, образованное. На арабском языке *Şahadət* означает «свидетельство, свидетельствовать, доказательство, показание».

Выводы и перспектива. Исследование еще раз свидетельствует о том, что образование топонимов в Геокчайском районе, как и других ономастических единиц, присущих азербайджанскому языку, сообразно требованиям и законам нашего языка, явно соответствует отображению национальных языковых признаков в себе. Естественно, материалы нашей статьи не содержат всей информации об особенностях топонимов в Геокчайском районе, думаем, что это является фактором, определяющим перспективу наших дальнейших исследований.

Литература

1. Джафаров С. Словообразование в современном азербайджанском языке / С. Джафаров. – Баку: АГУ, 1960 (на азерб. языке)
2. Алиева Р.З. Азербайджанские топонимы / Р.З. Алиева. – Баку: Ганун, 2002 (на азерб. языке)
3. Мешедиев Г.И. Историко-лингвистический анализ азербайджанских топонимов (на основании собрания материалов территории и племен Кавказа – СМОМПКа) / Г.И. Мешедиев. – Баку: Нурлан, 2008 (на азерб. языке)
4. Мешедиев Г.И. Азербайджанские топонимы Закавказья / Г.И. Мешедиев. – Баку: Эльм, 1990 (на азерб. языке)
5. Курбанов А.М. Основы азербайджанской ономалогии. Т. II / А.М. Курбанов. – Баку: Нурлан: 2004 (на азерб. языке)

Керімова І. Топоніми, які створені лексичними та морфологічними способами у Геокчайському районі Азербайджану / І. Керімова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 34-39.

У статті досліджуються власні імена. Імена власні в мові, звичайно, походять від імен називних. Зафіксовані топоніми структурно не можуть бути розділені на компоненти кореня та афіксу. Автор досліджує топоніми, утворені лексичними і морфологічними способами в Геокчайському районі Азербайджану.

Ключові слова: топоніми, лексика, морфологія, Азербайджанська мова

Kerimova I. Toponym, formed with lexical and morphological method in Goychay region of Azerbaijan / I. Kerimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 34-39.

In the article researches proper names. Proper names in the language, usually come from a household name. Structurally fixed place names can not be separated into components of the root and affix. The author explores the place names, educated lexical and morphological method in Goychay region of Azerbaijan.

Keywords: toponym, lexical, morphological, Azerbaijan language

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 821.161.1=03=512.19

ОБРАЗНЫЙ СТРОЙ ПОЭМЫ А.С.ПУШКИНА «БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН» В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Э. ШЕМЬИ-ЗАДЕ

Эмирсуинова Н. К, Умерова Л. Р.

РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина
e-mail: enurija@rambler.ru, lenie.umerova.89@mail.ru

В статье представлен сопоставительный анализ поэмы А. Пушкина с её переводом, выполненным Э. Шемьи-заде. Определяются филологические и историко-культурные аспекты перевода поэмы «Бахчисарайский фонтан» на крымскотатарский язык.

Ключевые слова: компаративистика, перевод, романтическая поэма, исходный текст, конечный текст.

Сопоставительный/компаративистский анализ оригинала пушкинской поэмы и её перевода позволяет выявить моменты близости и различий в интерпретации центральных образов и крымских реалий носителями разных культур. Такой анализ помог бы выяснить, каковы пути сохранения стилевых признаков романтического произведения при переводе на язык той культуры, которая в целом была далека от традиций европейского романтического литературного направления.

Цель данного исследования – приступить к решению важной и до сих пор не исследованной научной проблемы: определить филологические и историко-культурные аспекты перевода поэмы «Бахчисарайский фонтан» на крымскотатарский язык. В статье пушкинская поэма сопоставляется с её переводом, выполненным видным крымскотатарским поэтом и переводчиком Э.Шемьи-заде в 1937 году.

В пушкинистике прочно утвердилась традиция изучения антитезы женских образов поэмы «Бахчисарайский фонтан» как основы её романтического художественного мира; в трудах В. Жирмунского»[1], Б.Томашевского [7], Н.Фридмана [9], подробно описаны и стилистические приёмы их создания.

Э. Шемьи-заде, переводя на крымскотатарский язык романтическую поэму, стремился сохранить пленительный стиль, роскошный восточный колорит, воссоздать женские образы по-пушкински, но в переведённом тексте неизбежно проявляются особенности его национального художественного мышления. В исходном тексте (ИТ) о Марии сказано: «Она цвела в стране родной», а в конечном тексте: «Озь юртунда чечекдайын ачылгъан»(на родине своей **раскрылась, как цветок**). Традиционное со времён ханской поэтической речи сравнение женской красоты с распустившимся цветком не нарушает стилистическую окраску образа и вполне уместно в данном контексте. Это одно из многих свидетельств чуткости переводчика к пушкинской стилистике, которая ещё и сочетается с аллюзией на поэтику газелей. Э. Шемьи-заде единичное слово «цвела» переводит целым сравнительным оборотом. Так поддерживается выбранная с самого начала особая переводческая тактика: ради сохранения общей восточно-романтической стилистики пушкинского текста коли-

чество слогов в конечном тексте (КТ) увеличивается, и стихотворные строки удлиняются. Это впервые было замечено Л. Р. Умеровой при сопоставлении ИТ и КТ начальных строк поэмы, посвящённых хану Гирею [8].

Сопоставительный анализ фрагментов, в которых идёт речь о польской княжне, выявляет также стилистические различия, вызванные лингвокультурными причинами. В пушкинском тексте читаем:

*«Седой отец гордился ею
И звал **отрадою** своею»* [3, 135].

Эти строки крымскотатарский поэт переводит так:

*«Чал бабасы эп онынънен гурурланды,
Дар дюньяда къуванчым деп оны сайды»* [4, 17].

Слово «отрада» на крымскотатарский язык переведено как «радость». Это, во-первых, не соответствует точному значению пушкинского слова, во-вторых, не передаёт возвышенную стилистику ИТ. «Отрада» – слово из русской народной поэтической речи и не имеет точного или близкого соответствия в крымскотатарском языке. Поэтому Э. Шемьи-заде даёт расширение пушкинского определения: для отца Мария была «дар дюньяда къуванч» (**во всём мире единственной радостью**).

В переводе несколько иначе, чем в ИТ, представлены следующие моменты:

*«Для старика была законом
Её **младенческая воля»*** [3, 135],

а в КТ:

*«Къарткъа тек озь Мариясы якъын эди,
Тек къызынынъ истеклери закон эди»* [4, 17].

Образное словосочетание «младенческая воля» переводится просто как «**къызынынъ истеклери**» (желания дочери). При этом в переводе исчезает возрастной контраст, намеренно подчёркнутый в оригинале: «старик» отец – «младенческая воля» дочери. Но русское слово «закон», данное в КТ без перевода, позволяет довольно точно истолковать изображённые А.Пушкиным взаимоотношения отца и дочери.

Э. Шемьи-заде для перевода одного русского слова использует словосочетания, если это обусловлено нормами крымскотатарского языка.

ИТ:

*«Одну заботу ведал он:
Чтоб дочери любимой **доля**
Была, как вешний день, ясна...»* [3, 135].

КТ:

*«Истей эди о, къызынынъ **баш язысы**
Ильк баарънинъ кунидайын айдын къалсын...»* [4, 17].

Слово «доля» переведено как «баш язысы», поскольку в языковой картине мира крымских татар этому русскому понятию соответствует именно такое сочетание из двух слов.

Переводчик стремится сохранить пушкинский стилистический контраст при интерпретации образов Марии и Заремы. О Марии русский поэт писал:

*Все в ней пленяло: **тихий нрав,***

Движенья стройные, живые
И очи томно-голубые [3, 135-136].

Сочетание эпитетов в портрете Марии крымскотатарский поэт переводит почти дословно. Но иногда он не находит в традиционном крымскотатарском поэтическом словаре эквивалент для перевода сложного психологического эпитета: «*томно-голубые*» он переводит как «*тонукъ мавы*» (*неярко-или тускло-голубые*). При этом теряется романтическая выразительность пушкинского образа, остаётся только описание цвета глаз, но не передаётся настроение героини. Э. Шемьи-заде тем не менее на своём языке последовательно воссоздал образ пушкинской Марии, сохранив поэтический ореол идеальной чистоты и совершенства, но опустил некоторые определения, характерные для пушкинской романтической стилистики: «*волшебная арфа*» стала просто «*арфой*», а сочетание «*движенья стройные, живые*» осталось без эпитетов.

Автор ИТ писал о Зареме – сопернице юной Марии, в духе подчёркнутой романтической экспрессии. В «Татарской песне», исполненной обитательницами гарема, где впервые упоминается прекрасная грузинка, этот стиль поддержан не только семантикой высоких слов, но и прямым обращением к героине. Образ Заремы полностью сливается с миром гарема. Это слияние помогает русскому поэту передать атмосферу гаремной жизни, где всегда есть лучшая или красивейшая.

ИТ: «*Но тот блаженной, о Зарема,*
Кто мир и негу возлюбя,
Как розу в тишине гарема
Лелеет, милая, тебя» [3, 134].

КТ: «*Алайындан бахытлыдыр, эй Зарема,*
Омюрини зевкъ-сефагъа берген адам.
Аремлернинъ тынчлыгъында сени гульдай
Эсиргелеп, севип, охшاپ джурген адам» [4, 16].

Переводчик не находит в родном языке слов таких же высоких, которые смогли бы передать нюансы романтических значений. Слово «*бахытлы*» – лишь приблизительно передаёт значение слова «*блаженный*», а слова «*зевкъ-сефа*» (удовольствие-наслаждение), хотя и очень близки по значению, но не являются точным переводом слова «*нега*» в пушкинском значении, да и «*севип*» (любя) не означает «*лелеать*».

Сопоставив описание внешности Заремы в ИТ и КТ, можно заметить, что выражение: «*Поникла юной головою...*» у Э. Шемьи-заде переводится развёрнутым словосочетанием: «*Бойнын буккен тик башыны тѣбен алгъан*» (согнулась всем телом, склонила голову). Определение «*юной*» переводчик опустил. Для него здесь важен не возраст, а выражение горя в позе героини, и он стремится максимально заразить своего читателя этим настроением.

Большим, чем у А.Пушкина, драматизмом исполнен и перевод таких строчек, как:

«*Ни, что ничто не мило ей,*
Зарему разлюбил Гирей» [3, 134].

КТ:

«*Юрегини дертлер саргъан, ёкъ дерманы:*

Герай безген, севмей артыкъ Зареманы» [4, 16]
(Сердце охвачено страданиями, и нет от них лекарства:
Гирей охладел, не любит больше Зарему).

При переводе несколько изменился смысл: переводчик пишет о безысходных терзаниях, неизлечимых страданиях души покинутой женщины, используя устойчивое словосочетание родного языка – «*дертлер дерманы*». Возможно, такая интерпретация подсказана крымскотатарскому поэту народной песенной традицией, повествующей о горестях безответной любви.

По замыслу русского поэта, портрет голубоглазой красавицы Марии составляет антитезу портрету темноокой Заремы. Этим объясняется обилие контрастных эпитетов, которое и составляет «роскошь слога» пушкинского произведения. Э. Шемьи-заде стремится воплотить в своём тексте это противопоставление и найти ему крымскотатарское соответствие. Портрет Заремы в ИТ состоит из 10 строчек, а в КТ он более лаконичен и составляет 8 строчек, но в целом описание её внешности вполне соответствует пушкинскому. Крымскотатарский переводчик либо опускает часть эпитетов, либо представляет свои варианты некоторых эпитетов, отходя от пушкинской стилистики. Если А. Пушкин писал «*пленительные очи*», то у Э. Шемьи-заде сказано «*хош*» (приятные), «*лилейное чело*» переведено как «*ай бетинъни*» (лицо, подобное луне). Крымскотатарский литературный лексикон не даёт точного соответствия пушкинским образным определениям, поэтому поэт-переводчик обращается к языковой картине своей родной поэзии, черпая из неё традиционные эпитеты, восхваляющие женскую красоту. Особенно последователен Э. Шемьи-заде в подборе собственных эпитетов в описании поцелуя Заремы.

ИТ:

«*Чей страстный поцелуй живеи
Твоих язвительных лобзаний?» [3, 135].*

КТ:

«*Кимнинъ ач-козь дудакълары даа татлы
Сенинъ сыджакъ, яндырыджы опюшинъден?» [4, 16].*

«*Страстный поцелуй*» переведён, как «*ач-козь дудакълары*» (жадные губы), а для перевода «*язвительных лобзаний*» понадобились два определения «*сыджакъ, яндырыджы опюшинъ*» (горячий, обжигающий поцелуй).

Возможно, крымскотатарский поэт и не знал высказывания поэта из письма к П. А. Вяземскому по поводу «*язвительных лобзаний*». Пушкин полушутливо писал другу: «Дело в том, что моя грузинка кусается, и это непременно должно быть известно публике» [5, 61]. Очевидно, для русского поэта этот эпитет более полно выражал страстную чувственность грузинки Заремы, резче подчёркивал антитезу ревнивой соперницы и польской княжны с её «хладной» красотой. Не найдя эквивалента в своём языке, крымскотатарский поэт вводит поэтическую градацию эпитетов, что в целом служит воссозданию пушкинского замысла. Так эпитет «язвительный» стал в переводе «горячим, обжигающим». Сказалась и традиционная мусульманская сдержанность в толковании переводчиком столь смелого эпитета русского поэта.

Используя богатую синонимию своего родного языка, переводчик бережно сохраняет, насколько это возможно, верность романтической стилистике поэмы. Соз-

давая романтический высокий стиль поэтической речи, русский поэт заменял обычные слова их архаическими соответствиями (*глаза-очи, лоб-чело, поцелуи-лобзания*). В крымскотатарском языке такой парной синонимии нет, поэтому Э. Шемьи-заде, чтобы максимально сохранить в переводе пушкинский приподнятый, «роскошный слог», широко пользуется нанизыванием эпитетов. Некоторые пушкинские эпитеты переводчик заменяет определениями, свойственными восточному вкусу (*лилейное чело – ай бетинь /луноликая или луноподобная*).

Несколько другим путём идёт переводчик, когда речь идёт о крымских реалиях. В пушкинской поэме есть описание ночного Бахчисарая с беглой зарисовкой крымскотатарского быта. В ней запечатлена действительно существенная деталь крымскотатарских обычаев. Жены простых крымских татар по вечерам, управившись с работой в доме, собирались в одном из домов своих подруг «делить досуги». Этот обычай очень устойчив, он сохранился с давних времен до сих пор.

ИТ: **Покрыты белой пеленой,**
*Как тени лёгкие мелькая,
 По улицам Бахчисарая,
 Из дома в дом, одна к другой,
 Простых татар спешат супруги
 Делить вечерние досуги»*[3, 138].

Это описание Э. Шемьи-заде существенно корректирует:

КТ: **Пек бурюнип акъ фередже марамагъа,**
*Джылт-джылт этип индже хаял, кольгедайын,
 Багъчасарай маллери бойларында
 Адий татар къарылары акъшамлайын
 Акъшамлар бир-бирининъ эвлерине
 Акъшамларын сёзь сухбетнен отькермеге* [4, 19].

В первой строчки этого фрагмента Э. Шемьи-заде даёт полное название детали национальной одежды «*акъ фередже марама*», это уточнение создаёт эффект нового текста. Известный пушкинист Н.В.Фридман, справедливо подчёркивая этнографическую правдивость пушкинского отрывка, утверждал, что речь здесь идёт о «простых незнатных мусульманках в *чадрах*» [9, 109]. Но крымские татарки не носили чадру, ни во времена ханов, ни в пушкинские времена. В этом маленьком отрывке проявилась художественная интуиция и наблюдательность А.С.Пушкина. Русский поэт не знал, как называется та часть одежды крымских татарок, которой они покрывали себя, но дал очень выразительное и точное её описание. Крымскотатарский переводчик же смело «уточняет» А.Пушкина. Ему понятно, что русский поэт описывал здесь татарок, закутанных в белую «*фарадже марама*», а вовсе не в чадру. Как пишет историк одежды: "Фередже-марама" – это местное крымское название покрывала женщины-мусульманки. Оно было обычно белого цвета, больших размеров, набрасывалось поверх нижних уборов и драпировалось так, что закрывало волосы, лоб и скрывало линии тела» [6]. Э. Шемьи-заде настолько пленён этой пушкинской картиной, что дополняет её деталями, подсказанными собственными впечатлениями. Женщины в этих покрывалах сравниваются в его тексте с жемчужными видениями – «*индже хаял*». Здесь мы встретились с интересным моментом

схождения двух поэтов: русский поэт средствами своего языка так точно описал явление, что дал толчок образному мышлению крымскотатарского поэта.

Своеобразную корректировку пушкинского текста можно увидеть при переводе строк о центральной бахчисарайской реалии, о фонтане ханского дворца. Его описание завершает движение драматического сюжета романтической поэмы А.Пушкина и связано с ведущей темой произведения. По мнению современной исследовательницы, «дерзновенное» соединение креста и полумесяца на фонтане Бахчисарайского дворца – является, конечно, также символом «романтической», «безумной», «невозможной» любви, романтического устремления к недостижимому» [10]:

Над ним крестом осенена
Магометанская луна.
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина) [4, 169].

Фонтан в пушкинской поэме действительно является «дерзновенным» символом, но романтическая устремлённость символики снижена здесь ироническим комментарием поэта: соединение креста и луны на одном надгробии-следствие «незнанья». На наш взгляд, эта ироническая строчка порождена особенностями пушкинского стиля, формировавшегося в пору работы над «Евгением Онегиным», названного Ю.Лотманом «совмещением противоречий» [2, 174]. Пушкинская ирония снижала таким образом «романтическую устремлённость» крымского хана «к недостижимому». В переводе Э. Шемьи-заде замечает и развивает эту пушкинскую направленность к более реалистической мотивировке символики фонтана. Его фонтан превращается в памятник исламской культуры, воздвигнутый в честь христианки.

КТ: *Ве яныкълы Мариянынъ намы ичюн
Хан сарайнынъ сессиз тена кошесинде
Мермер чеиме яптырды ашыкъ хатра ичюн;
Эм чеименнинъ мермер ташы узерине
Ай япылып отурттылгъан хач ерине.
(Нишан, эбет, нек къолайсыз, лякин эписи
Бильмейювнинъ аджыныкълы нумюнеси)[4, 26].*

На фонтане слёз, воспетом А. Пушкиным, христианский и мусульманский символы помещены рядом, что было обусловлено художественной концепцией романтического произведения. Строчки: «Над ним крестом осенена /Магометанская луна» интерпретируются переводчиком так: «Эм чеименнинъ мермер ташы узерине / **Ай япылып отурттылгъан хач ерине**». В крымскотатарском тексте получается, что луна помещена **вместо** креста – «хач ерине».

Русскому автору было необходимо уточнение, какая именно луна «осенена» крестом. Крымскотатарский переводчик опустил определение «магометанская», поскольку его читателям хорошо известно, что «луна, или месяц» – символ мусульманской религии и обычно изображается на могильных плитах. Но в переводе исчезает романтическая «дерзновенность» замысла крымского хана, желавшего увековечить после смерти прекрасной полячки союз христианского и исламского начал. Поэтому и комментарий к этим словам у Э. Шемьи-заде, данный, как и у русского поэта, в скобках читается несколько иначе. Он не содержит иронического подтек-

ста, а превращается в констатацию неуместности замены одного религиозного знака другим. Возможно, Э. Шемьи-заде здесь больше опирался на личные впечатления от увиденного фонтана, чем на пушкинский текст. В целом же, крымскотатарский переводчик воспроизводит образ «странного памятника», сохранив и поэтическое название его, и поэтическое сравнение капель фонтана с плачем матери «о сыне, падшем на войне», и упоминание о старинной легенде и «младых девах», поведавших её поэту. Но переводчик дополняет этот образ собственными эпитетами: если в ИТ «*мрачный памятник*», то в КТ он «*къайгылы, аджыныкълы*» (*скорбный, печальный*); если в ИТ «*хладные слёзы*», то в КТ «*сувукъ ачкозь*» (*холодные скупые*); если в ИТ «*младые девы*», то в КТ «*яш эсмери дживан къызлар*» (*молодые смуглые красивые девы*).

Так крымскотатарский переводчик своеобразно развёртывает заложенную в пушкинском тексте мифотворческую энергию. Романтическая тайнопись легендарного сюжета, опоэтизированного русским поэтом, словно разгадывается крымскотатарским поэтом-переводчиком: он, то максимально сближается с оригиналом, то интерпретирует по-своему некоторые моменты, связанные с толкованием этнокультурных крымскотатарских реалий.

Литература

1. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1978. – С. 124–144.
2. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкин «Евгений Онегин». Комментарий / Ю.М. Лотман – Л. : Просвещение, 1983. – 415с.
3. Пушкин А.С. Бахчисарайский фонтан. / А. С. Пушкин // Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. Поэмы. Сказки. – Л.: Наука, 1977. – С. 131–150.
4. Пушкин А.С. Багъчасарай чешмеси. Бахчисарайский фонтан. Бахчисарайский фонтан / А.С. Пушкин. – Пер. Э.Шемьи-заде. – Симферополь: Бизнес – Информ, 2008. – С.12-28.
5. Пушкин А. С. Письма / А.С. Пушкин, под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского. – М.; Л.: Гос. изд-во. Т. 1. Письма, 1815–1825. – 1926. – С. 61–62.
6. Рославцева Л. И. Одежда крымских татар конца xviii – начала xx в. историко-этнографическое исследование [электронный ресурс] / Л. И. Рославцева – М. : Наука, 2000. Режим доступа : http://tavrika.by.ru/books/roslavt_odkt/html/part02.htm#h02_02_017.
7. Томашевский Б. Пушкин: книга первая (1813-1824) / Б. Томашевский. – Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 1956. – С. 498–512.
8. Умерова Л. Образ крымского хана из поэмы А.С.Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в интерпретации Э. Шемьи-заде./ Л. Умерова // Bonuminitium. Сборник научных статей магистрантов КИПУ. Выпуск 5. Симферополь, 2011. – С.415–421.
9. Фридман Н. В. Романтизм в творчестве А. С. Пушкина / Н. В. Фридман. – М. : Просвещение, 1980. – С.88–110.
10. Худошина Е.И. Крым в имперской географии Пушкина [Электронный ресурс]/ Е.И. Худошина. Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=8921>

Емірсуїнова Н. К. Образний лад поеми О. С. Пушкіна «Бахчисарайський фонтан» в перекладацькій інтерпретації Е. Шем'ї-заде / Н. К. Емірсуїнова, Л. Р. Умерова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 40–47.

У статті представлено зіставний аналіз поеми О.С. Пушкіна з її перекладом, виконаним Е. Шем'ї-заде. Визначаються філологічні та історико-культурні аспекти перекладу поеми «Бахчисарайський фонтан» на кримськотатарську мову.

Ключові слова: компаративістика, переклад, романтична поема, початковий текст, кінцевий текст.

Emirsuinova N. K. Imagery of Pushkin's poem "The Fountain of Bakhchisarai" in translation interpretation E. Shemi-zadeh / N. K. Emirsuinova, L. R. Umerova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 40–47.

The article introduces comparative analysis of Alexander Pushkin's poem and its translation into Crimean-Tatar, performed by EshrefShem'i-zade. Determined philological, historical and cultural aspects of the poem translations "The Fountain of Bakhchisaray" in Crimean Tatar language.

Keywords: comparative studies, translation, romantic poem, the source, the final text.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 81-2

ОТРАЖЕНИЕ ГЕЙТЮРКСКОЙ ОНОМАСТИКИ В ТОПОНИМИИ ЗАНГЕЗУРА (О БАЙАНДУРЕ И ЧАПНИ, ЧАВУНДУРЕ И БИЧЕНЕКЕ)

Рустамов А.

*Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Азербайджан
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье на обширном лингвистическом материале рассматриваются известные и широко распространенные этнотопонимы азербайджанского происхождения: ойконимы Байандур, Биченек и др.

Ключевые слова: Байандур, Биченек, Чавундур, этимология, ареал.

Постановка проблемы. Одним из этнотопонимов азербайджанского происхождения данной зоны является ойконим Байандур. Этот ойконим находится на территории Гёрусского района. Огузские источники содержат веские доводы в пользу огузско-азербайджанского происхождения этнонима Байандур. В произведении известного тюрколога М.Кашгари «Дивани-лугат-ит-тюрк» упоминаются 22 огузских племенных объединения. Называется также и род Байандур вместе со своим тамга.

Название племени Байандур встречается и в общетюркских памятниках, в произведениях М.Кашгари, Рашид ад-дина, Язычи оглу Али и Абульгази хан Хивели, и в дастанах самого древнего языкового и исторического памятника азербайджанского народа «Китаби Деде Коркут».

Ссылаясь на Рашидаддина, Язычи оглы Али подразделил огузов на 24 рода, раскрыв значение их названий. По его (Язычи оглы Али) мнению значение слова Байандур означает «изобильный».

Ф.Рашидаддин относит Байандура к племени трех стрел и называет его первым сыном *Гейхана* [2, 66].

В древнем памятнике истории азербайджанского народа «Китаби Деде Коркут» Байандур хан – это хан ханов, стоящий во главе государственного объединения «*Огуз эли*».

Как видно в азербайджано-тюркских памятниках письменности имя Байандур выступает то, как антропоним, то, как этноним.

Как топонимика в «Деде Коркуте» связана с Азербайджаном (в общем, с Кавказом), так и этнонимия состоит из племен непосредственно участвующих в формировании азербайджано-тюркского языка и народа. Десятки географических названий связанных с названными в дастане этнонимами и антропонимами носят в азербайджанской и в кавказской топонимике характер ареала.

Одним из топонимов ареала огузского происхождения является этнотопоним Байандур.

В XVI веке на территории Турции было отмечено 52 названия местности Байандыр. На сегодня 28 топонимов называются *Байындыр* [3, 428].

Географические названия Байандур носят характер ареала не только на территории Азербайджана.

Известно, что в Мирбаширском районе Азербайджанской республики есть одноименный ойконим – село Байандурлу. Следы племени Байандур сохранились и в гидронимах. На территории Ханларского района Азербайджанской республики и совсем рядом с упомянутой зоной – на территории Лачинского района есть одноименная речка.

Следует отметить и то, что на территории Армянской республики сам топоним Байандур носит характер ареала. Село в Араратской долине, где проживают азербайджанцы, называется Байандурлу.

Географические названия, связанные с именем Байандур сохранились и до наших дней на территории Казахстана как Байан в Турции как Байан и Байиндир. Кроме того на этой территории частота использования лексемы Байандур более высокая.

На территории Азербайджанской республики есть населенный пункт под названием Байан. Незначительная языковая разница в строении отмеченных нами этнопонимов, особенно фонетико-морфологическая, не влияет на различие в значении слов. Эта разница – диалектная. Фонетико-морфологическая разница соответствующая закономерностям нашего языка.

В словах Байандур-Байандир-Байандурлу-Байан- и т.д. переход $a > u$, $u > y$ закономерное событие языка.

А морфема *лы* – топоформантная частица. Из всего сказанного можно сделать вывод, что этнопоним Байандур имеет общетюркский ареал и будучи Огузо-Азербайджанского происхождения более широко распространен в регионах Турции и Кавказа.

Компонент «бай» в слове Байандур совпадает с бай//бой в слове Байат. Вообще географические названия с компонентом бой составляют большинство в системе топонимов азербайджанского происхождения. Армяне, испугавшись тюркского следа в слове Байандур, решением своего Верховного совета изменили отмеченное название в форму Багатур.

Не вызывает сомнения что места связанные с названием Байандур, Байан свидетельствуют о расселении на этой местности огузов. Полный этнолингвистический анализ топонимии данной зоны еще раз показывает, что антропонимы и этнопонимы связанные с «Деде Коркутом» составляют определенный слой.

Семантика слова «бай» составляющего ядро слова Байандур, полностью совпадает со словом «бай» которое до сих пор используется в диалекте района в словосочетании «бай олмаг». Таким образом, значение слова Байандур раскрытый у Язычи оглы Али как богатый, состоятельный совпадает со значением выражаемым словосочетанием «бай олмаг» – быть богатым, удачливым, состоятельным.

О Байандуре существует и народная легенда. Согласно этой легенде когда-то был такой качаг по имени Ибили. Этот качаг жил в горах и был беспощаден к людям падишаха. Сколько бы войск ни слал падишах, они не могли ни поймать, ни убить его. В конце концов, шах предлагает Ибили выбрать себе место и остаться («*байан дур*» – выбери и остановись) там навсегда.

Ибили соглашается на предложение падишаха. Обойдя много различных местностей он, наконец, приходит в местность Байандур выбирает его и остается здесь. Падишах отдает это место Ибили во владение. Ибили строит замок и до конца жизни живет здесь. Эту местность стали называть «Бяйандур». Позже оно стало называться Байандур [4, 51].

Конечно это топонимические легенды, народные предания. Несмотря на искажение в этих преданиях исторической правды они очень ценны для изучения образа мышления нашего народа.

Чапни – один из географических названий тюрко-огузского происхождения на территории Кафанского района. Чапни это село. В исторических источниках встречается название этого рода племени. Известный тюрколог Махмуд Кашкари в своем произведении: «Дивани Люгат-ит-тюрк» указывает, что огузы объединяли 22 племени. Одним из них было племя Чапни [6, 55-56].

Этноним чапни привлекал внимание тюркологов и после исследований М.Кашгари. Родословная Чапни с незначительными фонетическими изменениями нашла свое отражение у Ф.Рашидаддина, Язычи оглы Али и Абульгази хан Хивали. У М.Кашгари и Абульгази хан Хивали встречается как Чапни, у Рашидаддина и Язычи оглы Али как Чебни.

Ф.Рашидаддин дал полное описание рода огузов, их тамга специфические особенности каждого племени. Он разделил род огузов на две группы, которые назвал *Бозок* и *Учок*:

«Их должны знать по этим признакам, чтобы ни один из них не мог спорить с другом. Дети каждого из них тоже должны знать свои места» [2, 63].

«Иркыл Ходжа дал леgeb (псевдоним) каждому из двадцати четырех детей, родившихся от сыновей Огуза, половине которых еще при жизни Огуза было дано имя Бозок, а другой половине – Учок» [2, 63].

Чепни – это имя одного из сыновей Гей хана из племени Учок также раскрывается у Рашидаддина и значение названия племени Чапни.

«Чепни, т.е. везде, где есть враг, немедленно выступающий в сражение: (его рода) тамга: онгон-кречет, доля мяса – левое бедро» [2, 64-66].

В исторических источниках упоминается имя племени Чапни, его тамга и раскрывается их значение.

Опираясь на Рашидаддина, можем сказать, что и тамга и другие признаки каждого из сыновей Огуза определяли географические границы территории, на которой они проживали. А.Н.Кононов, говоря об огузах, отмечал, что Чепни был одним из сыновей Гей хана [7, 24].

Опираясь на Рашидаддина, Абуль Гази хан определял значение слова Чапни как «драчливый».

Чапни это род имя, которого, как и афшары дошло до наших дней. Одна ветвь рода Чапни в период правления Узун Гасана поступила на службу династии Агкюнюлу. Во главе их стоял Эль Алды бей. Большинство людей из племени Чапни вели оседлый образ жизни и были полностью привязаны к земле. Часть представителей этого рода (значительная часть) были шиитами и поэтому сохранили верность Се-

февидам. Значительную часть сефевидских мюридов составляли люди племени Чапни [3, 314].

Надо отметить, что название этого ойконима есть в списке, анализируемом С.П.Зелинским в источниках, относящихся к XIX веку. Этнотопоним Чапни с некоторыми фонетическими изменениями можно встретить на различных территориях Азербайджана. На территории Шемахи есть Чанли (переход н-л закономерное явление для азербайджанского языка), на территории Кюрдемирского района Чепли – название одного из ступеней Каррара, встречаются также ойконимы, в Шемахе Чибни//Джибни, в Гейчае Чапни, в Кубе Чапни.

Как видно этот этноним в различных регионах выражается по-разному. Эти фонетические различия возникают в результате влияния на слово диалектов и говоров. Б.А.Серебрянников отмечал приемлемость перехода б//п и н//л для тюркских в том числе и азербайджанского языков (9, 38-68].

Таким образом, наблюдаемые в языке фонетические изменения такого типа также отражают фонетико-грамматические изменения, происходящие с течением времени в тюркских языках.

Этноним огузского племени Чепни дошел до наших дней в топонимических наименованиях.

Топоним Чавындур//Чавундур. Название одного из топонимов на территории Зангезура – этнотопоним Чавындур. Это имя одного из древних тюркских родов. Чавындур самый распространенный ареальный этнотопоним на тюркских оймагах (населенных пунктах).

Река Чавындур берет свое начало из гор, Капычыг протекает по территории *Миндживан* и впадает в реку Араз. Не вызывает сомнения, что этот этногидроним связан с именем одного из древних тюрко-огузских племен Чавундур//Чавындыр. В «Диване» упоминается имя Чувалдар как одного из двадцати двух огузских племен.

Уместно было бы упомянуть, что одного из четырех сыновей Гейтюрка звали Чавулдур. Других его детей звали – Байандур, Чапни, Печенег//Пичанак. Интересно, что в топонимии Зангезурского района есть этнотопонимы связанные с именами этого этноса.

Этнос Чавандур также нашел свое отражение в произведении Ф.Рашидаддина «Огузнаме». В произведении Ф. Рашидаддина это слово дается в значении «имеющий честь и достоинство», А.Онгоном считается птица Сунгур [1, 66]. Язычи оглы Али приводит список ответвлений огузского племени, где также указано, что Чавындур объединяет три племени травы и является третьим из сыновей Гейхана. Интересно что этносы названные в «Огузнаме» были отмечены в топонимии Зангезурского уезда того периода и дошли до наших дней. Название этой ветви использовалось в XVI веке в Анатолу в форме чавундур. Вместе с тем древняя форма данного слова (Чавулдур) встречается в названиях многих сел, в некоторых случаях даже в форме *Чавдар*. В XVI веке в Анатолу встречается 21 название местности с этим именем [2, 308]. Исходя из количества названий местности, распространение огузских племенных ответвлений относительно можно показать следующим образом: *Байандыр* в XVI веке 52, на сегодня 28 мест проживания, Чапни в XVI веке 43, на

сегодня 36 мест проживания, *Чавулдур* в XVI веке 21 на сегодня 17 мест проживания, Печенег 6, на сегодня 6 мест проживания.

Топоним Биченек//Печенек. Этот топоним встречается на территории Азербайджана и всего широкого расселения тюркоязычных народов. Биченек находится на территории Лачинского района. Топоним Биченек встречается и в источниках написанных З.П.Зелинским. Во-первых, надо сказать, что этот топоним этнотопоним. Биченег напрямую связан с именем тюркского племени печенег. В Шахбузском районе Нахичеванской Республики название Биченек объясняют как «Место где косят траву» т.е. луг. Несомненно, что этот топоним связан с именем племени печенегов, образующих в Азербайджане большой слой.

Некоторые исследования раскрывают значения этого слова как баджанаг (обозначает родственные отношения).

В исторических источниках упоминается топоним биченек и название этого этноса. Муса Галанкатуклу в своем произведении «История Албании» дает топоним Биченек как *Пачканк* [10, 64].

Ученый исследователь Г.Гейбуллаев указывает, что тюркский этнос печенег широко распространен на территории Албании, на побережье Каспийского моря. Все топонимы, распространенные с такими фонетическими вариациями как Пачанаг – пачанк – панк – чан связаны с именем этого этноса. Автор отмечает, что у скифов это племя упоминалось как *пациан, пачиан*.

Выводы и перспективы. В названиях древних тюркоязычных племен встречаются этнонимы с окончаниями – *ак(-аг)*. Например: кынчаг, казак, чактак, шамак, ширак-чыраг, шираг, пачанаг//печенег.

Надо отметить, что сохранивший след этнонима «печенег» это название на территории Туркмении называется Бичанак.

Отметим тот факт, что на территории Турции ойконима связанного с именем ветви Биченек очень мало – всего 4 села. Стоит отметить, что тема, поднятая нами, интересная и требует дальнейших исследований.

Литература

1. Акопян Г. Х. Словарь топонимов Армении и прилегающих областей / Г. Х. Акопян, Т. Мелик-Бахшян, О. Х. Барсегян. – Т. I. – Ереван, 1986.
2. Рашидаддин Ф. Огузнаме / Ф. Рашидаддин. – Баку, 1987.
3. Сюмар Фарук Огузы / Фарук Сюмар. – Баку, 1982.
4. Библиотека классической литературы Азербайджана. – Т. I. – Баку, 1982.
5. Армянская ССР административно-территориальное деление. – Ереван : Издательство «Аястан», 1971.
6. Кашгари М. Дивани люгат-ит-тюрк / М. Кашгари. – Анкара, 1939.
7. Кононов А. Н. Родословная туркмен. Сочинение Абл-Гази хана Хивинского / А. Н. Кононов. – М.– Л, 1958.
8. Рустамов А. М. Топонимия Зангезура азербайджано-тюркского происхождения и его тюркские параллели. Вопросы нормы и нормирования в азербайджанском языке / А. М. Рустамов. – Баку, 1991.
9. Серебренников Б. А. Сравнительно-историческая тюркских языков / Б. А. Серебренников, Н. З. Гаджиева. – Москва, 1966.
10. Каланкатуклу М. История Албании / Каланкатуклу М. – Баку, 1993. – С.64.

Рустамов А. М. Відображення Гейтюркської ономастики в топонімії Зангезур (про Байандуре і Чапні, Чавундуре і Біченеке) / А. М. Рустамов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 48–53.

У статті на обширному лінгвістичному матеріалі розглядаються відомі і широко поширені етнотопоніми Азербайджанського походження: ойконіми Байандур, Біченек та ін.

Ключові слова: Байандур, Біченек, Чавундур, етимологія, ареал.

Rustamov A. M. Reflection Geyturk onomastics in toponymy of Zangezur (about Bayandur and Chapni, Chavundur and Bichenek) / A. M. Rustamov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 48–53.

Known and the widespread ethnotoponym Azerbaijanian descent of the area are oikonyms Bayandur, Bichenek etc. The article on extensive linguistic material studied these place names.

Keywords: Bayandur, Bichenek, Chavundur, etymology, area, reconstruction and imagery.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.111

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННЫХ СМИ

Плотницкая С.В., Еременок О.И.

*Одесский национальный университет им. И.Мечникова, г. Одесса, Украина
e-mail: S_Plotnitskaya@mail.ru*

В статье рассматриваются принципы формирования иноязычно-речевой коммуникативной компетенции студентов-журналистов посредством электронных СМИ.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, иноязычно-речевая коммуникативная компетенция, электронные СМИ

Постановка проблемы. Данная статья рассматривает проблему формирования профессионального журналиста средствами электронных СМИ. Изучением особенностей коммуникативно-прагматических явлений в обществе занимались такие ученые, как: В.З. Демьянков, А. Вежицкая, С.С. Дикарева, Ю.Н. Караулов и т.д. Актуальность проблемы определяется необходимостью изучения английского языка в профессиональной среде журналистов средствами Internet – ресурсов. Основная цель данной статьи – выявить особенности формирования иноязычно-речевой коммуникативной компетенции студентов-журналистов, используя электронные on-line газеты.

Поставленная цель определила ряд задач:

- Определить историю развития понятий *коммуникативная компетенция, компетентность, иноязычно-речевая коммуникативная компетенция;*
- Показать, как с помощью электронных СМИ формируются знания, умения и навыки англоязычного профессионального общения у студентов-журналистов.

Согласно Н.Хомскому, знание языка – **языковая компетенция**, предполагает совершенное владение грамматическими процессами.

Термин «языковая компетенция» впервые употребил Н. Хомский примерно в середине XX в. Он различал языковую компетенцию (linguistic competence), считавшуюся областью лингвистики, и языковую активность (linguistic performance), относимую к области психологии. Языковая компетенция рассматривалась им как нечто такое, что составляет способность говорить на данном языке, а под языковой активностью понимались высказывания, которые производит носитель языка. С тех пор содержание термина «языковая компетенция» изменилось, но он прижился и активно используется в современной науке. Чаще всего под языковой компетенцией понимают совокупность конкретных умений, необходимых члену языкового сообщества для речевых контактов с другими и овладения языком как учебной дисциплиной.

В коммуникативную компетенцию студентов – журналистов включаются энциклопедический (когнитивный), лингвистический и интерактивный компоненты. **Профессионально – ориентированная коммуникативная компетенция** определяется как способность специалиста осуществлять эффективное иноязычное общение, способствующее успешной профессиональной деятельности. Языковая компетенция трактуется как освоение необходимых знаний о языке как знаковой системе и общественном явлении, его устройстве, развитии и функционировании; обогащение словарного запаса и грамматического строя; формирование способности к анализу и оценке языковых явлений и фактов, необходимых знаний о лингвистике как науке; умение пользоваться различными лингвистическими словарями. Культуроведческая компетенция выступает как осознание языка в качестве формы выражения национальной культуры, взаимосвязи языка и истории народа, национально-культурной специфики, владение нормами речевого этикета, культурой межнационального общения.

Большинство исследователей к базисным составляющим компетенции относят: – языковую (грамматическую, лингвистическую);
- речевую (прагматическую, стратегическую);
-социокультурную (социолингвистическую, лингвострановедческую) компетенции.

Языковую (N.Chomsky, 1965, Д.И.Изаренков,1990, В.В.Сафонова, 1996), грамматическую (M.Canale, M.Swain, 1980; S.J. Savignon, 1983), лингвистическую (И.Л.Бим, 1995,1996) компетенцию определяют как знание единиц языка фонетического, грамматического, лексического уровней, знание правил (Д.И.Изаренков, 1990); владение языковыми средствами и процессами порождения и распознавания текста (И.Л.Бим, 1995).

Несмотря на то, что выражение «языковая компетенция» попало в государственные нормативные документы, несмотря на многочисленные исследования, сделанные в данной области в лингвистической, психолингвистической, педагогической и психологической литературе, авторы вкладывают в содержание понятия «языковая компетенция» и «компетентность» весьма разнообразные смыслы. Эти смыслы могут быть обусловлены, с одной стороны, научной парадигмой, в рамках которой работает исследователь (например, лингвистической или психолингвистической), а с другой стороны – сложностью и противоречивостью самого исследуемого феномена.

Компетентность – не простая сумма знаний, умений и навыков индивида; она реальна, свойственна конкретной личности и зависит от усилий человека. В наиболее общем виде компетентность интегрирует в себе когнитивный (знания) и операциональный способы деятельности и готовность к осуществлению деятельности. **Компетентность есть личностная характеристика, совокупность интериоризованных мобильных знаний, умений, навыков , а компетенции – некоторые отчужденные, наперед заданные требования (образец) к образовательной подготовке** выпускника. Таким образом, если в самом обобщенном виде мы определим компетенцию как качество, то компетентность может рассматриваться как обладание этим качеством, проявляющееся в профессиональной деятельности. Покидая

стены вуза, выпускник должен обладать определенными компетенциями – профессионально-релевантными качествами, тем потенциалом, который будет актуализирован в процессе осуществления профессиональной деятельности. Следует акцентировать внимание на том, что термин «компетентность» логично употреблять для характеристики специалиста в его профессиональной деятельности, а «компетенция» – для обозначения базового свойства (качества), которое делает специалиста «потенциально» компетентным. ***Поэтому, на наш взгляд, говорить об овладении компетентностью, как это делается в некоторых диссертационных исследованиях, не корректно. Компетентным можно стать, овладев определенными профессионально-релевантными компетенциями и реализуя их в опыте конкретной профессиональной деятельности.***

Основным понятием коммуникативной лингвистики является ***коммуникативная компетенция, которая определяется как сумма знаний, умений и навыков говорящего – слушающего использовать иностранный язык в изменяющихся речевых ситуациях и порождать не только грамматически правильные, но и социально-приемлемые высказывания.*** Иноязычная коммуникативная компетенция является системообразующей и стрержневой для всех предметов и дисциплин, так как она органично интегрирует в собственном развитии формирование всех остальных компетенций, являясь не только целью, но и средством эффективного развития личности. Коммуникативная компетенция есть способность человека понимать и порождать иноязычные высказывания в разнообразных социально- детерминированных ситуациях. Коммуникативная компетенция складывается из лингвистического, прагматического и социо-лингвистического компонентов. Первый (лингвистический) связан со знаниями о системе изучаемого языка и сформированными на их основе навыками оперирования языковыми средствами общения. Второй (прагматический) составляют знания, умения, навыки, позволяющие понимать и порождать иноязычные высказывания в соответствии с конкретной ситуацией общения, речевой задачей и коммуникативным намерением. Третий компонент (социо-лингвистический) подразумевает знания, умения и навыки, обеспечивающие речевое и неречевое общение с носителями изучаемого языка с учетом их национально – культурных особенностей.

Понятие "иноязычно- речевая коммуникативная компетенция или вторичные умения" – были впервые предложены В. Л. Скалкиным в 1986 г. Владимир Львович Скалкин говорил, что речевая способность или компетенция не может быть определена ни через знание, умение или навык отдельно, ни через их простую комбинацию. Это сложная (специфически человеческая) многоярусная по структуре способность к смыслокодирующей и декодирующей деятельности и адаптивно-информационной ориентировке в ситуации общения, опирающаяся на комплекс разноаспектных и разноуровневых знаний, умений и навыков и предполагающая как сознательный выбор, конструирование нового, опору на правило или аналогию, так и автоматизм, клише, воспроизведение готового, повторяющегося, ранее встречавшегося и хранящегося в памяти элемента национального языка. Владение обучающимися активным словарем должно находиться на уровне навыков, что предполагает точное знание фонемно-орфографического образа слова, его парадигматики и

основных значений и свободное оперирование им, стилистическую уместность и нормативное оформление лексических единиц в предложении, знание сочетаемости. Владение обучающимися пассивным минимумом находится на уровне умений, что предполагает восприятие формы и декодирование её смысла с помощью ряда соответствующих сознательно-механических операций, сопоставления, частичного анализа, построения и выбора гипотез. Владение обучающимся потенциальным словарем находится на уровне знаний, что предполагает активную его аналитико-синтетическую деятельность, включающую элементы дешифровки, реконструирования. Однако в едином речетворческом акте – порождении высказывания – обучающийся сталкивается с необходимостью синхронного оперирования разноуровневыми и разноаспектными элементами языка, характеризующимися различной степенью активизированности, т.е. в процессе построения фразы реализуются и навыки, и умения, и знания. Они интегрируются в едином речевом действии, образуя особый механизм (способность к речевой деятельности), который можно назвать компетенцией. Коммуникативную компетенцию следует рассматривать как неотъемлемый компонент речевой компетенции, т.к. без коммуникативной цели, направленности, ориентированности и т. д. реальной речи не бывает (1986). Ведущей целью обучения иностранному языку (ИЯ) в вузе является коммуникативная – формирование коммуникативной компетенции, т.е. умения извлекать достаточно полную информацию при чтении иноязычных текстов, умения понять собеседника, а также навыка выразить свою мысль устно и письменно. В связи с этим необходимо формировать у студента-журналиста учебную иноязычно-речевую коммуникативную компетенцию, которая включает: 1) знания о: рациональных способах осуществления коммуникативно-познавательной деятельности; правилах работы с текстами различных функциональных стилей; преимуществах применения новейших (компьютерных) технологий в обучении и самообучении ИЯ; 2) умения и навыки: рационально распределять время и силы на выполнение различных коммуникативных заданий по ИЯ; работать с различными видами справочной литературы; эффективно использовать аудио- и видео-средства обучения, компьютер (включая Internet); осуществлять самодиагностику успешности овладения программными иноязычными знаниями, умениями и навыками. Использовать Интернет для обучения иностранным языкам удобно, плодотворно и перспективно: появился доступ к неограниченному количеству аутентичной информации на иностранном языке, чего раньше не хватало, так как не были доступны зарубежные газеты и журналы. В плане овладения межкультурной компетенцией **онлайн-газета** является незаменимым помощником. Она позволит студентам-журналистам окунуться в гущу мировых событий, происходящих практически в текущий момент, увидеть происходящее с различных точек зрения. Особенно ценными для работы является ссылка – send us feedback Высказать свое мнение относительно прочитанного и лично побеседовать с автором определенной статьи можно благодаря разделу "сегодняшние журналисты" -"Today's Columnists". BBC World Service (<http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/fooc>) предоставляют возможность не только прочитать, но и прослушать новости, на многих языках, причем можно даже выбрать для себя подходящий уровень владения английским и прослушать новости в режиме LEARNING ENGLISH. Интересной

может показаться двойная классификация статей – по темам и по континентам. ABC News (<http://abcnews.go.com/>) сопровождает свои публикации помимо звукового еще и видео сопровождением.

Выводы. В связи с существенным прогрессом в развитии персональных компьютеров и компьютерных технологий происходят прогрессивные изменения в процессе формирования иноязычно-речевой коммуникативной компетенции студентов, включающей исследовательские знания, умения и навыки работать с информацией; коммуникативный аспект обучения иностранному языку реализуется более эффективно.

Литература

1. Васильев С.Г. Основы информатики и вычислительной техники / С.Г. Васильев.– Одесса, 2009.– 94 с.
2. Скалкин В.Л. Основы теории обучения устной речевой коммуникативной деятельности: автореф. дис. на соискание учен. степени док. пед. наук: спец.13.00.02. – методика преподавания иностранных языков / В.Л.Скалкин.– Москва,1986. – 36 с.

Плотницька С.В. Формування іншомовної комунікативної компетенції засобами електронних ЗМІ / С.В. Плотницька, О.І. Єременок // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 54–58.

У статті розглядаються принципи формування іншомовної комунікативної компетенції та роль електронних ЗМІ у підготовці журналістів.

Ключові слова: компетенція, компетентність, іншомовна комунікативна компетенція, електронні ЗМІ.

Plotnitskaya S.V. Electronic Mass Media in students' foreign language communicative competence forming / S.V. Plotnitskaya, O.I. Yeremenok // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 54–58.

The article deals with the foreign language communicative competence forming and electronic resources play a very important role in journalists' education.

Key words: competence, linguistic performance, foreign language communicative competence, electronic Mass Media.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

РАЗВИТИЕ ОМОНИМИИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Байрамова К.

Гянджинский государственный университет, г. Гянджин, Азербайджан

На материале английского языка анализируются две группы омонимов: 1) омонимы, образуемые в результате совпадения прошлого, настоящего и неправильных глаголов и существительных, прилагательных. 2) омонимы, образуемые в результате совпадения множественного числа (существительные) и настоящего неопределенного времени.

Ключевые слова: омоформы, язык, английский

Постановка проблемы. Омонимия очень широко развита и в английском языке. Т.И. Арбекова, в частности, отмечает: «Широко развитая в современном английском языке омонимия, а также некоторые другие особенности языка приводят к тому, что часто бывает невозможно определить принадлежность слова к части речи по одной форме; не всегда можно дифференцировать слово и основу слова, сложное слово и словосочетание, структуру некоторых слов можно истолковать двояко»

Наблюдения показывают, что большинство омонимов в английском языке образовалось вследствие случайного совпадения формы при фонетических изменениях и заимствованиях, а также в результате компрессии словосочетаний и при конверсии.

Рассмотрим конкретные примеры омофонов:

[ɔ:t]: **ought** “нечто; кое-что; что-нибудь”. Как прилагательное: “в каком – либо отношении; в какой-либо степени”, например: For aught I know “Насколько мне известно”. – **ought** – модальный глагол, выражающий: 1.долженствование: I ought to go there “Мне следовало бы пойти туда”; 2.вероятность: The telegram ought to reach him within two hours “Он, вероятно, получит телеграмму не позже, чем через два часа; 3. упрек.: You ought to have written to her “Тебе следовало бы написать ей (а ты не сделал)”.

[бѐя] **bare** –“1.голый, обнаженный 2.пустой; лишенный (чего-либо); бедный; 3. поношенный; 4. неприкрашенный, простой; 5. едва достаточный; 6. малейший, 7.электр. неизолированный” ” – **bear**¹ “1.медведь; 2.грубый, невоспитанный человек; 3. бирж. спекулянт, играющий на понижение; 4. дыропробивной пресс, медведка; 5. металлург. козел; 6. морск. разг. швабра” – **bear**² “1.носить, нести; переносить; перевозить; 2.выдерживать; нести груз, тяжесть; поддерживать, подпирать; 3. рожать, производить; 4. питать (иметь чувство); 5. терпеть выносить; 6. держаться, вести себя; 7. опираться; 8. простирается”.

[breik]: **brake**¹ “тормоз” – **brake**² “1.трепало (для льна, пеньки; 2.тестомешалка; 3. большая борона” – **brake**³ “чаша, кустарник” – **break**¹ “1. отверстие; трещина, пролом; 2.прорыв; 3. перерыв, пауза, перемена; 4. тире-многоточие; 5. раскол; разрыв (отношений); 6. обмолвка, ошибка; 7. шанс, возможность; 8. хим. расслоение

жидкости; 9. геол. разрыв; малый сброс; 10. спорт.прекращение боя при захвате (в боксе) – **break**² “открытый экипаж с двумя продольными скамьями”.

Глаголы **to brake**¹ “тормозить” – **to brake**² “1.мять, трепать (лен, пеньку); 2.месить (тесто); 3. разбивать комья (бороной)” – **to break**¹ “ломать(ся), разбивать(ся), разрушать(ся)”.

[ʃili]: **chilli**¹ “ботан. (красный) стручковый перец” – **chilly** “1.холодный, прохладный (о погоде); 2.зябкий; 3. сухой, чопорный”.

[ʃu:t]: **chute** “1.стремнина; крутой скат; 2.покатый настил; горка (ледяная, деревянная); 3. техн. спуск; лоток, желоб, спускной жёлоб; 4. мусоропровод; 5. горн. скат”. – **shoot** “1.охота; 2.группа охотников; 3. охотничье угодье; 4. право на отстрел; 5. стрельба; 6. состязание в стрельбе; 7. запуск (ракеты или управляемого снаряда); 8. рывок, бросок; 9. стремнина, стремительный поток; 10. росток, побег; 11. техн. наклонный сток, жёлоб, лоток; 12. фотографическая съемка”. **to shoot** “стрелять”.

[dain]: **dine** “1.обедать; 2. угощать обедом; давать обед; 3. This table (this room) dines twelve comfortably “За этим столом (в этой комнате) вполне могут обедать двенадцать человек” – **dyne** физ. дина (единица силы)”.

[felou]: **felloe** “обод (колеса)” – **fellow** «1.товарищ, собрат: a fellow in misery «товарищ по несчастью»; 2.разг. человек; парень: a good fellow «славный малый»; old fellow «старина, дружище»; 3. парная вещь; пара: I shall never find his fellow «Я никогда не найду равного ему»; 4. член совета колледжа; стипендиат, занимающийся исследовательской работой; 5. член научного общества».

[fa:ðə]: **father** «1. отец, родитель; 2. предок, родоначальник, прародитель; 3. старейший член. fathers «старейшины» 4. покровитель, заступник, «отец родной»; 5. создатель, творец; вдохновитель; 6. духовный отец, епископ: the Holy Father «папа римский» – **farther** – сравнительная степень от прилагательного **far** «1. дальний, далекий; 2.более отдаленный; дальнейший, позднейший; 3. дополнительный».

[fɔ:]: **four** «четыре» – **for** «для, ради» – **fore** «морск. нос, носовая часть судна».

[fɜ:]: **fir** «бот. 1.пихта, ель; 2.ель (древесина)» – **fur** “1.мех.2.шерсть, шкура; 3.собир. пушной зверь 4.во множественном числе **furs** «пушнина; меховые изделия»; 5. налет (на языке больного)».

[dzel] **gel** «хим. гель» – **jell** «1.желе»2.студень.

[hɛɹ]: **hair** «1.волос, волосок; 2.волосы; 3. шерсть (животного); 4. щетина; иглы (дикобраза и т.п.); 5. текстиль. ворс». – **hare** «заяц».

[hi:l]: **heal** «1.излечивать, исцелять; 2.заживать, заживляться» – **heel** «1.пятка, пята; 2.пятка (чулка или носка); задник (ботинка); 3. каблук; 4. задний шип подковы; 5. шпора (петуха); 6. остаток (корка хлеба, сыра и т.п.); 7. разг. обманщик; подлец, мерзавец; 8. грань, вершина, ребро; 9. строит. нижняя часть стойки или стропильной ноги».

[hɔ:d]: **hoard**¹ “1.запас, скрытые запасы продовольствия и т.п.; что-либо накопленное, припрятанное” – **hoard**² “1.временный забор вокруг строящегося здания; 2.щит для наклейки объявлений и афиш” – **horde** “1.орда; the Golden Horde “ист. Золотая Орда”; 2.полчище, банда, шайка; 3. компания, ватага; шумная толпа; 4. стая, рой (насекомых)”.

[ai] I «я» – **eye** «глаз».

[næp]: **knap**¹ «1.бить щебень; дробить камень; 2.отчеканивать слова» – **knap**² «1.вершина холма; гребень горы; 2.холм». – **nap**¹ «1.дремота; короткий сон» – **nap**² «1ворс (на сукне), пушок (на чем-либо). – **nap**³ – название карточной игры.

Данный пример интересен тем, что каждый из рассмотренных омофонов сам является омонимом и составляет двухчленный (**knap**¹⁻²) и трехчленный (**nap**^{1,2,3}) омонимические ряды.

[nait]: **knight** «рыцарь» – **night** «ночь»

[nit]: **knit** «вязать (чулки и т.п.)» – **nit** «гнида».

[maɪt]: **might**¹ «1.могущество, мощь; 2.энергия, сила» – **might**² – форма прошедшего времени модального глагола **to may** «мочь, иметь возможность; быть вероятным» – **mite**¹ «скромная доля, лепта» – **mite**² «клещ».

[aʊ]: **our** «наш» – **hour** «1. час; 2.определенное время дня».

[pi:l]: **peal** «1.звон колоколов; трезвон.2.подбор колоколов; 3. раскат (грома); грохот (орудий); real of laughter «взрыв смеха» – **peel**¹ «корка, кожица, шелуха» – **peel**² «четырёхугольная башня на границе Англии и Шотландии» – **peel**³ «пекарская лопата».

[pəʊl]: **pole** «полус» – **poll** «1.список избирателей; 2.регистрация избирателей; 4.голосование, баллотировка; 4.подсчет голосов; 5.число голосов». **To pole** «проводить голосование, подсчитывать голоса».

[sæk]: **sac** «1.биол.мешочек, сумка.2.сак (пальто)» – **sack**¹ «1.мешок, куль; 2.свободное женское платье (модное в XVIII веке); 3. «сак (пальто)» – **sack**² «разграбление» – **sack**³ «ист.белое сухое вино, импортировавшееся из Испании и с Канарских островов» [teɪl]: **tale** «1.рассказ повесть. 2 (часто во множественном числе **tales** «выдумки, рассказы; сплетни»); 3. уст. счет, число, количество» – **tail** «1.хвост; 2.коса, косичка; 3. нижняя задняя часть, оконечность; 4. пола, фалда; разг. во множественном числе **tails** «фрак». 5 свита; 6. очередь, «хвост»; 7. конец, заключительная часть (чего-либо); 8. во множественном числе tails «отбросы, остатки»; 9. менее влиятельная часть (политической партии); более слабая часть (спортивной команды); 10. авиац. хвостовое оперение, хвост; 11. разг. обратная сторона монеты; 12. полигр. нижний обрез страницы».

[tɜ:n]: **tern**¹ «крачка (птица)» – **tern**² «1.три предмета; три числа и т.п.; тройка; 2.три выигранных билета в лотерее»- **turn** «1.оборот (колеса); 2.поворот; 3. изменение направления; перен. поворотный пункт; 4. изгиб, (дороги), излучина (реки); 5. перемена, изменение (состояния); 6. очередь; 7. услуга; 8. очередной номер, программа, выход, сценка, интермедия; 9. короткая прогулка. поездка; 10. способность, склад (характера, ума); стиль, манера; отличительная черта; 11. (рабочая) смена; 12. короткий период деятельности. 13.разг. нервное потрясение, шок; приступ, припадок. 14.строение, форма. 15.оборот, построение (фразы): a turn of speech «оборот речи». 16. виток (провода, резьбы). 17.авиаци. разворот».

[wi:l]: **wheel** – «1. колесо; колесико; 2. рулевое колесо, штурвал; 3. перен. механизм; 4. кружение, круг, оборот; 5. прялка; 6. гончарный круг; 7. колесо фортуны, счастье; 8. припев, рефрен; 9. устарев. велосипед; 10. воен. плечо в словосоче-

таниях **left wheel!** «левое плечо!», **right wheel!** «правое плечо!» – **weal** – благосостояние, благо».

[weɪst]: **waist** «1. талия; 2. перехват, сужение; узкая часть (скрипки и т.д.) 3. морск. шкафут» – **waste** «1. пустыня; 2. потери; убыль, ущерб, убыток, порча; 3. излишняя трата; 4. отбросы, отходы, угар, отрезки, лом; 5. юрид. разорение, порча; небрежное отношение (особ. арендатора к чужому имуществу); 6. горн. пустая порода».

[ju:]: **yew** «ботан. тис (дерево)» – **you** «ты; вы» – **u** двадцать первая буква английского алфавита.

Таким образом, наблюдения над омофонами в английском языке позволили прийти к следующим выводам: наличие омофонов в английском языке обусловлено конкретными фонетическими законами, связанными:

1) с одинаковым произношением разных гласных или сочетаний разных гласных в определенной позиции;

2) с одинаковым произношением разных согласных в определенной позиции;

3) с одинаковым произношением одновременно и разных согласных, и разных гласных или сочетаний гласных в определенной позиции;

4) непроизнесением: а) начального согласного; б) второго согласного.

1) одинаковое произношение разных гласных или сочетаний разных гласных:

[ɔ:] – **долгое О:** aural – oral; awe – oar – or – ore; awl – all; calk – cork; coarse – course; door – dor; draw – drawer.

[aɪ] – **ай:** aisle – isle; buy – bye; die – dye; dine – dyne; I – eye; lie – lye; stile – style.

[i:] – **долгое И:** be – bee; bean – been; beat – beet; feat – feet; flea – flee; heal – heel; meat – meet; pease – piece; peak – peek; peal – peek.

Как видно из данных примеров, большинство этих омофонов обусловлено одинаковым произношением сочетания **ea** – **ee**.

[eɪ] – **эй:** brake – break; fiance – fiancée; pail – pale; sale – sail; tale – tail; taper – tapir; tray – trait – tray;

[ʌ] – **краткое а:** some – sum; son – sun – sunn.

4) непроизнесение звуков:

Эту группу омофонов следует особо выделить, т.к. в английском языке значительная часть омофонов образовалась за счет непроизнесения согласных в определенных позициях:

а) в сочетании **kn** в начале слова **k** не произносится:

[næp] knap – nap; [ni:d] kneed – need.

б) в сочетании **wh** в начале слова **h** не произносится:

[weɪl] whale – wale; [wɒt] what – wot – watt.

Как видно из данного примера, здесь совпадает и произнесение разных гласных – **a-o**.

[wi:l] wheel – weal. Здесь также одинаковое произношение сочетаний гласных **ee-ea**.

[wɪtʃ] which – witch – также одинаковое произношение сочетания согласных **ch** и **tch**.

В сочетании согласных **wr** в начале слова **w** не произносится:

[ræk]: wrack – rack;

[ræp]: wrap – rap;

В сочетании who **w** не произносится:

[houl]: whole – hole;

[hu:p]: whoop – hoop. Здесь также одинаковое произношение сочетаний разных гласных.

Литература

1. Smirnitsky A.I. Homonyms in English / Smirnitsky A.I. – М, 1977. – P. 57-59, 89-90
2. Homonyms in English and their specific features [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/languages/00092048_1.html
3. Homonymy in English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://revolution.allbest.ru/languages/00000517_0.html
4. Малаховский Л.В. Словарь английских омонимов и омоформ / Л.В.Малаховский. – М.: Русский язык, 1995. – 612 с.
5. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык. – 888 с

Байрамова К. З. Розвиток омонімії в сучасній англійській мові / К. З. Байрамова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 59–63.

На матеріалі англійської мови аналізуються дві групи омонімів: 1) омоніми, утворені в результаті збігу минулого, сьогодення і неправильних дієслів та іменників, прикметників. 2) омоніми, утворені в результаті збігу множини (іменники) і справжнього невизначеного часу.

Ключові слова: омоформи, мова, англійська

Bayramova K. Z. Development of homonyms in Modern English / K. Z. Bayramova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 59–63.

The different types of homoforms are analysed on the concrete material of the English language. The homoforms can be divided only into two groups: 1. Homoforms formed as a result of concurrence of the Past, Present of irregular verbs and nouns ,adjective; 2. Homoforms formed as a result of concurrence of plural (nouns) and the Present Indefinite.

Key words: homoforms, language, English

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ДИАЛЕКТНАЯ СИСТЕМА АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА

Теймурлу З.

*Кавказский университет, Азербайджан
e-mail: teymurlu@hotmail.com*

В статье исследуется диалектная система Азербайджанского языка. Автор изучает переходные говоры и анализирует термины «диалект», «наречие» и «говор».

Ключевые слова: диалект, азербайджанский язык, лингвистика

Постановка проблемы. Как известно, диалекты, являясь богатой сокровищницей, обладают способностью сохранять самые древние свойства нашего языка. Использувавшиеся некогда в нашем литературном языке, в образцах художественного языка лексические единицы, пройдя через сито времени, вышли из литературного языка и сохранили свои следы в диалектах и наречиях. Б.Ахмедов так объясняет термин говор: «Говоря о новом для нашего языка говоре, подразумеваем вовсе не далекое от естественности, отсебятину, а слова, идущие из самого языка, образованные мудрым народом, и используемые, самое малое, в нескольких районах республики, а порой и в целой зоне, созданное разумом народа на основе внутренних правил. Опираясь на этот источник, и сейчас можно во много раз увеличить силу литературно-художественного языка и это очень нужно» [2, 8]. Фонетические, грамматические и лексические свойства каждого языка в процессе развития или, выходясь из литературного языка, становятся архаичными, или продолжают оставаться литературной нормой языка. Ставшие архаичными лингвистические элементы сохраняют свои следы в наших диалектах. Не случайно, Т.И.Гаджиев уподобляет диалекты и наречия надежным музеям, веками сохраняющим свои экспонаты новыми [2, 7].

Большая часть диалектов азербайджанского языка в свое время была исследована и были написаны значимые работы по этим диалектам. Ахмед Джафароглу отмечает исключительные заслуги Мухаммеда Али Мирзы Казым-бека в исследовании вопросов тюркологии, особенно азербайджанского языка. «В то время, когда исследования тюркского языка находились в зачаточном состоянии, в то время, когда об азербайджанском наречии ни у кого нет никаких сведений, Мирза Казым-бек выбрал эту область себе в качестве поприща научной деятельности, и создал первую сравнительную грамматику тюркского языка с грамматикой Азербайджанского наречия. Изданный Мирзой Казым-беком в 1839 году труд под названием «Общая грамматика турецко-татарского языка» сыграл ключевую роль в изучении истории тюркского языка» [1, 314, 316]. В упомянутом произведении обративший большее внимание на язык казанских татар, чем нас свой родной язык, Мирза Казым-бек впервые в научном мире писал о вопросах азербайджанского тюркского языка, и в результате этого приступил к первому сравнительному исследованию тюркских наречий.

С целью изучения и составления словаря наречий азербайджанского языка исследователями с 1924 года по 1930 года было собрано порядка 60.000 диалектных

слов. Успехи в этой области были достигнуты не вдруг. В этом контексте особо нужно подчеркнуть заслуги Н.И.Ашмари перед азербайджанской диалектологией. В 1924 году по поручению изучающего и исследующего Азербайджан общества Н.И.Ашмари подготовил программу и указания по составлению словаря наречий азербайджанского народного языка. Именно после этого продолжился сбор диалектологического материала из различных районов Азербайджана. Результатом этого стало издание двух частей первого тома «Словаря азербайджанских тюркских народных наречий». В 1964 году издательством Азербайджанской АН был издан одготомный «Диалектологический словарь азербайджанского языка». Словарь охватывает 6.300 слов. Изучение наших диалектов и наречий продолжалось и впоследствии, в 1991 году директор института языковедения, проф. А.А.Ахундов, проведя переговоры с руководством *Türk Dil Qurumu* Турецкой Республики, добился разрешения на издание диалектологического словаря в Турции за счет средств *Türk Dil Qurumu*. Первый том «Азербайджанского диалектологического словаря» был издан в Анкаре в 1999 году, а второй том – в 2003 году. «Азербайджанский диалектологический словарь» был издан в усовершенствованном виде. Этот словарь отличается среди всех изданных ранее диалектологических словарей завершенностью и богатством словарного запаса. В словарь С.Бехбудовым, З.Хасыевым, К.Кулиевой, К.Имамкулиевой, Г.Биннатовой и Ш.Мамедовым было добавлено до 2500 новых слов, лексикографическое исследование обогатилось за счет собранных в наречиях Зангибасара, Шарура, Ярдымлы, Тебриза, Кубатлы, Лачина, Кельбаджара, Балакана, Каха, Закаталы и др.

Отметим и то, что впервые среди тюркских языков в 1990 году в Азербайджане был издан «Диалектологический атлас азербайджанского языка». В атласе 43 карты были посвящены фонетике, 31 карта – морфологии, 4 карты – синтаксису, 50 карт – лексике. Были собраны материалы для диалектологического составления карт, в картах было отмечено название 409 населенных пунктов. Известный турецкий лингвист проф. д-р Лейла Карахан в целях пользования опытами, предотвращения потерь времени и труда в совершенных работах, уменьшения ошибок, получения более **здоровых** результатов исследователями, сделала известным научному миру «Диалектологический атлас азербайджанского языка» [7, 185–189].

Прежде чем приступить к исследованию диалектов азербайджанского языка, рассмотрим вопрос диалектного членства.

Классификацию диалектов азербайджанского языка М.Ширалиев дал, основываясь на историко-географическом принципе. В этой классификации диалекты подытоживаются вокруг 4-х групп: восточной группы, западной группы, северной группы и южной группы.

М.Ширалиев относит к восточной группе диалектов кубинские, бакинские, шемахинские диалекты, муганские и ленкоранские наречия, к западной группе казахские, карабахские, гянджинские диалекты и говоры айрымов (этническая группа), к северной группе шекинский диалект и закатало-кахский говор, к южной же группе нахичеванский, ордубадский, тебюрюзский диалекты и ереванский говор, показывает фонетические, грамматические и лексические особенности [8, 16-21].

В данной классификации, широко распространенной в азербайджанской лингвистике, есть и недостатки. В свое время эти недочеты видели и критиковали некоторые ученые (М. Гусейнзаде, А. Гусейнов и пр.). Однако, несмотря на все это, вплоть до последнего времени в диалектном разделении азербайджанского языка за основу бралась классификация М.Ширалиева. Э.Азизов научно обосновал, что классификация М.Ширалиева приемлема для определенного этапа азербайджанской лингвистики, в целом же, с точки зрения полноценного отображения диалектного разделения диалектного языка, обладает рядом недостатков [5, 94]. Говоря о недостатках классификации М.Ширалиева, можно указать преимущественно следующие:

- в классификации М.Ширалиева охватывается большей частью говоры на территории Азербайджанской Республики, говоры же на других территориях остаются за кадром;

- к южной группе диалектов азербайджанского языка отнесен и ереванский диалект, а говоры других земель в Армении, на которых раньше жили азербайджанцы, остаются в стороне;

- хотя в прежнем разделении М.Ширалиева дербентский говор был, позднее этот говор из классификации был убран.

Известно, что при диалектном разделении языка за основу должны браться противопоставляемые признаки, то есть характерные для диалектных групп признаки должны отличаться друг от друга. А в классификации М.Ширалиева этот принцип не был взят за основу; автор включает в восточную группу наших диалектов ленкоранский говор. Исторически ленкоранско-астаринская зона была больше связана не с Ширваном, а с югом. Говоры Астары, Ленкорани, Лерика, Ярдымлы входят в сферу воздействия южного диалекта азербайджанского языка. В этих говорах преобладают нехарактерные для северо-восточного диалекта признаки [4, 317].

Понимание термина диалект как большей чем говор, меньшей, чем наречие лингвистической единицы в лингвистике уже устарело. М.Ширалиев использует термин диалект как один из основных единиц диалектного разделения языка, хотя термин диалект, будучи в целом термином, указывающим локальную форму языка, позволяет пользоваться им для выражения как группы говора, так и отдельного наречия. Термин «диалект», по-гречески означающий «разговор, говор», обладает неделимым характером [4, 306].

По историко-географическим причинам смешанного типа *şivələg* азербайджанского языка сформировались преимущественно на северо-западе, в шеки-закатальском регионе, на левом берегу рек Кура и Аракс и в муганьской зоне. В формировании основных диалектов и отдельных говоров определенную роль сыграли физико-географические преграды, административные деления, центры, объединяющие окружающее население, субстративное воздействие, миграция населения и историческая изолированность [4, 284].

Принимая во внимание все это, Э.Азизов диалекты азербайджанского языка делит на 3 диалекта: северо-восточный диалект, западный или средний диалект; южный диалект.

Согласно классификации Э.Азизова, северо-восточный диалект нашего языка охватывает говоры Дербента, Кубы, Баку, Шемахи, Сальяна. В этом диалекте выделяются 3 группы говоров:

- 1) шемахинско-бакинская;
- 2) кубинская;
- 3) дербентская.

К западному (среднему) диалекту относятся говоры Карабаха, Гянджи, Казаха, Дашкесана, Кедабека, Кельбаджара, Лачина и некоторых районов Грузии (Борчалы, Марнеули, Болниси, Дманиси). Западный диалект делится на 3 группы:

- 1) карабахскую;
- 2) казах-борчалинскую;
- 3) говор айрымов (распространено в Дашкесанском, Кедабекском, Кельбаджарском).

Южный диалект охватывает говоры регионов Южного Азербайджана, Нахчывани и Ленкорани. В южном диалекте выделяется несколько групп говоров:

- 1) тебризская;
- 2) ардебильская;
- 3) ленкораньская;
- 4) урмийская
- 5) нахчыванская и т.д. [4, 289; 23, 3-11].

Э.Азизов, кроме основных диалектов, показывает и переходные типы говоров. Говоря переходные говоры, подразумеваются и диалекты одного языка, и говоры, пограничные между двумя языками [3, 312]. Поскольку переходные говоры носят в своем роде промежуточный характер, то есть лежат на границе двух диалектов, в этих говорах наблюдаются свойства различных диалектов». Как различные языки связаны меж собой, так и диалекты в составе того или иного языка имеют взаимоотношения. Подобное взаимное воздействие и взаимная связь между диалектами проявляет себя в более наглядной форме в переходных говорах». Снова там же А.Велиев подчеркивает, что можно определить, что переходные говоры выступают в роли моста между западными, восточными и северными группами и литературным языком. Автор пишет о существовании геокчайских переходных говоров между восточной и западной группами, агдашских переходных говоров между западной и северной группами, и джалилабадского (астраханбазарского) – ярдымлинского переходного говора – между западной и южной группами [9, 3].

Диалекты шеки-огузского, закательско-кахского регионов Азербайджана в классификации Э.Азизова относятся к северо-западным говорам смешанного типа, а говоры агдашского, геокчайского, уджарского, зардабского, джалилабадско-биясуварского, джабраильского, кубатлинского, зангиланского районов – к промежуточным *şivələr*, расположенным между основными диалектами, и показываются характерные для различных диалектов фонетические, грамматические и лексические особенности [4, 289-290].

В классификации М.Ширалиева под названием северной группы диалектов и говоров подаются нухинский (шекинский – прим. пер.), закательско-кахский говор.

Э.Азизов же относит эти говоры (балаканский, закатальский, кахский, шекинский, огузский, габалинский) северо-западные говорам смешанного типа [4, 290].

Известно, что в основу классификации диалектов азербайджанского языка заложен преимущественно географический принцип. Географически отнесение диалектов Балакана, Закаталы, Каха, Шеки, Огуза, Габали к северо-западной группе диалектов более верно. Поскольку эти районы территориально расположены не на севере, а несколько северо-западнее.

Если обратить внимание на лингвистические особенности северо-западных диалектов, то увидим, что диалектные особенности этой зоны не противопоставляются с другими диалектами, наоборот, здесь проявляют свои особенности, характерные как для западного, так и для северо-восточного и южного диалекта. Правда, в северо-западных диалектах сохраняются и древние, местные особенности. Поскольку диалекты этой зоны являются более смешанными с точки зрения лингвистических свойств, Э.Азизов в своей классификации не выделяет эти диалекты в отдельную группу, а преподносит их как северо-западные говоры смешанного типа. Таким образом, словарный состав наших диалектов обладает лексическими слоями, сохранившими слова и выражения, присущие самым древним периодам. Муса Исламов называет наши диалекты богатой сокровищницей. Изучение и исследование этой кладези он полагает важным и с теоретической, и с практической точки зрения [6, 180].

Все эти исследования показывают, что у азербайджанского языка есть специфичные диалекты. Поэтому называть азербайджанский язык, как подчеркивают некоторые авторы, наречием среди других тюркских языков нельзя. Как мы отмечали и ранее, термин диалект, означающий на греческом языке «разговор, говор», обладает неделимым характером. Этим термином можно пользоваться для выражения и отдельно диалект, и их группы, и все наречие [4, 306].

Выводы и перспективы. В турецкой лингвистике настойчиво именуют азербайджанский и другие тюркские языки наречием. План выражения некоторых терминов, используемых в азербайджанской и турецкой лингвистике, может быть одинаковым, но выражаемые ими понятия различны. В азербайджанской лингвистике, а также в общей тюркологии под терминами диалект, говор, наречие подразумеваются локальные формы конкретного языка, на котором говорит определенный народ. В турецкой лингвистике на стадии исследования, наряду с восприятием различных тюркских языков как независимых, проявляются и случаи признания их говором или наречием. Как бы ни были близки друг к другу тюркские языки, именовать их наречием неправильно. Хотя самостоятельность некоторых лингвистических объединений и полемична, в современной тюркологии стоит вести речь о двадцати семи независимых тюркосистемных языках.

Литература

1. Джафероглы А. Избранные произведения / А. Джафероглы. – Баку, 2008. – 408 с. (на азерб. языке)
2. Ахмедов Б. Вопросы лексики азербайджанского языка / Б. Ахмедов. – Баку, 1990. – 136 с. (на азерб. языке)

3. Азизов Э. Новая классификация говоров азербайджанского языка / Э. Азизов // Тюркология. – 1999. – 352 с. (на азерб. языке)
4. Исламов М. Нухинский диалект азербайджанского языка / М. Исламов. – Баку, 1968. – 273 с. (на азерб. языке)
5. Карахан Л. О диалектологическом атласе азербайджанского языка / Л. Карахан // Türk Dili Dil ve Edebiyat Dergisi. – Mart 1999. – Sayı: 567. – с. 185 – 189 (на турецком языке)
6. Ширалиев М. Основы Азербайджанской диалектологии / М. Ширалиев. – Баку, 1967. – 420 с. (на азерб. языке)
7. Велиев А. Азербайджанская диалектология: морфология и синтаксис переходных говоров / А. Велиев. – Баку, 1975. – 118 с. (на азерб. языке)

Теймурлу З. Діалектна система Азербайджанської мови / З. Теймурлу // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 64–69.

У статті досліджується діалектна система Азербайджанської мови. Автор вивчає перехідні говори і аналізує терміни «діалект», «наріччя» і «говір».

Ключові слова: діалект, азербайджанська мова, лінгвістика

Teymurlu Z. Dialect system of Azerbaijani language / Z. Teymurlu // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 64–69.

This article examines the dialect system Azerbaijani language. The author examines and analyzes the transitional dialects terms "dialect" and "speak."

Key words: the dialect, Azerbaijani language, linguistics

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 81-13

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ПОРЯДКА КОМПОНЕНТОВ СЛОЖНОПОДЧИНЕННОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XIII-XIV ВЕКОВ

Абдуллаева Х.

*Институт языкознания им. Насими Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье исследуется коммуникативный аспект порядка компонентов сложно-подчиненного предложения в азербайджанском литературном языке XIII-XIV веков на материале творчества Имадеддина Насими, Гази Бурханаддина, Юсифа Маддаха, Мустафы Зарира.

Ключевые слова: коммуникативный аспект, сложноподчиненное предложение, азербайджанский литературный язык

Постановка проблемы. Порядок расположения главного (ГП) и придаточного предложений (ПП) в сложноподчиненном предложении (СПП) носит важное структурно-семантическое значение. Место ГП и ПП взаимозависимо. По В. В. Щулину место ПП в СПП определяется пятью факторами: спецификой формирования СПП, характером логико-содержательных отношений составных частей, структурной спецификой подчиненных конструкций, задачами стилистического упорядочения и общим положением лексико-грамматических средств подчинительной связи [1, 39].

В тюркских языках, в том числе и в азербайджанском языке ГП и ПП, которые являются составными частями СПП, в основном имеют следующий порядок: ГП+ПП и ПП+ГП [2, 319-324; 3, 351]. Из родственных языков только в гагаузском языке, в котором порядок слов более свободен, место ПП свободно: почти все виды ПП употребляются не только в пост- и препозиции в отношении к ГП, но и в интерпозиции [4, 19].

ПП – грамматическая категория и оно формируется на основе внутренних правил грамматического строя того или иного языка. Поэтому структура сложного предложения определяется строением того самого языка. Порядок составных частей в таком виде тоже формируется правилами языка и в свою очередь связано некоторыми аспектами. В книге «Семантико-грамматические особенности сложных предложений» А. Джавадова и Х. Мамедовой показывается, что в односоставном и двусоставном СПП компонент с большой семантической нагрузкой стоит в конце предложения [5, 8 – 9]. А Ф.А. Джалилов считает, что «В сложном предложении место ПП больше зависит от контекста, чем от семантического объема. В этот порядок влияет и смысловое отношение компонентов» [6, 20]. Кроме этого в помещении ГП и ПП в той или иной позиции важную роль играет образ подачи информации, стиль говорящего и его уклон к той или иной структурной форме, употребление определенных союзных средств [2, 317]. Имея в виду всех сказанных, можно говорить о

воздействии на порядок компонентов СПП в азербайджанском языке их логико-содержательных и смысловых отношений, средств связи, фактора контекста и особенностей стиля.

Одним из факторов воздействия на позицию ГП и ПП в СПП имеются союзные средства [5, 47]. ПП, которое связывается к ГП с помощью определенного союза, имеет конкретное стабильное место. Известно, что составные части СПП в отдельности лишены информационной и смысловой полноценности и коммуникативной самостоятельности. Но вместе они составляют единое целое по форме и смыслу и служат выражению одной сложной мысли и передаче информации. В исполнении этой функции те самые компоненты имеют разные роли. Распределение информационной нагрузки в ГП и ПП непосредственно зависит от их позиции в СПП. Актуальное членение, связанное с информативностью предложения определяется порядком компонентов в СПП. Рема, которая дает новую информацию в предложении с точки зрения актуального членения, известно, что в предложении азербайджанского языка уклоняется к концу предложения. Значит, составная часть в СПП, которая стоит в постпозиции (это может быть и ГП, и ПП), и есть рема, т.е. основа общей информации, которая носит СПП, собирается в ней (в реме). А препозитивная составная часть обозначает тему, которая служит разъединению ремы, т.е. обозначает то, что уже известно [2, 320; 7, 108-109]. Для тех, кто говорит на данном языке, пользование этими возможностями для своих целей носит абсолютно субъективный характер. Так, тот, кто пользуется языком, в зависимости от коммуникативных целей может использовать тот или иной структурный тип СПП, или может поменять последовательность объективного порядка сторон.

К.М.Абдуллаев утверждает, что информативность в СПП со структурой ГП+ПП бывает в постпозитивном ПП и препозитивного ГП с точки информативности называет «неоконченной структурой», и отмечает, что если в препозитивном ГП формально употребляются указательные местоимения и союзы, то это ГП становится еще больше зависимым [9, 163-167; 8, 60]. Р.И.Рогожникова тоже считает несамостоятельными, т.е. неоконченными те препозитивные ГП в СПП, где позиция ПП неизменно постпозитивная [10, 202]. В СПП независимо от места и союзных средств ПП служит ГП и объясняет либо его один член, либо в целом относится к содержанию ГП. Выясняется, что независимо от места ГП, ПП уточняет, дополняет и объясняет ГП и, тем самым, делает его целым с точки зрения значения и структуры [4, 18]. В таком случае мнения К.Абдуллаева «В предложении азербайджанского тюркского языка по принципу ПП не может выступить в функции темы, а ГП не может выступить в функции ремы. Это связано с тем, что ГП находится в виде деформации в аспекте смысла и содержания. И поэтому новая информация свое полное выражение находит именно в ПП с целым структурно-семантическим смыслом» оправдывает себя [9, 135-136]. Мнения о том, что ПП носит ведущую роль в составе СПП были сказаны и для других языков [11, 55]. Х.Мамедова и А.Джавадов считают, что смысловая тяжесть в двусоставном СПП может падать на ГП или на ПП, или же может делиться между двумя сторонами равномерно. Например, в СПП с препозитивным придаточным времени и придаточным присоединения смысловая тяжесть падает на ГП (в первом – на постпозитивное, во втором – на препозитив-

ное), в СПП с постпозитивным придаточным цели падает на ПП, в остальных двусоставных СПП (придаточные меры и степени, условия, заключения и др.) делятся на обе стороны равномерно [5, 8]. Очевидно, что мнения этих языковедов о выражении ремы в СПП с препозитивным ПП времени не совпадают с мнением К.Абдуллаева, но они могут обосноваться языковыми фактами. Например, в ранних памятниках азербайджанского языка препозиция ПП, которые связывались с помощью союзов к ГП, была нормой:

(ПП)**Həramilər cün ol odu görürlər**, // (ГП) **Danışiban ol arədə dururlar**. («Дастан Ахмеда Нарамии» с.27) (ПП)**Ta məni təqdiri-yəzdan eylədi səndən cüda**, // (ГП) **Könlümün halı pərişan, didə giryan oldu, gəl!** (Имадеддин Несими с.119) (ПП) **Şöylə dedi kim**, // (ГП) **seçildi ol bin ər** (Иосиф Маддах «Варга и Гульшах». – С.135).

В этих примерах СПП с препозитивным придаточным времени упорядочивается в нормах поэтического языка и можно сказать, что информативный центр постпозитивное ГП. А препозитивное ПП создает фон для происхождения основных событий в ГП – играет подготовительную роль для подачи новой информации и значит, это тема.

У К.Абдуллаева вопрос о выражении ремы в СПП с препозитивным ПП, которое присоединяется с помощью сравнительного подчинения (т.е. союзными словами) остается открытым. Этот вопрос находит свое решение в мнениях А.Джавадова и Х.Мамедовой о том, что в таких предложениях семантическая тяжесть приблизительно одномерно распределяется между обеими сторонами [5, 9]. Ф.Ф.Ализаде посвятил статью актуальному членению СПП. В этой статье он оценивает СПП, в котором препозитивное ПП присоединяется к ГП с помощью союзных слов, как структуру целенаправленную и понятную, за счет присоединения обеих компонентов. И « в таком порядке компонентов ПП переходит в состав ремы всего высказывания, переданного сложным предложением» заключает он [12, 71].

(ПП)**Cövrünü hər kimsə çəkdi**, // (ГП)**lütf anındır bigüman**, (Имадеддин Несими с.225) (ПП)**Neçə ki, can həvanə qapu bağlamak dilər** // (ГП)**Zülfün həvası həlqeyi-dər qaxa dəmbədəm** (Гази Бурханеддин. – С.428).

Те же слова можно сказать о коммуникативном плане СПП синтетического и аналитико-синтетического типа со структурой ПП+ГП. То, что в предложении азербайджанского языка информативный центр постпозиция предложения, отражается в очередном мнении А.Н.Баскакова о тюркских языках: «При обычном для тюркских языков предшествовании придаточного предложения главному ПП может соответствовать единице логико-грамматического членения – теме (данному), а ГП – реме (новому), например, в условных, уступительных и некоторых других типах СПП. ... Однако в бессоюзных СПП, в которых ГП предшествует ПП, то есть имеет место инвертированный порядок компонентов, ГП выступает в качестве темы, а ПП – в качестве ремы» [13, 79]. Как видно, автор СПП со структурой ГП+ПП принимает только как инвертированный тип, но в обоих случаях постпозиционный компонент оценивает как рема. Надо отметить, что мнение А.Н.Баскакова оправдывает себя в СПП синтетического типа с ПП условия и уступки. Например, в поэтическом языке XIII-XIV^{вв.}:

(ПП) *Iyiliklə qız verür isə* // (ГП) *alam*. (ПП) *Verməz isə* // (ГП) *bilürəm bən nə qılam*. (Иосиф Маддах «Варга и Гульшах» с.115) (ПП) *Bu iş bitməzsə*, // (ГП) *könlüm sakin olmaz*. (ПП) *Yüzüm gülərsə*, // (ГП) *canım bil ki, gülməz* («Дастан Ахмеда Нарами». – С.89).

В СПП синтетического типа ПП, которое соединяется к ГП с помощью окончаний –са,-сə, находится в препозиции [2, 318-319; 3, 356]. И в этом случае компонент в постпозиции ГП и он носитель актуальной информации. В таких предложениях информация в препозитивных ПП с точки зрения актуальности не важна. Такая информация создает возможность отделению ремы – более важной информации в коммуникативном плане в постпозитивном ГП.

А в СПП асиндетического типа, которые формируются на основе подчинительной интонации, порядок сторон реализовывается в обеих вариантах. Это в основном зависит от смыслового вида ПП и от реставрации союза, который дополнит интонацию. Потому , что«в таком предложении смысловые отношения между компонентами выражаются интонацией, и оно легко может трансформироваться в сложно-подчиненное союзное предложение» [14, 14]. В таких СПП тоже в основном прослеживается порядок ГП+ПП.

В литературном языке XIII-XIV вв есть примеры, где ГП и ПП делают инверсию в зависимости от структурных требований поэтического языка.

(ГП) *Məqsudunə bulmadı hidayət*, // (ПП) *Hər kimsə ki, bilmədi bu rahi*. (Имаддин Несими. – С.87) (ГП) *Qulun üşşaq içində fərd düşmiş*, // (ПП) *Nitə ki, xizmətün əhbab içində* (Гази Бурханеддин. – С.328).

В первом примере инверсия в постпозицию препозитивного подлежащего ПП связана со строением рифмы стихотворения. А во втором примере инверсия в постпозицию препозитивного ПП образа действия связана со словом «ичиндә»(внутри), которое является редифом (слово, которое повторяется в конце каждого двустишия) и находится в ПП. Но во всех этих случаях инверсии с требованиями стихотворения и активизация участвуют параллельно. «... синтаксические единицы (в том числе и синтаксические фигуры) больше связаны с коммуникацией, т.е. с действием речи, одним словом, они факты речи. Если речь идет о силе поэтического слово и о поэтическом синтаксисе, то здесь факт речи выявляется более очевидно» [16, 9]. Выбор определенного слова или выражения как редиф, выбор группы слов как рифма и помещение их соответственно в ГП или ПП и именно эта позиция ГП и ПП в СПП не случайно. Все это служит общей гармонии стихотворения, которое является своеобразной формой общения, и в то же время обуславливается целенаправленностью коммуникации между автором и читателем.

В стихотворном языке, который является своеобразным выражением мысли, употребление определенного структурного типа СПП или же инверсия его составных частей во многих случаях служит коммуникативной цели предложения.

Выводы и перспективы. Разновидность структурных типов СПП, порядок ГП и ПП в них и возможности инверсии, эластичная структура бессоюзных СПП, и широкое использование всего этого в поэтическом стиле показывает поэтическую функцию актуального членения СПП в Азербайджанском языке, что и дает основание для изучения этой синтаксической единицы в коммуникативном плане.

Литература

1. Щеулин В. В. Структура сложного предложения / В. В. Щеулин Ростов : Издательство Ростовского Университета, 1968.
2. Казымов Г. Ш. Современный азербайджанский язык / Г. Ш. Казымов. – Баку, 2007.
3. Абдуллаев З. А. Современный азербайджанский язык IV часть / З. А. Абдуллаев, И. Сеидов, А. Гасанов. – Баку, 1972.
4. Танасоглу Д. И. Сложноподчиненное предложение в современном гагаузском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Д. И. Танасоглу. – Баку, 1965.
5. Х. И. Мамедова Семантико-грамматические особенности сложноподчиненных предложений / Х. И. Мамедова, А. Х. Джалилов. – Баку, 2000.
6. Джалилов Ф. А. Бессоюзные сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ф. А. Джалилов. – Баку, 1979.
7. Джалилов Ф. А. Синтаксис сложного предложения. Бессоюзные сложноподчиненные предложения / Ф. А. Джалилов. – Баку, 1983.
8. Абдуллаев К. М. Взаимоотношение составных частей сложного предложения в Азербайджанском языке / К. М. Абдуллаев // Советская тюркология. – 1983. – № 6.
9. Абдуллаев К. М. Теоретические проблемы синтаксиса азербайджанского языка / К. М. Абдуллаев. – Баку, 1998.
10. Рогожникова Р. И. Сложное целое и структура сложного предложения / Р. И. Рогожникова // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков. – Ленинград, 1975.
11. Биренбаум Я. Г. К теории сложного предложения (на материале английского языка) / Я. Г. Биренбаум // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2.
12. Ализаде Ф. Ф. Актуальное членение в сложноподчиненных предложениях / Ф. Ф. Ализаде // Вопросы сложноподчиненные предложения в азербайджанском языке : тематический сборник научных трудов. – Баку : Изд. АГУ, 1983.
13. Баскаков А. Н. Некоторые спорные вопросы синтаксиса бессоюзных сложноподчиненных предложений в турецком языке / А. Н. Баскаков // Советская тюркология. – 1972. – № 3.
14. Ширалиев М. Ш. Заметки о сложноподчиненном бессоюзном предложении (на материале азербайджанского языка) / М. Ш. Ширалиев // Советская тюркология. – 1971. – № 4.
15. Абдуллаев А. З. Сложноподчиненные предложения в овременном азербайджанском языке / А. З. Абдуллаев. – Баку, 1974.
16. Велиев К. Поэтический синтаксис азербайджанского языка / К. Велиев. – Б.: АГУ, 1981.

Абдуллаева Х. Комунікативний аспект порядку компонентів складнопідрядного речення в азербайджанській літературній мові XIII-XIV століть / Х. Абдуллаева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 70–74.

У статті досліджується комунікативний аспект порядку компонентів складнопідрядного речення в азербайджанській літературній мові XIII-XIV століть на матеріалі творчості Імадеддіна Насімі, Газі Бурханаддіна, Юсіф Маддаха, Мустафи Заріра.

Ключові слова: комунікативний аспект, складнопідрядне речення, азербайджанська літературна мова

Abdullayeva Kh. Communicative aspects components order of compound sentences in Azerbaijani literary language of XIII-XIV centuries / Kh. Abdullayeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 70–74.

The article is devoted to the components order of compound sentences and its communicative aspects in Azerbaijani language. Author tries to explain communicative aspects of normal and inversion order and their poetic function in Azerbaijani literary language on materials of XIII-XIV centuries – examples from poems by great poets of the time such as Imadaddin Nasimy, Gazih Burhanaddin, Iosif Maddah, Mustafa Zarir. The article is interesting from point of functional syntax.

Key words: compound sentences, communicative aspects, Azerbaijani language.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.161.2'282

ФРАЗЕОЛОГІЗОВАНІ ЕТНОСПОЛУЧЕННЯ З КОМПОНЕНТОМ-ТЕМПОРОНІМОМ *ТИЖДЕНЬ*

Чибор І.

Таврійський національний університет імені В. І. Вернадського, м. Сімферополь, Україна

У статті проаналізовано фразеологізовані етносполучення з компонентом-темпоронімом 'тиждень', що співвідносяться з календарно-обрядовим етносубкодом у системі духовного етномакрокоду культури. Визначено структурно-граматичну модель формування фразеологізованих етносполучень, семантика яких мотивована темпоральним кодуванням.

Ключові слова: фразеологізоване етносполучення, компонент-темпоронім, темпоральний код, етнокод, календарно-обрядовий етносубкод.

Темпоральність у сучасному мовознавстві розглядають на основі тези, що час – це абстрактне поняття, послідовність точок на часовій осі. У темпоральному кодуванні назви відрізків часу осмислені як знаки культури і вказують на певне ставлення людини до часу. Темпоральний код культури відображає цілісність уявлень, пов'язаних із членуванням часової осі, співвідноситься з найменуваннями темпоронімів і репрезентує образи через позначення часу.

Проблема відображення часу в мові, зокрема у фразеології, стала об'єктом уваги таких мовознавців, як Н. Д. Арутюнова, Г. У. Багаутдінова, І. В. Захаренко, В. В. Красних, В. А. Маслова, В. М. Телія, М. І. Толстой, К. С. Яковлева та ін. Дослідження темпорального кодування фразеологізованих етносполучень (ФЕС), співвідносних із календарно-обрядовим етносубкодом у системі етномакрокоду духовної культури, є актуальним у вивченні фразеології духовної культури українців, яка, на думку Л. В. Савченко, є «віддзеркаленням колективних знань етносу про навколишній світ, життєві ситуації, обряди, традиції, вірування, про ті поняття й образи, що закріпилися у свідомості людини як відповідні культурні коди» [9, 148]. Наукова новизна полягає в тому, що вперше предметом лінгвістичної розвідки стали ФЕС річного календарного циклу із компонентом-темпоронімом **тиждень**.

Мета статті – етнолінгвістичний аналіз ФЕС, що співвідносяться з темпоральним кодом культури через базовий компонент-темпоронім **тиждень**. При аналізі ФЕС послуговуємося класифікацією етнокодів духовної культури Л. В. Савченко [див. 10, 84–121]. Виявлені ФЕС мотивовані традиційно-обрядовим етнокодом культури, оскільки репрезентовані в обрядах, звичаях і традиціях українського народу.

У давні часи українці в побуті користувалися обрахунком часу за тижнями, які, у свою чергу, є синтетичними й багатофункціональними утвореннями. Цей синтез виходить із світоглядного й практичного, побутового синкретизму, зумовленого історично. В основі релігійної системи лежить культ божества, чие викликання й пошанування становить сутність календарного свята. Як зазначає В. М. Топоров, свято – це

«часовий відрізок, якому притаманний особливий зв'язок зі сферою сакрального, що передбачає максимальну причетність до цієї сфери всіх, хто бере участь у святі як певному інституціалізованому дійстві» [6, 239]. Практично в усіх дослідницьких працях, присвячених календарній обрядовості слов'ян, порушено проблеми поєднання язичницьких та християнських символів. Безсумнівим видається факт залежності народного календаря від християнського. Власне і поділ часу на тижні пов'язують із християнізацією Київської Русі. Тиждень – це «одиниця лічби часу від понеділка до неділі включно» [12, 10, 109]. Поняття тиждень походить від словосполучення «той (тий) же день», тобто період часу, коли повторюється той самий день.

У народному календарі основним святом весняного циклу, до якого приурочено народні звичаї та обряди річного кола, вважають Великдень. До великих свят християни завжди готувалися постом і молитвою. Передвеликодній (Великий) піст – найбільший, триває сім тижнів. Зі своєрідною підготовкою до суворих днів посту пов'язують генезу ФЕС **Пуцальний тиждень – Мясопустная недѣля** [3, 55], оскільки протягом цього тижня заборонялося споживати м'ясо. Натомість можна було їсти сир і масло, звідси й темпоральні сполучення: **Масниця, Масний тиждень** тобто **Сырная недѣля** [3, с.130]. Етнографічні розвідки свідчать, що «въ церковныхъ книгахъ Масляница называется сырною недѣлею, подобно всей предшествующей седмицѣ, на которой въ среду и пятокъ ѣдятъ сырѣ и яицы» [5, 35]. Відповідні календарні обрядодії стали підґрунтям для мотивації ФЕС. Тиждень напередодні посту називали ще: **Масниця, Масниці, Масляниця, Масляна, Сиропуст, Пущення, Сиропустний тиждень, Сирне пущення** [1, 292-293]. На позначення останнього тижня перед Масницею зафіксовано ФЕС **Всеїдний тиждень**. За церковним статутом у ці дні дозволялося їсти все.

Певний сакральний відрізок часу – перший тиждень Великого посту – позначає ФЕС **Збірний тиждень**. Етимон ФЕС пов'язуємо з традицією молоді збиратися в неділю на цьому тижні, а в понеділок споживати тільки житні коржі (жилянки), звідси й ФЕС **Жилавий тиждень**, яке Б. Д. Грінченко фіксує з поясненням 'первая недѣля великого поста' [2, 1, 484].

ФЕС **Хрестопоклонний тиждень** співвідноситься з четвертим тижнем Великого посту, а етнокомпонент **Хрестопоклонний** мотивований звичаєм у **Середохресну неділю** пекти хліб у формі хреста, якому поклоняються як сакральному атрибуту. Одну половину хліба споживали, а другу зберігали в насінному зерні аж до посівів. Йдучи в поле сіяти, брали хліб із собою, молилися і закопували його на ниві для того, щоб краще родила [4, 624]. Етимон ФЕС **Хрестопоклонний тиждень** пов'язуємо з сакральними акціональними діями, які виконували на цьому тижні.

Фітоморфний у поєднанні з темпоральним кодом реалізуються у ФЕС **Вербний тиждень** – 'вербная недѣля' [2, 4, 260], що зафіксоване в словнику Б. Д. Грінченка. Семантика ФЕС репрезентує окремий часовий відрізок – тиждень перед днем, коли, за Євангелієм, Ісус Христос увійшов у Єрусалим. Походження ФЕС пов'язуємо зі звичаєм святити в неділю на цьому тижні гілля верби. Освячену вербу бережно приносять додому і зберігають для різних цілей: «ею выгоняють въ первый разъ

весною скотъ въ поле; пьютъ отъ лихорадки натою изъ почекъ и коры этой вербы» [7, 248]. Лексема верба як символ українських традицій стала основою для інших етнокультурних найменувань: **Вербна неділя, Вербний тиждень, Вербин, Вербниця, Вербляниця** (назви календарних свят). ФЕС набувають знакових особливостей, оскільки символізація реалії переноситься на предмети пов'язані з нею. Свячена верба (як правило, вербове гілля) стає ритуальним атрибутом, що сприяє створенню сакрального образу рослини, який утілюється в семантиці мовних одиниць.

Із компонентом-темпоронімом **тиждень** Б. Д. Грінченко фіксує ФЕС **Білий тиждень** і подає пояснення 'Страстная недѣля' [2, 4, 260] – останній тиждень перед Великоднем, який у народі називають **Білим, Страсним, Великим, Чистим**. Компонент **Білий** співвідноситься з колоративним кодом культури, а ФЕС етимологічно пов'язана з традиційним прибиранням у цей тиждень: господині білили хати, як у середині, так і ззовні і вимивали все до білизни. Аксіологічний і темпоральний коди культури реалізуються у ФЕС **Чистий тиждень**, генезу якого вбачаємо у звичаї протягом цього тижня очищати вогнем і водою все своє господарство, «щоб Господь святим вогнем життєвотворящого Сонця-Неба у Великдень освятит хату, обійстя, ліси, поля, ріки, людину» [1, 27]. Образ ФЕС **Страсний тиждень** співвідноситься з традиційно-обрядовим етнокодом культури і позначає час входу Ісуса Христа до Єрусалима, його розп'яття та мученицької смерті на хресті. Тиждень присвячено пам'яті про страждання (страсті) Христа перед його хресною смертю. Реалізацією темпорального коду є ФЕС **Великодний тиждень** – 'Свѣтлая недѣля' [3, 114], що позначає відрізок часу, протягом якого святкували Воскресіння Ісуса Христа (Великдень). Наступного тижня відбувалися проводи Великодніх свят [13, 141]. Мовною репрезентацією цього часового проміжку є ФЕС **Провідний тиждень**, який ще називали 'Фомина недѣля' [2, 3, 459]. Етимологічно виступає старовинний звичай поминати померлих на могилах, проводити їх назад, у той світ. Генеза ФЕС **Хомин (Фомин) тиждень** пов'язана з тим, що в неділю на цьому тижні церква вшанує пам'ять апостола Хоми Невірного. Компонент **Хомин** з фонетичним варіантом **Фомин** співвідноситься з антропологічним етносубкодом культури. ФЕС **Радуніцький тиждень** позначає час поминання покійних батьків. Компонент **Радуніцький** співвідноситься з міфологічним етнокодом і, можливо, пов'язаний з ім'ям верховного дохристиянського божества Рода, а також із похідною від нього назвою родичі (покійні предки), пам'ять яких ушановували в ці дні. За іншою версією, покійники радуються, що їх поминають, і приходять до них «христосуватися» [1, 325].

Із календарною обрядовістю літнього циклу, основним святом якого є Трійця (П'ятдесятниця, Зелені свята), етимологічно співвідносяться ФЕС **Русальний (Мавський, Кривий, Клечальний, Зелений, Троїцький) тиждень**. Тиждень перед **Зеленою неділею**, що символізує свято переходу від весни до літа, передається варіативним рядом ФЕС **Русальний (Русалчин, Мавський, Навський, Нявський, Кривий) тиждень**. Етимологія пов'язана з дохристиянськими віруваннями в русалок, яких вважали водяними божествами та уявляли в образі гарної дівчини з довгими розпущеними косами й риб'ячим хвостом. Місце їхньої локації – дно водоймищ. Тільки навесні в **Чистий четвер** русалки виходили на суходіл, де знаходилися до свята Пет-

ра і Павла. Із дохристиянських часів **Русальний тиждень** – це веселе свято русалок. Вірили, що цього тижня не можна ходити поодиноці молодим хлопцям і дівчатам, бо польові русалки залоскочуть, а водяні потоплять. Етнокомпонент **Мавський** із фонетичними варіантами **Навський, Нявський** співвідносять із народними уявленнями, що «мавка, навка, нявка (від навь – «мрець», «зла істота») – дитя жіночої статі, яке вмерло нехрещеним і перетворилося на русалку» [4, 347]. Виникнення ФЕС **Кривий тиждень** пов'язане з віруванням, що в цей небезпечний час не можна плести, вишивати, що-небудь скручувати чи згинати. Причиною будь-яких фізичних вад людини вважалося нехтування заборонами на **Русальному тижні**. За повір'ям, діти тих батьків, які не вшанували русалок, у ці дні народжуються потворними, а приплід худоби в таких господарів буває недужим [1, 254]. Компонент **кривий** позначає причетність до нечистої сили та співвідноситься з аксіологічним кодом культури.

Тиждень перед днем Святої Трійці називають **Клечальним (Клечаним, Зеленим) тижнем**, оскільки основним атрибутом цього свята є клечання (від клець – обрубок дерева, гілки) – «відрубані гілки з листям, якими на зелені свята прикрашають хату, двір» [12, 4, 181]. Інтерпретацію часового проміжку святкування П'ятдесятниці подано в працях XIX – поч. XX ст.: **зелені свята** – 'недѣля Пятидесятницы' [8, 107]; **зеленые свята** – 'пятьдесятница, пентикостія' [11, 32]; **це скоїлось на Зелені Свята – ето случилось о Тройцѣ** [3, 146]; **клечані святки** – 'праздникъ Троицы' [2, 2, 250]. Подані ФЕС співвідносяться з темпоральним кодом через номінатив **свята (святки)**, оскільки репрезентують сакральний відрізок часу, протягом якого відбувалося святкування П'ятдесятниці. На позначення цього часового проміжку зафіксовано ФЕС **Троїцький тиждень**. Етнокомпонент **Троїцький** співвідносять з назвою основного свята літнього календарного циклу – **Трійця**. У християн – це свято на честь Святої Трійці, яке святкують на 50-й день після Великодня. Триєдиність свят пов'язана з Богом-Отцем (неділя), Богом-Сином (понеділок) та Богом-Духом Святим (вівторок). Трійця ще має назву **Троянове свято** [1, 188]. За народними прикметами, саме в період Зелених свят зацвітає дика троянда, а тому Зелена неділя є водночас і днем пошанування бога Трояна.

Із сонячними фазами – зимовим сонцестоянням і весняним рівноденням – пов'язані свята з рядженими, що здійснювалися два рази на рік – на зимові Святки і на Масницю (**Велесовий, Страшний, Чортовий тиждень**) [див. 4, 68-69]. Перший раз **Велесовий тиждень** тривав шість днів, друге обрядодійство було за тиждень перед Колодієм, коли ватаги Велесових (покровителя домашніх тварин) жерців із звіриними масками на обличчях і вивернутими кожухами (звідси й компоненти – **Страшний, Чортовий**) ходили вулицями, заходили у двори, стайні, хліви, проголошуючи замовляння про здоров'я домашніх тварин.

Отже, зафіксовано та проаналізовано близько 30 ФЕС з компонентом-темпоронімом **тиждень**. Здебільшого назва тижня збігалася з назвою неділі на цьому тижні (**Масний, Збірний, Вербний, Зелений, Клечальний, Провідний**), рідше з назвою іншого дня тижня (**Жилавий, Білий, Чистий, Сухий, Страсний**) або співвідносилася з назвою свята (**Великодній, Радуницький, Троїцький**). ФЕС, мотивовані темпоральним кодуванням, утворені за такою структурно-граматичною моделлю: прикметник (діеприкметник) + іменник-темпоронім **тиждень** = певний сакральний часовий

відрізок. Образи ФЕС з компонентом-темпоронімом **тиждень** мотивовані календарно-обрядовим етносубкодом культури в системі етномакрокодування духовної культури.

Список літератури й джерел

1. Войтович В. Українська міфологія / В. Войтович. – Вид. 2-ге, стереотип. – К. : Либідь, 2005. – 664 с.
2. Грінченко Б. Д. Словарь української мови : у 4 т. / Б. Д. Грінченко ; упоряд. з дод. власного матеріалу Б. Д. Грінченко. – К, 1907–1909.
3. Дубровський В. Московсько-Українська Фразеологія / В. Дубровський. – К. : ДРУК. б. Київської Друкарської Спілки, 1917. – 148 с.
4. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури : словник-довідник / В. В. Жайворонок. – К. : Довіра, 2006. – 703 с.
5. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия : в 4 ч. / М. Забылин. – М. : М. Березин, 1880. – 607 с.
6. Иванов В. В. Исследования в области славянских древностей: лексические и фразеологические вопросы реконструкции текста / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М. : Наука, 1974. – 341 с.
7. Малинка А. Н. Пословицы, присловья, шутки / А. Н. Малинка // Сборник материалов по малорусскому фольклору. – Чернигов : Тип. губ. земства, 1902. – С. 186–219.
8. Пискунов Ф. Словник живої народної, письменної і актової мови руських югівщан Російської і Австрійсько-Венгерської цесарії / Ф. Пискунов // К. : Тип. Е. Я. Федорова, 1882.
9. Савченко Л. В. Українська фразеологія календарно-обрядових традицій: лінгвокультурологічний аспект / Л. В. Савченко // STUDIA SLAVICA XII – SLOVANSKÉ STUDIE XII. – OPOLE: UNIWERSYTET OPOLSKI, 2008. – С. 141–151.
10. Савченко Л. В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти. – Сімферополь : Форма, 2012.
11. Синонима славеноросская // Житетцкий П. Г. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в. с приложением словаря книжной малорусской речи по рукописи XVII в. / П. Г. Житетцкий. – К. : Тип. Т. Т. Корчак-Новицкого, 1888. – 102 с.
12. Словник української мови у 11 томах. – К. : Наукова думка, 1970–1980.
13. Українське народознавство: навч. посібник / за ред. С. П. Павлюка ; передм. М. Г. Жулинського. – 3-тє вид, випр. – К. : Знання, 2006. – 568 с.

Чибор І. Фразеологізовані етносполучення з компонентом-темпоронімом *неделя* / І. Чибор // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 75–79.

В статті проаналізовано фразеологізовані етносполучення з компонентом-темпоронімом ‘неделя’, які соотносяться з календарно-обрядовим етносубкодом в системі духовного етномакрокода культури. Виділено структурно-грамматическу модель формування фразеологізованих етносполучень, семантика яких мотивована темпоральним кодуванням.

Ключевые слова: фразеологізоване етносполучення, компонент-темпоронім, темпоральний код, етнокод, календарно-обрядовий етносубкод.

Chybor I. Phraseologized Ethnocombinations with Component-temporonom *Week* / I. Chybor // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 75–79.

This article analyzes phraseologized ethnocombinations with component-temporonom ‘week’ that correlate with calendar ceremonial ethnosubcode in the system of spiritual ethnomacrocode of culture. Structural and grammatical model of phraseologized ethnocombination is distinguished. The semantics of phraseologized ethnocombinations is motivated by temporal encoding.

Keywords: phraseologized ethnocombinations, component-temporonom, temporal code, ethnocode, calendar ritual ethnosubcode.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 81-13

**ФОНЕТИЧЕСКОЕ НОРМИРОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ
(КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД НА РАЗГОВОРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК)**

Гасимова Р.

Азербайджанский университет архитектуры и строительства, Азербайджан

В статье раскрывается контекстуальный взгляд автора на литературный и разговорный язык в аспекте фонетического нормирования в языке. Автор исследует фоносемантические свойства смешанных языков в соответствии с системой звуков и фонем.

Ключевые слова: фонема, фоноструктура, морфосинтаксис, функциональная фонетика

Постановка проблемы. Фонетическое нормирование в языке связано не только со звуковой системой. Ф. де Соссюр указывает на то, что язык в первичном ярусе охватывает фоноструктуру [1, 29]. В этом контексте турецкий лингвист М. Эргин отмечает, что «звуковые знания играют первичную роль в семантическом изменении слов» [2, 21]. Автор полностью отследил изменение звуковой системы в тюркских языках. Кроме того, А.Н.Баскаков в своей работе «Историко-типологическая фонология тюркских языков» [3, 49] наглядно продемонстрировал фонетические явления в тюркских языках. Разумеется, сложно наглядно продемонстрировать фонетические изменения в словарном составе нашего современного родного языка. Однако в связи с этими лингвистическими явлениями с научной точки зрения Дж. Лойнц, Дёрфер, А.Н.Кононов, а также О.Ш. Кёкяй, выявили выражение нового значения словами в тюркских языках не прямой перестановкой звуков в явлении словообразования, а изменением звуков [4; 5; 6; 7].

Необходимо принять во внимание, что единицы живого разговорного языка не переходят в литературный язык напрямую [8]. Слова и выражения, в том числе фразеологические, в литературный язык приходят исключительно из разговорного языка. Ученые-лингвисты, создатели фразеологических словарей русского языка, даже доказали переход фразеологических единиц русского языка из других, преимущественно, тюркских языков (Э.Н.Шипова, «Тюркизмы в русском языке», В.В.Радлов. «Толковый словарь русского языка», А.В.Даль. «Словарь великого русского языка» и др.). Поэтому необходимо изучать тезаурус лингвистических единиц, перешедших из нашего родного языка в другие языки – ареал и частоту их использования, семантику, возможности словообразования в другом языке. В связи с этим у нас есть 2 плоскости для исследования:

1. Изучение фоносемантических свойств языков, относящихся к одной языковой группе.

2. Исследование фоносемантических свойств национального языка с языком, входящим в другую группу (агглютинативно-флективную, флективно-агглютинативную).

3. Исследование фоносемантических свойств смешанных языков в соответствии с системой звуков и фонем (агглютинативных, флективных, агглютинативно-флективных, система замкнутых языков, мертвые языки и пр.)

Можно полагать, что памятники, обладающие самой древней системой, обосновывают современную схему языка. При этом главную роль играет исторически существовавшая в языке и впоследствии используемая для выражения мысли звуковая система – фонематическая система. Необходимо принять во внимание, что язык не является замкнутой системой [4].

Фоносемантическая система тюркских языков связана не только со звуком и фонемой. Выражение словами новых значений в тюркских языках, нормирование в литературном языке связано с семантикой внутри слова. Происходящее в языке фонетическое явление не может быть взято только как особенность звуков. С этой точки зрения в отношении работы А.Н. Баскакова «Историко-типологическая фонология тюркских языков» можем сказать, что в контексте предложения в этой работе все строение тюркских языков лингвистически может быть принято для своего времени. Однако фонетические свойства в современном азербайджанском языке надо отслеживать в диахроническом аспекте, потому как язык является не статической категорией, а категорией последовательно-постоянно развивающейся по всем ярусам.

На наш взгляд, фонетические явления, происходящие в нашем родном языке, напрямую находят свое отражение в литературной норме:

*Gər dərsə Füzuli ki, gözəllərdə vəfa olar,
Aldanma ki, şair sözü əlbəttə ki, yalandır.*

Если обратим внимание на первую строку двустишия Физули, то увидим, что здесь, в литературном языке, как минимум, произошло 2 различных фонетических нормирования: «*Gər*»–*əgər*, «*dərsə*»–*deyirsə*. Здесь и в заимствованном слове, и в слове из нашего родного языка по требованию *əgiz vəznı* проявляется фонетическое явление. И поэтому в современном азербайджанском языке фонетические явления не изучаются соответственно нормированию в литературном языке, так как все исследования вытекают из существующих учебников и учебных средств. Мы полагаем, что фонетическое нормирование является общелингвистической проблемой. Поскольку лингвисты мира (Якобсон, Ф. Де Соссюр, Хомский, Трубецкой, в том числе азербайджанские лингвисты Ф. Ядигар, Ф.Джалилов, А.Демирчизаде и др.) объяснили звуковую систему всех языков одной моделью.

В отличие от других ярусов языка, нормирование фонетики и фонетических явлений в совершенных языках мира соответствуют единой схеме. Данная схема определяет фонетическое, грамматико-морфосинтаксическое назначение турецкого и тюркских языков. А.Н. Баскаков, говоря о фонологической системе тюркских языков, ссылается на различных тюркологов. Однако среди источников, на которые он ссылается, нет ни одного турецкого лингвиста. Есмотря на то, что М. Эргин, Б. Озел, А. Дилачар, О.Ш. Кёкяй писали о звуковых знаниях – фонетике – задолго до А.Н. Баскакова.

В. Степанов в своей работе пишет о нормировании языка и языков в форме фонетического явления: «В языке существуют дискретные и недискретные единицы». Кроме того, в качестве дискретных единиц в языках мира он выделяет фонемы и слоги. Мы считаем, что В. Степанов прав. Поскольку фонема является наименьшей лингвистической единицей, определяющей слово. Этому вопросу А.Ахундов уделил очень много внимания в своей работе «Фонетика азербайджанского языка» и показал, что звук может образовать слово, только будучи фонемой.

Существует несколько точек зрения. Например, в общей лингвистике Якобсон в работе «Подражательные слова», турецкий лингвист З. Коркмаз в работе «Онома-топея», в том числе М.Эргин в работе «Грамматика тюркского языка» по-разному объясняли понятия звука и фонемы. При этом надо принять во внимание, что звук не обладает лексико-семантическим смыслом и это характерно не только для агглютинативных языков. Э.В.Севортян в своей работе (состоящей из 2 частей) показывает, что в тюркских языках и во всех агглютинативных языках названия, даваемые движущимся живым существам, были связаны со звуками ими издаваемыми. При этом мы учитываем, что Э.В.Севортян в некоторых случаях фоносемантический состав слов выразил соответственно требованиям советского периода. Например, автор показывает, что в тюркских языках слово «*aslan*» является сложным аморфным словом «*ər+salan*»).

Разумеется, этимологическое объяснение слов всегда вызывало подозрения в лингвистике. Так, отображенные в произведении А. Раджабли «Язык, история и сознание» взгляды доказывают формулу управления мысли посредством звука, так как на раннем этапе развития общества достаточно небольшого количества слов разговорной речи для выполнения языком элементарной коммуникативной функции.

Если обратить внимание на данный вопрос с другой стороны, то видно, что такие известные лингвисты как Т.В. Гамкралидзе, В.В.Иванов в своих работах впервые описывают свойства звуковой системы, в том числе речевых звуков, их значение в создании нового смысла, их фонематические качества. Азербайджанский лингвист В. Асланов в своей докторской работе уделяет определенное внимание вопросу реконструкции в тюркских языках. Автор показывает выражение нового смысла целым рядом слов на основании изменения гласных и согласных: – *bütün – bütöv – bədən – bat* ... Очевидны единицы, обозначающие движение – глагол: *get – gəl – gör – göstər – götür* и пр.

Ф. Джалилов в своей докторской работе «Морфология азербайджанского языка» (1989) подчеркивает, что «историческое изменение звуков в нашем языке, эквивалент гласных и согласных в аффиксах, проявляется как в нормах разговорного языка, так и в нормах литературного языка», а Ф. Вейсалов в своем исследовании, посвященном фонологии азербайджанского языка, указывает, что основу всех тюркских языков представляет их общая фонологическая система.

Выводы и перспектива. Таким образом, фонетическое нормирование в языке оказывает особое влияние на литературный и разговорный язык, а фоносемантические свойства смешанных языков формируются в соответствии с системой звуков и фонем. Это требует дальнейшей детализации и глубокого системного изучения.

Литература

1. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике / Ф. де Соссюр . – М.: Издательская группа «Прогресс», 2000. – 274с.
2. Эргин М. Турк дил билгиси / Эргин Мухаррем. – Истанбул, 2004.
3. Баскаков А. Н. Историко-типологическая фонология тюркских языков / А. Н. Баскаков. – Москва, 1988.
4. Лойнц Ж. Общая грамматика. Фонетика / Ж. Лойнц. – Москва, 1979.
5. Дёрфер Тюркские языки. Фонология / Дёрфер. – Москва, 1976.
6. Кононов А. Н. Тюркский язык и древне-тюркские памятники / А. Н. Кононов. – Москва, 1980.
7. Кёкяй О. Ш. Эски турк менбелеринде турк сес билгиси / О. Ш. Кёкяй. – Истанбул, 1949.

Гасимова Р. Фонетичне нормування в мові (контекстуальний погляд на розмовну і літературну мову) / Р. Гасимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 80–83.

У статті розкривається контекстуальний погляд автора на літературний і розмовна мова в аспекті фонетичного нормування в мові. Автор досліджує фоносемантичні властивості змішаних мов у відповідності з системою звуків і фонем.

Ключові слова: фонема, фоноструктура, морфосинтаксис, функціональна фонетика

Gasimova R. Phonetic rationing of the language (contextual view of the spoken and written language) / R. Gasimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 80–83.

The article reveals the contextual perspective on the literary and spoken language in terms of standardization in the phonetic language. The author investigates the phonosemantic properties of mixed languages in accordance with the system of sounds and phonemes.

Keywords: phonemes, fonostruktura, morphosyntax, functional phonetics

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.111`37 =512.161

ТУРЕЦКИЙ ЯЗЫК И ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ

Оздемир Д. А.

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: ozdemir67@hotmail.com

Türkçe ve Ödünçleme problemi

Bugüne kadar ki yapılan çalışmalarda genel olarak ele alınan ödünçlemeler, dilin en önemli problemi olarak, insanlar arasında ilişkileri de içine alacak şekilde incelenmemiş olarak karşımıza çıkıyor. Türkçe oluşum süreci itibariyle çeşitli dillerle ilişki içine girdi ve kuşkusuz bunun dil üzerinde dönemler itibariyle az veya çok birtakım etkileri oldu. Değişik yönleri itibariyle karşılıklı etkileşim hala bugün de devam etmektedir. Bu etkileşimin gelmiş olduğu son durum tam olarak mercek altına alınmamış olup problem güncelliğini korumaktadır.

Amaç ve hedefimiz. Bu makalede, Türkiye ve Dünyada yer alan bazı Türk ve yabancı dilcilerin alıntılar üzerine fikirlerine temas edip geçeceğiz. Bunun yanında yerküre üzerinde konuşulan dil çeşitliliğine bakacak, alıntıların daha çok nasıl kategorize edildiğine yer verecek ve ödünçleme türleri üzerinde duracağız. Daha da özelden Türk yazı dilinin tarihine kısaca değinip devri itibariyle ödünçlemeler hakkında bilgi verilecek ve günümüzdeki duruma bakılacaktır.

Makalede şu yollar (**metot**) takip edildi. Konu incelenirken, kelimeler üzerine gözleme metodundan en başta faydalanıldı. Onların yazı içindeki pozisyonları tasvir edilmeye çalışıldı. Alıntılarının yoğunluğu ve durumunun tarihsel ve karşılaştırılmalı halleri incelendi. Bunun yanında konuya leksikolojik açıdan bakılıp, kartografik metotlar göz ardı edilmedi.

Bilindiği gibi, en eski yazılı belgeler olarak nitelendirilen Sümerce metinler, günümüzden ancak 5000-5500 yıl öncesine dayanmaktadır [2, 16]. İnsanın, dolayısıyla insan dilinin oluşmasının içinde bulunduğumuz zamandan 1 milyon yıl geriye götürülmesi durumunda bile, yazının 5000 yıllık tarihçesinin sözlü insan dilinin tarihine oranı 1/200 olarak ortaya çıkmaktadır. Hesap, dakika cinsinden verilince ise üç buçuk saatten fazla bir sürenin sadece son dakikası hakkında bilgiye sahip olduğumuz görülmektedir [10, 143; 15, 1].

Dilin ve sözlerin tarihi, millet tarihiyle sıkı ilişkilidir. Bundan dolayı sözün kökeniyle ilgili köken bilimi araştırmaları, tarihî ve etnik köken meseleleri çözmede de ayrı bir öneme sahiptir. Sözler bir dilden başka bir dile geçmeğe elverişlidir. Köken biliminde bir dilin söz varlığına, eski zamanlarda giren alıntı sözlerin (*loan word*) giriş tarihi ile giriş yolları da araştırılır. Bir dilden başka bir dile geçen alıntı sözlerden yola çıkarak farklı milletlerin tarihte birbirleriyle kurdukları ilişkileri belirlemek mümkündür. Sözlerin tarihi, kökeni ve gelişme şekilleri hiç bir şey ifade etmeyen ve kendi haline bırakılacak bir durum değildir. Sözlerin değişip gelişme tarihinde ve özellikle anlam bakımından gelişme tarihinde, insan düşüncesinin tabii ve sosyal varlıkları zaman içinde tanıma aşamalarının tarihi saklıdır.

Söz biliminin geniş bir sahası olan karşılaştırmalı söz bilimi, akraba dillerin söz varlığını ve bu akraba dillerdeki sözleri birbirleriyle karşılaştırarak inceler. Karşılaştırmalı söz bilimi yalnızca akraba dillerin söz hazinesini karşılaştırmakla kalmaz, onları tarihî gelişimi ve değişmesi bakımından da değerlendirir. Dilin eski zamanlardaki sınırlı söz varlığı zaman içinde bir taraftan çeşitli değişmeler göstermiş, diğer taraftan türeme ve gelişmelerle bu varlığa binlerce söz eklenmiş ve günümüzdeki şeklini almıştır. Çağdaş dillerin söz zenginliği gelişme sürecinde söz biriktirme yoluyla oluşmuştur. Söz varlığının zaman içinde şekillenmesinin esaslarını ve dilin tarihini öğrenme, ancak akraba dillerin söz varlığını tarihî açıdan inceleyip, birbiriyle karşılaştırmak suretiyle mümkün olacaktır [1, 80].

Bugün yeryüzünde kaç dil konuşulduğunu, kesin bir sayı vererek söylemek güçtür. Bu güçlük, kimi lehçelerin bir dil durumuna gelmeleri dolayısıyla ayrı birer dil sayılıp sayılmayacakları konusundaki kararsızlıktan, yeryüzünün iyi tanınmayan bölgelerinde daha işlenmemiş, incelenmemiş, yazı dili durumuna gelmemiş dillerin varlığından ve bir dile ya da dil ailesine bağlılığı kesinleşmemiş dillerin bulunmasından doğuyor. Bununla birlikte Aksan; yeryüzünde konuşulan dil sayısını, ortalama bir hesapla 3000-3500 olarak gösterebiliriz der.

Yine Aksan kitabında dipnot olarak; dünya dilleri üzerinde yetkili bilginlerin işbirliğiyle hazırlanan *Les langues du monde* adlı yapıtta (1952 basımı, s. XXIX) kesin bir sayı belirtmenin olanaksızlığına değinilmekte, 2500-3500 kadar dilin varlığından söz edilmektedir. A. Dilâçar (*Dil, Diller ve Dilcilik*, s.70), İkinci Dünya Savaşından önce yapılan iki sayıma göre-lehçeler bir yana bırakılırsa-dünyada yaşamış ve yaşayan dillerin sayısının 2796 olduğunu belirtir. *Britannica* Ansiklopedisi (1964 basımı, 13, 701) bu sayıyı 2500-5000, *Americana* Ansiklopedisi ise (16, 724) 3-4000 olarak gösterir. Bugün kimi yazarlar da bu sayıyı 5000'e çıkarıyorlar bilgilerini verir [5, 101].

Diğer taraftan Kaken Ahavov, *Dil Bilimin Esasları* adlı eserinde, Yeryüzündeki dillerin tam sayısının kapsamlı bir araştırma sonucunda ancak netlik kazanacağını fakat yine de bir sayı söylemek gerekirse üç bin civarında dilin olduğunu söyler [1, 446].

Bir dil topluluğunun farklı konuşma şekilleri, konuşanların hafızasında elbette hava geçmez tarzda kapalı olarak yan yana durmaz; çeşitli ifade imkânları, teoride farklı dil şekillerine ait olsalar da, kendilerini kullanıma aynı anda sunarlar. Sonuç, karışımlardır, yani bir dil şeklinden öbürüne aktarmalar. Dil şekilleri arasındaki farklar, seslenme yanında esas olarak kelime hazinesindeki farklılara dayandığı için, onların temasları da başlıca kelime aktarmaları biçiminde kendini hissettirir [20, 191].

Şüphesiz her kişi ve toplumun kendisinden farklı tarihî ve coğrafi ortamlarda yaşayan, farklı bilgilenme yollarından geçmiş kişi ve topluluklardan, akraba veya komşu kavimlerden bir şeyler öğrendiği, öğrendiği şeyleri de kendi diline taşıdığı ve onların dilinden alıntılar yaptığı bir gerçektir. Bu tür alıntıların temelinde öğrenme yatmaktadır ve bunlara *bilgi alıntıları* (cultural borrowings) adı verilmektedir. Bu tür alıntıların yanı sıra bilgilenme ve öğrenme olmaksızın da alıntıların yapıldığı görülmektedir. Bunlar, birden çok kavmin aynı siyasi ve coğrafi birlik içinde yaşadıkları yer ve zamanlarda görülürler [19, 95; 15, 2].

Dil, hiçbir zaman tümünden benzeşik (homogene) olamaz. Zira dillerin ve dil düzeylerinin, dil çeşitlerinin karışımı söz konusudur [13, 11].

Sözlükçeyi zenginleştirmeye çalışan yeni sözlükleşmecilik, sessel ya da yazımsal yeni sözlüklemeye (çok ender olarak), başka bir dilden alıntıya, anlamsal yeni sözcüklemeye ve de dizimsel yeni sözcüklemeye bağlanabilir [13, 19].

Tam da bu noktada, dillerin birbirleriyle etkileşmelerinde söz konusu olan şu üç kavram ortaya çıkar.

1) *Yan katman etkisi* (*fadstrat, adstratum, Adstratum*), komşuluk, bir arada yaşama nedeniyle diller arasındaki etkileşmelere verilen addır. Bu kavram içine, azınlık dillerinin, göçmen dillerinin ortak dili etkilemesi durumu da girer. Yunancayla Latince'nin, Çinceyle Japonca'nın, Türkçeyle Farsça'nın, kültür akrabalığı adı verilen yakınlığa örnek sayılacak kadar birbirleriyle ilişkide bulunmalarında, komşuluk ilişkilerinin de rolü olmuştur. Belçika'da, Kanada'da, Kıbrıs'ta, İsviçre ve Amerika'nın çeşitli bölgelerinde görülen durum yine aynı nedene dayanır.

2) *Alt katman etkisi* (*substrat, substratum,- Substrat*), Herhangi bir ülkede konuşulan dilin, orayı fethedenlerin dilini etkilemesidir ki, yerli dil ülkeden silinse bile, sonradan egemen olan toplumun dilinde izler bırakabilir

3) *Üst kalman etkisi* (*superstrat, superstratum, Superstratum*), bir ülkeyi egemenliği altına alanların dilinin, o ülkede konuşulan dili etkilemesidir. Buna örnek Osmanlı egemenliği altındaki Balkan dillerinde, Türkçenin, bugün de yaşayan izleri verilebilir [6, 29].

İşgal edilen veya yönetilenin temsil ettiği *alt katman dili* (*substratum/lower language*) ile işgal edenin veya yönetenin temsil ettiği *üst katman dili* (*superstratum/upper/ dominant language*) arasındaki alıntılarda ise siyasi ve iktisadi üstünlük, yönetici-yönetilen ilişkisi, özentisi ve modalaşma gibi dil dışı konular öne çıkmaktadır. Bu tür alıntılara *özenti alıntıları* (*prestige/intimate borrowings*) denilmektedir. Alt katman dili, üst katman diline ancak bilgi alıntıları verirken, üst katman dili, alt katman diline hem bilgi hem de özentisi alıntıları verebilmektedir [19, 96; 15, 2].

Büyük bir kültür ve toplumsal yapı değişikliği olmadan da her dilde zaman zaman yeni kelime akımının çok belirginleştiği görülür. Dil olaylarının özelliklerini bilmeyenleri şaşırabilir bu durum. Yeniliklere, bazı fantezi meraklılarının azizliği gözüyle bakıldığı bile olur. Oysa yeni bir kavram kuşağı çıkmıştır ortaya ve akımı önlemek kimsenin elinde değildir [22, 24].

Her dilde -şu ya da bu ölçüde- başka dillerden alınma sözcüklerin bulunduğu, başka toplumların kavramlarının var olduğu görülür. Çünkü başka dillerle hiç ilişkisi olmamak demek, bir toplumun başka toplumlarla hiç ilişkisi bulunmaması demektir; böyle bir durumun da hele günümüzde olanaksız olduğunu söyleyebiliriz. Ancak hemen belirtmeliyiz ki bu, dili yabancı etkilere bütünüyle açık tutmak gerektiği biçiminde anlaşılmalıdır. Eğer" yabancı dillerin etkisi aşırı ölçüde olursa, bunun sonucunda dil kendi benliliğini yavaş yavaş yitirmekte, yabancılaşma, temel sözcüğüne kadar inerek dilin pek çok kavramının kendi öğeleriyle anlatılmasına, yeni kavramların anlatım bulmasına, eğitim ve öğretimin anadiliyle gerçekleştirilmesine engel olmaktadır [6, 25].

Ünlü Fransız dil düşünürü Albert Dauzat'ya göre, alınma sözcükler çözümlenebilirse bir dilin tarihi aydınlatılabilir. Bilgin, yabancı öğelere dayanarak uluslar arasındaki ilişkilere ışık tutmakta, Haçlı Seferlerinin birçok Arapça sözcüğün Avrupa dillerine girmesine neden olduğunu, 100 Yıl Savaşları'yla Fransızcaya İngilizce sözcüklerin, 30 Yıl Savaşları'yla İtalyan ve İspanyol terimlerinin girdiğini belirtmektedir [6, 25].

Özenti ve öğrenmeden kaynaklanan alıntıların kaynağı iki türdür: İç alıntılar ve dış alıntılar. İç alıntılar; kişi, sosyal grup ya da şivelerden yapılan alıntılardandır. Dış alıntılar ise komşu kavimlerden yapılan alıntılardır. İç alıntılar, hem yakıştırma değişmelerine yol açmakta hem de anlam alanlarının daha küçük parçalarına ad olarak anlam örgüsünün daha ince ve daha sıkı dokunmasını sağlamaktadırlar (19, 98). Dış alıntılar ise bir dilin ses ve yapı düzeninin çatlayıp kırılmasına, anlam örgüsünün dağılmasına sebep olur. Dış alıntıların, bilhassa özenti alıntılarının fazlalığı, melez dilleri (pidgin/creolized languages) ortaya çıkarmıştır [19, 99; 15, 2].

Alıntılar niteliklerine göre genellikle şöyle sınıflandırılmışlardır:

1. *Ödünç Kelimeler*: Aynı dil ailesinde veya kişi, sosyal grup ve meslek dilleri arasında görülürler. Bunlar iç alıntılardır. Bu tür alıntılarda kelimelerin ses, şekil ve anlam özellikleri değişikliğe uğramaktadır. Akriba diller arasındaki alıntılar genellikle bu tür alıntılardır [19, 102; 15, 2].

2. *Melez Kelime* (hybrid word / loanblend): En yaygın alıntı biçimi olan bu tür alıntılar dış alıntılardır. Daha çok ses yapısı ve anlam örgüsü farklı olan diller arasında görülür. Alınan kelime, alındığı dilin ses yapısına ve anlam örgüsüne uydurulmaktadır [19, 102; 15, 2].

3. *Anlam Aktarması* (Loan translation/semantic loan/calque/loanshift): Bir kelimenin anlamının morfem morfem alıcı dile aktarılması olayıdır. Bu durumda kelime, verici dilin anlam örgüsünün özelliğini taşımakta; fakat alıcı dilin ses ve yapılarıyla karşılanmaktadır. Bu tür alıntılarda, kelimenin ses ve kuruluş yapısı, alıcı dilden; anlamı ise, verici dilin anlam örgüsünden kopyalanır. Verici dilden bu şekilde harfiyen yapılan tercüme, alıntılardaki yerleştirilenin en uç noktasını oluşturmaktadır. İng. *snowman* “kar adam” > Tür. *kar adamı*, İng. *cold war* “soğuk savaş” > Tür. *soğuk savaş* [19, 103-104; 15, 3].

Johanson, dil ilişkilerinde sosyal etkenlerin, etkinin yön, tür, kapsam ve yoğunluk oranını önemli ölçüde etkilemiş olduğundan bahseder. Johanson’a göre ilişki bölgesinde yerleşik olmak kadar politik, ekonomik, kültürel ve sayısal üstünlük de sosyal açıdan baskınlık faktörleridir [18, 5; 15, 4].

Johanson, *ödünçleme* ve *transfer* gibi terimlerin yanlış anlaşılabilirliğine değinerek yukarıda Menz tarafından da belirtildiği gibi *kopyalama* terimini önermiştir. Meseleye *ödünçleme* terimi açısından bakarsak Johanson’a göre dil ilişkilerinde hiçbir şey gerçekten ödünç alınamaz [18, 8; 15, 5].

Kod kopyalama modeli, dil etkileşmesinde, sosyal olarak üstün durumdaki dilin, yani baskın kodun öğelerinin, zayıf koda kopyalanması esasına dayanmaktadır. Buna göre, burada kopyalanan unsurların, ‘verici dil’e ait unsurların ‘alıcı dil’e eklenmesinden çok, alıcı sisteminde benzerlerinin ortaya çıkmasına örnek oluşturması söz konusudur. Bu sebeple burada ödünçlemeden söz edilemez. Kopyalanan unsurlar, alıcı dilin sistemine uymak için belli süreçlerden geçerler. Uyarılma süreci, verici dilde mevcut olmakla birlikte alıcı dilde gereksiz olan ses, biçim, söz dizimi gibi dil bilgisel özelliklerin atılması, buna karşılık alıcı dilde gerekli eklemelerin yapılması şeklinde ortaya çıkmaktadır. Neticede kopya, alındığı dilde kullanılabilir hâle getirilmiş olur. Ortaya çıkan son biçim, asıla yakın benzerlikten önemli değişmelere ve şekil değiştirmeye kadar uzanabilir. Böylece kopyalar, baskın bir dile ait olarak görülmekten de çıkarlar. Kopya, verici dilin sistemine değil, alıcı

dilin sistemine ait olduğu için kopya ile orijinal arasında ufak tefek farkların her zaman olabileceği kabul edilebilir [12, 3; 15, 5].

Diller arasındaki ilişkiler sonucunda bir dilden ötekine geçen öğelerin başında, sözcüklerin geldiği görülür. Bu durumun ortaya çıkışında, toplumlar arasındaki ilişkilerde, belli mallara, araç ve gereçlere, kişiye ve topluma ilişkin kavramlar olarak sözcüklerin, dilin ses, biçim, sözdizimi öğelerinden daha çok yer almaları etkili olmuştur, sanıyoruz [6, 25].

Diller arasındaki etkileşimler yalnız toplumsal, siyasal ve terimsel ilişkilerle gerçekleşmez. İki dilin değişik nedenlerle ve değişik koşullar altında karşılaşmaları, başka bir deyişle, bir arada yaşar ya da kullanılır oluşları, bunlar arasında geçişme ve etkileşmelere, bu dillerden birinde görülen ses, biçim ve dizimle ilgili eğilimlerin, kimi kuralların ötekine yansımalarına, aktarılmasına yol açar [6, 26].

Burada, değinmek istediğimiz bir sorun da diller arasındaki ilişkilerin yalnızca toplumların birlikte yaşamalarından, günlük yaşamda sözlü iletişim kurmalarından kaynaklanmadığı, etkilenmelerin doğrudan doğruya yazılı gereçlere de dayalı olabileceğidir. Bunun en güzel örneklerini ise, birbirlerine çok uzak ülkelerin aynı dini benimzedikleri, ya da edebiyat, kültür yoluyla bir dilin başka dili etkilediği durumlarda görüyoruz.

Diller arasında ilişkiler konusu üzerinde dururken değindiğimiz gibi, toplumlar arasındaki kültür, terim ve siyaset ilişkileri, en çok bu [6, 29] toplumların sözcükleri üzerinde etkili olmakta, ilişkide bulunulan ulusun dilinden somut ve soyut kavramları yansıtan sözcükler alınmakta, o uluslara da sözcükler verilmektedir. Bir toplumun başka toplumlarla bütün bağlarını koparması, kabuğuna çekilmiş, dış dünyayla ilişkilerini kesmiş olarak yaşaması olanağı bulunmadığına göre her dilde şu ya da bu ölçüde yabancı öğelerin bulunması doğaldır.

Bir dil birliği yabancı dillerden gelen bir sözcükle karşılaştığı anda çeşitli dilbilimsel sorunlar belirir; değişik kavramlar söz konusu olur. Bu sözcük, çoğunlukla, değişik bir ses dizgesine sahip kimselerce söylenir ve yazılır duruma gelir. Türkçenin kendine özgü / ö / ve /ü / sesleriyle karşılanarak söylenir duruma gelmiştir.

Yabancı sözcükler hangi dilde olursa olsun, yabancı dil bilen ve kültürlü kesimlerde genel olarak aslına uygun biçimde söylenmeye çalışılır. Ancak dilin ses eğilimleri ağır basar, halk söyleyişi yaygınlaşırsa sözcük yazı diline değişik biçimiyle geçer [6, 30].

Yabancı öğelerin, girdikleri dillerde çok ilgi çekici gelişmeleri, bir bakıma serüvenleri vardır. Kimi zaman da bu sözcükler bir yabancı dile girip orada kullanıldıktan sonra tekrar yerli dile -bu kez değişip başkalaşarak- dönerler. Bunun ilginç örnekleri, Fr. Kökenli /Türkçe de *tenis*, *bütçe* ve *flört* biçiminde yaşayan sözcüklerde görülür. Fr. da 'tutunuz' anlamına gelen *tenez* ile anlatılan oyun İng. de *tennis* biçiminde yerleştikten sonra oradan, bu biçimiyle Fr. ya; dönmüş ve kullanılır olmuştur. İngilizceden Fransızcaya geçen *budge*. sözcüğünün aslı ise Eski Fr. *bougette* 'küçük çanta, para kesesi' dir. Aynı biçimde, İng.den Fr. ya geçen *flirt* sözcüğünün kökeni de Fr. dır [6, 31].

Bir yabancı dilden alınan öğeleri iki bölümde incelemek doğru olur:

1) Sözcükbilimde alışılmış terimleriyle *yerleşmiş yabancı sözcükler*, bir dilin ses eğilim ve kurallarına uymuş, yabancılığı artık belli olmayan öğeler.

2) *Yerleşmemiş yabancı sözcükler* olarak nitelediğimiz örnekler ise dilin ses eğilim ve kurallarına uymayan, yabancılığını hemen belli eden, Türkçedeki *oksijen, lokomotif, devalüasyon* gibileridir [3, 29; 21, 110].

İlişkide bulunan bir yabancı dilden gelen öğeler kimi zaman değişik kavram alanlarından, değişik kanallardan dile girmekte, çeşitli bileşimler içinde kendini belli etmektedir [3, 29].

Başka bir dilden alınan yabancı sözcükler de, biçim değişikliğinin yanı sıra anlamca değişikliklere de uğrar. Örneğin dilimizde yalnız, sahne ve perde sanatçıları için kullanılan *artist* sözcüğü, alındığı dilde (Fr. da, *artiste*) her tür sanatçıyı anlatır; bir ressam, bir yontucu, bir müzisyen artisttir. Türkçede yalnızca 'nikâhsız kadın eş' anlamı görülen *metres'in* (Fr. da *inaîtresse*) alındığı dilde eril biçimi olan *maître'in* 'buyruk veren, yönelen, hizmet edenleri bulunan, efendi, usta, kalfa patron'.. gibi anlamlarının hemen bütünü taşıdığı, bizdeki anlamının yanı sıra Fr.da 'bayan öğretmen' demek olduğu görülür. Aynı biçimde, Fransızcada 'kumaş parçası, paçavra, kadın giyim kuşamı' anlamlarına gelen *chiffon* Türkçeye girince 'ipek iplikle dokunmuş kumaş, tül' anlamında kullanılır olmuştur [3, 30] (2. bölümde devamı var).

Bibliyografya

1. Ahanov, Kaken. Dil bilimin Esasları / Kaken Ahanov. – Ankara: TDK Yayınları, 2008. – 464 s. – ISBN 978-975-16-2085-9
2. Aksan, Doğan. En Eski Türkçenin İzlerinde / Doğan Aksan. – İstanbul: Multilingual Yayınları, 2003. – 160 s. – ISBN 975-6542-30
3. Aksan, Doğan, Türkçenin Söz Varlığı / Doğan Aksan. – Ankara: Engin Yayınevi, 2004. – 250 s. – ISBN 975-7287-89-X
4. Aksan, Doğan, Türkiye Türkçesinin Dünü, Bugünü, Yarını / Doğan Aksan. – Ankara: Bilgi Yayınevi, 2007, 184 s. – ISBN 975-494-910-7
5. Aksan, Doğan, Her Yönüyle Dil / Doğan Aksan. – Ankara: TDK Yayınları, 2009. – C 1, 162 s. – ISBN ISBN 975-16-0975-5
6. Aksan, Doğan, Her Yönüyle Dil / Doğan Aksan. – Ankara: TDK Yayınları, 2009.– C 3. – 244 S. – ISBN ISBN 975-16-0975-5
7. Arat, Reşit, Rahmeti. Türk Milletinin Dili / Reşit Arat / Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü . – Ankara: Türk Dünyası El Kitabı.– 2. Cilt, 1992. – 632 s. – ISBN ISBN 975-456-049-8
8. Banguoğlu, Tahsin. Eski Türkçe Üzerine / Tahsin Banguoğlu // Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi, 1964.– S. 77-84
9. Banguoğlu, Tahsin. Türkçenin Grameri / Tahsin Banguoğlu. – İstanbul: Baha Matbaası, 1974.– 630 s.
10. Başkan, Özcan. İnsan Dilinin Doğuşu / Özcan Başkan // TDAY Belleten. – Ankara, 1968. – S. 143-156
11. Décsy, Gyula. The Turkic Protolanguage: a Computational Reconstruction / Gyula Décsy. – Indiana: Eurolingua Yayınları, 1998.– 216 s. – ISBN ISBN 0931922429
12. Demir, Nurettin. Popüler Dil Tartışmalarına Dil İlişkileri Açısından Bakış / Nurettin Demir // Cumhuriyetimizin 80. Yılında Türkçemiz. – Ankara: Anaçev Yayınları, 2003. – 168 s. – ISBN ISBN 978-975-7306979
13. Durak, Mustafa. Terimden Anlama Dilbilim / Mustafa Durak. – İstanbul: Multilingual Yayınları, 2005.– 128 s. – ISBN ISBN 975-6542-55-2
14. Ercilasun, Ahmet, Bican. Türk Dünyası Üzerine İncelemeler / Ahmet Bican Ercilasun. – İstanbul: 1992. – 311 s. – ISBN 975-3380003
15. Ersoy, Feyzi. Türk Moğol Dil İlişkisi ve Çuvaşça / Feyzi Ersoy : Doktora Tezi. – Gazi Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü. – Türk Dili ve Edebiyatı. – Ankara, 2008. – 718 s.
16. Huber, Emel. Dilbilime Giriş / Emel Huber. – İstanbul: , Multilingual Yayınları, 2008.– 336 s. – ISBN 975-6008-53-9.

17. İsen, Mustafa. Başlangıçtan XVIII. Yüzyıla Kadar Türk Edebiyatı / Mustafa İsen // Türkler. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – S. 532-572. – ISBN 975-6782-33-1
18. Johanson, Lars. Structural Factors in Turkic language Contacts / Lars Johanson. – London and New York: Taylor&Francis publication, 2002, 186 s. – ISBN 978-0700711826
19. Karaağaç, Günay. Dil, Tarih ve insan / Günay Karaağaç. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2005.– 255 s. – ISBN 975-3384157
20. Porzig, Walter. Dil denen mucize / Walter Porzig . – Ankara: TDK Yayınları, 2011. – 276 s. – ISBN 975 – 16-0718-3
21. Toklu, M, Osman. Dilbilime Giriş / Osman Toklu M. – Ankara: Akçağ Yayınları, 2011.– 184 s. – ISBN 978-975-338-472-8
22. Vardar, Berke Dilbilim Yazıları / Berke Vardar.– İstanbul: Multilingual Yayınları, 2001, 216 s. – ISBN 975-7262-91-X

Оздемир Д. А. Турецкий язык и проблема языковых заимствований / Д. А. Оздемир // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С.

В статье рассматривается *проблема контактов языков и языковых заимствований*, место турецкого языка среди других языков мира, исторические предпосылки формирования словарного состава турецкого языка.

Ключевые слова: лингвистика, языковые контакты, турецкий язык, французский язык, лексика, словарный состав языка, языковые заимствования.

Оздемир Д. А. Турецька мова і проблема мовних запозичень / Д. А. Оздемир // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 84–90.

У статті розглядається *проблема мовних контактів і мовних запозичень*, місце турецької мови серед інших мов світу, історичні передумови формування словникового складу турецької мови.

Ключові слова: лінгвістика, мовні контакти, турецька мова, французька мова, лексика, словниковий склад мови, мовні запозичення.

Ozdemir D. Turkish language and word borrowing problems / D. Ozdemir // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 84–90.

The problem of languages contacts and linguistic borrowing, the place of Turkish language among other languages, the historical background of the formation of the Turkish languages vocabulary are described.

Keywords: linguistics, languages contacts, Turkish, French, vocabulary, vocabulary of a language, the languages borrowing.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 910.35

КОГНИТИВНАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ

Плотницкий С. В.

*Одесский национальный университет им. И.И.Мечникова, г. Одесса, Украина
e-mail: s_plotnytskyu@mail.ru*

Когнитивная география – направление географии, изучающее пространственные представления, механизмы их формирования и использования в различных аспектах человеческой деятельности. Пространственные представления о территории для различных социальных, национальных и экономических общественных групп играют важную роль при формировании инвестиционной политики, туризма и др. Задачей административных органов управления является создание положительного образа своей территории – страны, области, района. Территориальные информационные системы позволяют собирать, обрабатывать, анализировать и представлять пространственную информацию, формируя у различных целевых групп пользователей образ территории, используя текстовый, табличный и картографический методы передачи данных.

Ключевые слова: когнитивная география, геоинформационные технологии, территориальные информационные системы.

Постановка проблемы. Когнитивная география – направление географии, изучающее пространственные представления, механизмы их формирования и использования в различных аспектах человеческой деятельности. Когнитивная география относится к разделу гуманитарной географии, но в процессе практической деятельности тесно пересекается с разделами физической и экономической географии, информационными технологиями, искусствоведением, педагогическими и управленческими науками, журналистикой и т.д.

Устойчивые пространственные образы территорий характерны для всех групп населения. Топонимы «Москва», «Сибирь», «Южный Берег Крыма» вызывают образы Кремля и высотной застройки, бескрайней тайги или кипарисов на фоне синего моря. У простого обывателя образ будет самым общим, содержащим наиболее броские компоненты, профессиональный географ вспомнит координаты, площадь, геологическое строение, подробные цифры о климате и гидрографии, уровне экономического развития, демографии упомянутой в разговоре или средствах массовой коммуникации территории. Человек искусства вспомнит поэтов и художников, воспевавших или отразивший в своем творчестве регион или город, человек бывалый расскажет о своих личных впечатлениях.

В формировании устойчивого образа территории принимают участие средства массовой публикации, реклама, научно-популярные издания и передачи, образовательные географические курсы средней и высшей школы, личные впечатления во время деловых и туристических поездок.

Положительный или отрицательный образ территории влияет на приток инвестиций, туризм, миграцию населения. Положительный образ территории – результат многолетних усилий местного населения, администрации и средств массовой коммуникации, это многомиллионные вложения в территориальную инфраструктуру, благоустройство, санитарно-гигиенические мероприятия, охрану правопорядка. Образ территории может быть испорчен в результате природной или гуманитарной катастрофы, ошибок или некомпетентности администрации, контрпропаганды конкурирующей территории.

Одной из основных задач любой местной территориальной администрации является формирование положительного образа подведомственной территории и доведение этого образа до различных целевых групп населения в соседних и удаленных регионах (потенциальных туристов или инвесторов). В то же время, не располагая точной и оперативной информацией о состоянии территориальных ресурсов, трудно вести правильную рекламно-информационную политику. Если для рядового туриста достаточно яркого буклета и сниженных цен, то серьезный зарубежный инвестор затребует подробную информацию о ресурсном потенциале, правовом положении, технической инфраструктуре и других свойствах территории. Множество самых радужных проектов, связанных с частными и государственными инвестициями для некоторых регионов, не состоялись из-за недостаточной или неактуальной информации. Недоступность, несистематизированность или полное отсутствие информации о свойствах территории является **актуальной проблемой** для многих территориальных администраций. Одним из путей решения этой проблемы является создание территориальных информационных систем, обеспечивающих пространственной информацией разнообразные информационные потребности населения и органы власти. Технологической основой территориальных информационных систем являются геоинформационные системы и технологии.

Цель данного исследования – представить возможности геоинформационных систем для формирования целостного образа территории и оперативного представления информации для различных групп пользователей.

1. Современные геоинформационные технологии как инструмент изучения и управления территориями.

Географический фактор в управлении территориями всегда был одним из доминирующих. Вне зависимости от уровня управления, стиля руководства и задач – будь то стратегическое планирование или решение задач хозяйственных, «насуточных» – география добавляет знание, где находится объект, и, в большинстве случаев, почему он там находится.

Кроме того, географическое положение определяет еще и множество взаимосвязей между объектами. Без учета тех характеристик, которые говорят о местоположении объекта, невозможно не только системно оценить возникшую перед человеком, принимающим решения, проблему, но и корректно ее разрешить. Как раз для выработки системного подхода к решению задач территориального управления в числе специалистов всегда привлекались и географы (урбанисты, ландшафтоведы, экологи и т.д.).

Для всестороннего изучения пространственных ситуаций необходимо соответствующее количество качественной информации, пригодной для автоматизированной обработки. Современное программное обеспечение геоинформационных систем (ГИС) позволяет интегрировать в своих базах данных самые разнообразные источники информации: отсканированные карты и изображения, космические и авиационные снимки территории, контурные и тематические карты, табличные базы данных, данные полевой инструментальной съемки, позволяет отображать разнородные и разномасштабные данные в единой системе пространственных и временных координат, проводить аналитические операции, представляя полученную информацию в виде карт, картодиаграмм, схем, таблиц, текстовых отчетов, трехмерных анимированных изображений.

В состав инструментов ГИС включены картографические, табличные и текстовые редакторы, средства распознавания изображений, библиотеки условных знаков для формирования различных по тематике карт, средства построения картографических макетов. В настоящее время на основе ГИС технологии создан ряд электронных атласов для территории Украины, административных областей и отдельных муниципальных образований, ориентированных на использование в учебном процессе средних и высших учебных заведений, органах территориального управления. Многими научными и производственными коллективами Украины созданы электронные карты, характеризующие отдельные территории с точки зрения определенного географического или экологического направления. В то же время следует отметить малую доступность таких материалов для широкого круга пользователей из-за режима секретности, неурегулированных авторских прав, размещения на ведомственных малоизвестных серверах, отсутствия рекламы и т.д.

К числу функциональных возможностей некоторых программных продуктов ГИС, например, программного модуля ArcIMS, входящего наряду с картографическим модулем ArcGIS в семейство программных продуктов американской фирмы ESRI, является создание геопорталов, позволяющих оперативно распространять информацию в сети ИНТЕРНЕТ. **Геопортал** – это единая точка доступа к геопространственной информации территориального образования. Геопортал обеспечивает поиск, просмотр, загрузку метаданных, а также скачивание и публикацию пространственных данных, и веб-сервисов в соответствии с правами доступа и видом лицензии на использование материалов.

2. Структура территориальных информационных систем

Территория – не просто часть земной поверхности, а комплекс разнообразных объектов, взаимодействующих друг с другом. Природа их может быть самой разной – это и реальные объекты типа колодцев, опор ЛЭП, зданий, озер и т.д, и воображаемые объекты типа урочищ, земельных участков, административных единиц. Всех их объединяет общность географического положения, формирующая территориальные комплексы.

Управление территорией, особенно в крупных городах, до сих пор ведется многими службами разрозненно. Одни отвечают за участки земли, другие – за здания, третьи – за коммуникации, четвертые – за планирование, пятые – за экологию и т.д.

В результате, с одной стороны, любым субъектам деятельности – как гражданам, так и организациям – приходится иметь дело со множеством этих служб даже из-за одного объекта, с другой – деятельность самих этих служб и их документы очень слабо скоординированы (чаще всего вообще никак). Ответственные чиновники имеют неполное или искаженное представление о подведомственной территории, в результате чего возникают ошибочные решения о землеотводе, строительстве промышленных, транспортных или рекреационных объектов, жилых массивов, проведении природозащитных мероприятий.

Результатом неправильных решений могут стать ухудшение экологической ситуации, деградация земель, возникновение экономических и социальных кризисов, конфликты между владельцами земельных участков, неэффективное использование бюджетных средств и инвестиций. Такое положение не может долго сохраняться в условиях упадка хозяйственной активности и необходимости развития правовых отношений. Без информационных технологий (т.е. территориальных баз данных и средств телекоммуникаций) здесь может наступить полный хаос.

На уровне государства и территориальных администраций ведется определенная работа по созданию территориальных баз данных и открытых информационных систем. Служба Земельного кадастра собирает и хранит информацию о земельных участках, их правовом положении и состоянии их ресурсов. В тоже время доступ к этой информации возможен только при посредстве множества чиновников, возникают очереди на получении документов и справок, операции купли-продажи земельных участков по прежнему являются малопрозрачными для большинства землепользователей и участников земельного рынка.

Муниципальные геоинформационные системы действуют в пределах муниципальных образований, основной сферой их деятельности является городская недвижимость и связанной с ней имущество, транспортная система, зеленые насаждения, коммуникации инженерные системы. Основной задачей такой системы является учет и обоснованное налогообложение в зависимости от местоположения и качества городской зоны.

В структуру эффективной территориальной информационной системы должны быть включены следующие информационные блоки:

1. Границы административных образований и земельных участков с информацией об их целевом использовании, владельце, правовом положении, нормативной стоимости.
2. Ландшафтная структура территории с указанием формы рельефа, типа почвы, растительного покрова, с перечнем геофизических и геохимических процессов и рекомендациями по рациональному землепользованию.
3. Обеспеченность территории водными ресурсами с рекомендациями по их рациональному использованию.
4. Транспортные и инженерные коммуникации с зонами транспортной доступности, пропускной способностью коммуникаций, их техническим состоянием.
5. Экономические оценочные зоны, влияющие на налогообложение и цены на куплю-продажу и аренду земельных участков.

6. Зоны градостроительных и планировочных ограничений, регулирующих тип и функциональное назначение зданий и сооружений.

7. Экологическое зонирование территории, с указанием индексов загрязнения, зон ограничения природопользования, рекомендуемыми мероприятиями по улучшению экологической ситуации

Одним из обязательных элементов территориальной информационной системы является блок текстовых материалов, состоящих из публикации средств массовой информации, аналитических обзоров, ссылок на различные литературные источники. Рентабельность информационной системы обеспечивает блок коммерческой информации, размещаемой владельцами торговых, сервисных и рекреационных объектов.

Выводы. Территориальная информационная система локального и регионального уровня является мощным информационным ресурсом, позволяющим решать широкий круг теоретических и прикладных задач. Наиболее общая классификация задач информационного обеспечения территориальных образований позволяет выделить следующие направления:

- информационное обеспечение государственной и коммерческой управленческой деятельности (перспективные для инвестиций отрасли или регионы, распределение дотаций или помощи в кризисных ситуациях, принятие хозяйственных решений, контроль исполнения решений и т.д.).
- информационное обеспечение научно-исследовательских организаций системы охраны окружающей среды и территориального планирования (сбор, стандартизация и первичный анализ данных, оценка воздействия на окружающую среду, оценка эффективности сельскохозяйственного и промышленного производства, экспертиза проектов, земельный кадастр и т.д.).
- информационное обеспечение запросов коллективных и индивидуальных землепользователей в технологической и экономической сферах (получение доступа к новым природоохранным технологиям, нормативно-правовая база природопользования, экологический аудит, консультации);

Использование ГИС для создания информационных территориальных систем позволит решить следующие задачи:

- повысить уровень точности и объективности данных и знаний о состоянии компонентов природной среды и географической оболочки в целом;
- сократить объем накапливаемой и обрабатываемой информации за счет интеграции разноместных источников в единую систему баз данных;
- значительно сократить и в некоторых случаях исключить использование бумажных носителей информации;
- повысить доступность, оперативность и удобство восприятия информации всеми заинтересованными потребителями;
- обеспечить межведомственное взаимодействие при использовании базы данных и моделей для принятия коллективных решений;

- повысить эффективность труда в сфере научной и управленческой деятельности за счет сокращения сроков обработки и представления необходимой информации.

Литература

1. *Замятина Н.Ю.* Когнитивные пространственные сочетания как предмет географических исследований // Известия РАН. Сер. Геогр, 2002. – №5. – С. 32-37.
2. Максимов В. И, Качаев С. В, Корноушенко Е. К. Концептуальное моделирование и мониторинг проблемных и конфликтных ситуаций при целенаправленном развитии региона // Современные технологии управления для администраций городов и регионов. Фонд “Проблемы управления”. – М, 1998.
3. Плотницький С.В. Модель бази даних природно-хозяйственных территориальных систем локального и регионального уровня управления // Ученые записки Таврического национального университета. – Том 20 (59). -№1. География, 2007. – С.157-170.

Плотницький С.В. Когнітивна географія і територіальні інформаційні системи / С.В. Плотницький // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 91–96.

Когнітивна географія – напрям географії, що вивчає просторові представлення, механізми їх формування і використання в різних аспектах людської діяльності. Просторові уявлення про територію для різних соціальних, національних і економічних громадських груп відіграють важливу роль при формуванні інвестиційної політики, туризму та ін. Завданням адміністративних органів управління є створення позитивного образу своєї території – країни, області, району. Територіальні інформаційні системи дозволяють збирати, обробляти, аналізувати і представляти просторову інформацію, формуючи у різних цільових груп користувачів образ території, використовуючи текстовий, табличний і картографічний методи передачі даних.

Plotnytskiy S.V. Cognitive geography and territorial informational systems / S.V. Plotnytskiy // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 91–96.

Cognitive geography is a direction of geography, studying spatial presentations, mechanisms of their forming and the use in different aspects of human activity. Spatial ideas about territory for different social, national and economic groups play an important role at investment politics. The task of administrative organs is the creation of positive character of their territory – a country, an area, a district. The territorial informational systems allow to collect, process, analyze and present the spatial information, forming the character of the territory while using the text, tabular and cartographic methods for presenting the data.

Key words: Cognitive geography, GIS-technologies, territorial informational systems.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 81`367.335.2.512.145

КРЫМСКОТАТАРСКИЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ПРИЗНАКАМИ ПРОТИВИТЕЛЬНОСТИ И УСТУПКИ

Арнаутова А. Р.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: aishahayberdi@mail.ru*

В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с признаками противительности и уступки. Исследуются средства связи и пунктуация, являющейся характерной особенностью для предложений данного вида. Проанализирован и систематизирован теоретический и практический материал, благодаря этому удалось выявить средства связи, ранее не описанные в крымскотатарском синтаксисе.

Ключевые слова: крымскотатарский язык, синтаксис, сложное предложение, сложноподчиненное предложение, придаточное.

Постановка проблемы. В области сложноподчиненных предложений проведено множество лингвистических исследований, но проблема остается открытой как для языковедов в области крымскотатарского синтаксиса [1; 2; 3], так и для ученых, исследующих другие языки – тюркские [5; 6; 7], славянские [8; 9; 10] и другие.

Исследуя СПП современного крымскотатарского языка, детальное изучение которого сегодня является необходимым, мы опираемся на научно-практический материал, анализируем структуру, средства и способы связи, а также семантику СПП с придаточными уступительными.

В ходе работы применяется комплекс исследовательских процедур: описательный, статистический, методика трансформационного внедрения, семантического анализа, методика контекстуального наблюдения.

Известно, что придаточная уступительная часть СПП указывает на факт, противоречащий содержанию главной части; событие, о котором говорится в придаточной части, должно было бы привести к результатам, противоположным тем, о которых говорится в главной части, но не привело [11, 231].

Л.С. Оказ в работе по синтаксису крымскотатарского языка исследует сложное предложения, классифицирует сложноподчиненные предложения, приводит пример условно-уступительного предложения [12, 24].

А. Ислямов отмечает, что СПП с придаточными противительными называют «предложения, в придаточной части которых излагаются мысли, противоположные главной» (подстрочный перевод крымскотатарскоязычного материала сделан автором статьи самостоятельно: «Таби джумле айтылгъан фикирге къаршы олгъан бир фикир анылатса, бойле джумлеге къаршы къююв джумлесидерлер») [13, 88].

В предложениях данного вида придаточная часть присоединяется к главной с помощью сказуемого в условном наклонении, образованном с аффиксами *-са/-се* и союзом *да/де*. Например: *Главкнен оладжакъ лафта бунынъ алып-береджеги олмаса да, о бу фикирден ред эталмай эди. О не къадар тюшюнип-ташынса да, лакъыр-*

дыны эписи бир Гульайландан башламакъ керек. Къыз, «бабам фыйтонны бутюн кунге санъа берди», *десе де*, Алим бу сѣзлерни шорбаджысынынъ агъызындан *шитмек истеди*.

Кроме этого А. Ислямов обращает наше внимание на то, что иногда данный вид СПП может образовываться в случае, когда сказуемое придаточной части принимает форму повелительного наклонения и отражает семантику уступительного СПП. Например: *Бу дюльберлик огюнде юрек, не къадар инат олса-олсун, юмшамагъа меджбур»; Чиль-Сай не къадар дешетли олса-олсун, эльбет де, экскаваторны чекип алып кеталмаз; Не къадар вакъыт кечсе-кечсин, Рустем анасынынъ ёкъ экен акъкъындаки фикирге бир заман ишанып оламаз. Не къадар талебе кельсе-кельсин, эп бир дерс кече*.

Однако следует заметить, что выше приведенный вид СПП с придаточными уступительными имеют некоторое сходство с СПП с придаточными условия как относительно структуры, так и средством связи, когда сказуемое зависимой части может являться **глаголом повелительного наклонения**. Например: *Ярын губерна шеэрини, кель, анълашырмыз (Ю.Б,37)*.

Къартбабанъа барып айт, о не къадар адамнен кельсе кельсин, оларнынъ эписи мемнюн олып къай-тырлар, – деп тенбиелеген (А.В,206).

Отличительной особенностью является их семантика: если в СПП с придаточными условия отображает условия, при которых происходит или не происходит то или иное действие, то в СПП с придаточными противительными отображается действия, которые происходят или не происходят в главной части, вопреки тем действиям, что описаны в придаточной. И в случае замены, в СПП с придаточными противительными сказуемого придаточной части, которой является глагол повелительного наклонения на глагол условного наклонения + *да; де*, смысл предложения не изменяется. Например: *Чиль-Сай не къадар дешетли олса-олсун, эльбет де, экскаваторны чекип алып кеталмаз. Чиль-Сай не къадар дешетли олса да, эльбет де, экскаваторны чекип алып кеталмаз*.

Э.С. Акъмоллаев описывает СПП с придаточными противительными, как *предложения, в которых действие, совершенное в придаточном предложении, является препятствием для действия главного предложения, вопреки которому оно происходит*. «*Керилеме табилли муреккеп джумлелерде олгъан иш-арекет баш джумледекине, кедер этип, мания корьсетсе де баш джумледеки иш-арекет ола билъгени ифаделенир*». Главная и зависимая части связываются с помощью аффикс повелительного наклонения глагола *-са /-се*, частицы *да/де* [14, 113].

Так же в работе приводятся предложения СПП с придаточными противительными, компоненты которого соединяются с помощью союза **амма** Пример: *Къазанды амма, сонъки заманларда пек яман хаберлер келип башлады. Сигизмунд Генрихович бизим лакъырдыны ишитти, амма, токътамады, озюынъ кетишинен кете берди*.

Кроме этого, Э.С. Акмоллаев выделяет СПП с придаточными противительными, в которых связь между главным и зависимым компонентами осуществляется с помощью сочетания союза **эгер (+ -са/-се)** и частицы **биле**, например: *Эгер къалгъан учь кунь ичинде бутюн кучь-къуветлер къойылып чалышылса биле, айлыкъ план толмайджакъ*.

Как известно, союз *эгер*, располагаясь в начале придаточной части как в СПП с придаточными условия, так и, как теперь мы наблюдаем, в СПП с придаточными противительными, не является устойчивым по своей сути. Он может опускаться и тем самым не менять смысла предложения. Основную функцию выполняет сказуемое условного наклонения, которое располагается в конце придаточной части + *биле*. Ср.: *Эгер де Сарвар онынънен якъынлашмакъны тюшюнсе биле, о буны япалмаз эди*; и *Сарвар онынънен якъынлашмакъны тюшюнсе биле, о буны япалмаз эди*.

Однако необходимо подчеркнуть, что в данном примере в результате сочетания союза *эгер* и частицы *де*, вместе со сказуемым придаточной части в условном наклонении *–са/се* в сочетании с *биле* – явление не случайное. Такое явление более ярко подчеркивает семантику предложения, сопровождается эмоциональной наполненностью. Кроме того, следует отметить, что *эгер*, сочетаясь с *биле* данного предложения, выполняет усилительную функцию. Расположение *биле* в конце придаточной части обеспечивает влияние на него союза *эгер*. В результате *биле* оказывается под ударением, а после выдерживается пауза. Данное сочетание концентрирует особое внимание слушающего на основную мысль предложения.

Ср.: *Эгер де Сарвар онынънен якъынлашмакъны тюшюнсе биле, о буны япалмаз эди. Даже если Сарвар и подумал сблизиться с ней, он не смог бы этого сделать. Эгер де Сарвар онынънен якъынлашмакъны тюшюнсе де, о буны япалмаз эди. Если Сарвар и подумал сблизиться с ней, он не смог бы этого сделать*.

Сравнивая семантику выше приведенных предложений такого вида мы видим, что *биле* и *да/де* очень близки по значению. Однако следует отметить, что СПП и союзом *биле* имеет более ярко выраженную семантику противительности относительно *да/де*. Ср.: *Лякин, ойле олса биле, джанынъызны агъырттырмадыкъ беллейим. «Но, даже если и так, надеюсь, что мы вас не обидели»*; *Лякин, ойле олса да, джанынъызны агъырттырмадыкъ беллейим. «Но, если и так, надеюсь, что мы вас не обидели»*.

Кроме выше приведенных вариантов средств связи в СПП с придаточными уступительными следует выделить и такие, компоненты которого соединяются с помощью деепричастия, выполняющего функцию союза *бакъмадан*.

А. Меметов, рассматривая подчинительные союзы, отметил переходный характер деепричастия-союза *бакъмадан*: «некоторые грамматические формы знаменательных слов в современном крымскотатарском языке приобретают союзные функции. Форма деепричастия на *–мадан* некоторых глаголов, в частности глагола *бакъ-«смотреть»* *бакъмадан «несмотря»*, в сочетании с указательными местоимениями имеет склонность выполнять функцию союза» [15, 278]. Например: *Озь улемасына инангъан джемаат, койге келип-кеткен тюрк моллаларынынъ тешвикъатына бакъмадан, озь топракълэрына япышып къалгъан эдилер. «Народ, доверяющий своим ученым, несмотря на деятельность турецких мулл, невозможно было оторвать от своих земель (досл. – прилипли к своим землям)»*; *Къуйып ягъгъан рузгярлы ягъмурнынъ зоруна бакъмадан, ёл толдурып, чамур ве сазлыкъларгъа чомып, умют ве омюр излейиджи бир инатлыкънен кеттилер. «Несмотря на то, что был сильный ветер с дождем, ступая по грязи и лужам, заполняя дорогу, или с упрямством, в котором наблюдалась надежда на жизнь»*; *Индже урбаларындан сокъу-*

лып, тенлерине инедай санчылгъан сувукъкъа **бакъмадан**, олар ашыкъмай кете эдйлер. «Несмотря на холод, который пронизывал и словно иголкой, покалывал сквозь легкие одежды, они шли неспеша».

Деепричастие **бакъмадан** достаточно точно выполняет функцию союза в СПП с придаточными уступительными, потому что само по себе несет семантику отрицания и тем самым обеспечивает более яркое противопоставление двух компонентов.

Говоря о структуре СПП, следует учитывать ее устойчивость, что является очень важным критерием в крымскотатарском языке. В СПП условия придаточная часть с приведенными выше союзами располагается перед главной частью (то есть занимает препозицию) и разделяется запятой. Такая ситуация (схема) обуславливает достаточно яркое выражение уступительно-противительных отношений.

Исследованные нами предложения можно охарактеризовать как СПП с придаточными уступительно-противительными, так как средством связи в данных предложениях является уступительные союзы (*-са/-се + да/де; -се + биле / -са + биле; амма*; повелительная форма глагола-сказуемого. Например: *олса – олсун, кечсе – кечсини, бакъмадан*, которые располагаются в придаточной части, занимающей препозицию.

Статистическое исследование фактического материала произведения Ю. Болата «Алим» показывает, что в результате сплошной выборки мы выявили в тексте 243 предложения рассматриваемого типа, из них предложения с использованием союза *-са да / -се да* составляет 76%; *амма* – 10, 29%; *бакъмадан* – 10, 29%; *-са биле / -се биле* – 3, 42%.

Выводы и перспективы. Исследуемые СПП соединяются с помощью союзов – *са/се + да/де; -са/се + биле; амма*; повелительной формы сказуемого – *олса-олсун, кечсе-кечсини*, а так же деепричастия **бакъмадан**, выполняющего функцию союза. Наиболее широко используемым союзом является союз *-са/се + да/де*. Кроме того, встречаются случаи использования уступительных союзов *-са/се + да/де; -са/се + биле* в сочетании с условным союзом *эгер*. Такое явление более ярко подчеркивает семантику предложения и сопровождается эмоциональной наполненностью. Придаточная часть данных СПП вместе с союзами занимает препозицию, что обеспечивает достаточно яркое выражение уступительно-противительного характера предложения.

Безусловно, наше описание СПП с уступительно-противительными придаточными не является исчерпывающим и требует продолжения.

Литература

1. Ислямов Асан. Татар тильнинъ грамматикасы. Къысым синтаксис/ Ислямов Асан. – Симферополь: Кърым АССР девлет нешрияты, 1940. – 120с.
2. Акъмолаев Э.С. Къырымтатар тильнинъ амелияты / Акъмолаев Э.С. – Ташкент: Укъитувчи, 1989. – 161с. ISBN 5-645-00686-0
3. Оказ Л.С. Сложное предложение. Материалы спецкурса по синтаксису крымскотатарского языка /. Оказ Л.С – Симферополь: ТНУ, 2002. -115с. – ISBN 966-5722-96-4
4. Мусаев К.М. К истории союзов в тюркских языках/ Мусаев К.М. // Советская тюркология, 1980. – № 6. – С.8.
5. Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков /. Гаджиева Н.З. – М.: Наука, 1973. – 336 с.

6. Грунина Э.А. Некоторые вопросы синтаксиса сложноподчиненного предложения в современном литературном узбекском языке / Грунина Э.А. // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – Т. III. Синтаксис. – М.: Наука, 1961. – С. 157.
7. Бабайцева В.В. Современный русский язык: в трех частях / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1981. – ч.3: Синтаксис. Пунктуация. 271с.
8. Современный русский язык / [Белошапкова В.А, Земская Е.А, Милославский И.Г, Панов М.В.]; под ред. В.А.Белошапкова. – М., Высшая школа, 1981. – 560с.
9. Воробьева Г.Ф. Современный русский язык / Воробьева Г.Ф, М.С.Панюшева, И.В.Толстой; синтаксис. Учебное пособие. – М.: Изд. Русский язык, 1975. – 192с.
10. Кочерган М.П. Загальне мовознавство: [Підруч. для студ. Філол. спец-тей вищ. закл. освіти]/ Кочерган М.П. – К.: Видавничий центр «Академія», 1999. – С. 233-237.
11. Бабайцева В.В. Современный русский язык: в трех частях / В.В. Бабайцева, Л.Ю. Максимов. – М.: Просвещение, 1981. – ч.3: Синтаксис. Пунктуация. 271с.
12. Оказ Л.С. Указ. Соч. – С.24.
13. Ислямов Асан. Указ. Соч.
14. Акъмолаев Э.С. Указ. Соч. – С.86.
15. Меметов А. Мусаев К. Крымтатарский язык. Учебное пособие / А. Меметов К. Мусаев. – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288с. ISBN 966-8025-35-0

Список сокращений: (Ю.Б.) – Болат Ю. Алим. Роман. – Ташкент: Эдебият ве санъат нешрият, 1980. – 424с.; (С.Э.) – Эмин С. Ираде деръясы: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрият, 1971. – 376с.; (В.А.) Велиев А. Кърымтатар халкъ масаллары Акъыллы кирпинен айнеджи тильки. Ташкент: Чолпан, 1990. -237с.; (Ш.А.) Алядин Ш.Эгер севсен: Роман. – Ташкент: Озбекистан ССР Нефидевлет нешрият. -1962.; (А.Э.) Амит Э. Ишанч: Роман. – Ташкент: Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрият, 1986. – 358с.; (Б.М.) Мамбет Б. Къоз эфсанеси (Эфсанелер, тсзай-тымлар, тапмаджалар). – Акъмесджит: Таврия нешриты, 1995. – 160с.

Арнаутова А. Р. Кримськотатарські складнопідрядні речення з ознаками протиставлення та поступки / А. Р. Арнаутова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 97–101.

У статті розглядається складнопідрядні речення з ознаками протиставлення та поступки. Досліджуються засоби зв'язку і пунктуація, яка є характерною особливістю для речень даного виду. Проаналізовано та систематизовано теоретичний і практичний матеріал, завдяки цьому вдалося виявити засоби зв'язку, яких раніше не було описано в кримськотатарському синтаксисі.

Ключові слова: кримськотатарська мова, синтаксис, складне речення, складнопідрядне речення, підрядне.

Arnautova A. Crimean Tatar complex sentences with adversative signs and concessions / A. Arnautova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 97–101.

The article deals with complex sentences with adversative signs and concessions. Studied communications and punctuation, which is a characteristic feature of this type of proposal. Analyzed and systematized theoretical and practical material, thereby able to identify means of communication, not previously described in the Crimean Tatar syntax.

Key words: Crimean Tatar language, syntax, complex sentences, compound sentence, clause

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.222.1

ЛЕКСИКО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Сухоруков А. Н.¹, Сухорукова А. В.²

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
¹e-mail:sankafd2004@gmail.com, ²e-mail: afa_persik@gmail.com*

В данной статье рассматривается лингвистическая терминосистема персидского языка с позиции её генетики, производится её структурный анализ и определяются основные закономерности и тенденции развития.

Ключевые слова: персидский язык, лингвистическая терминология, генетическая характеристика, терминологизация, ретерминологизация.

Постановка проблемы. С генетической точки зрения лингвистическая терминология современного персидского языка (ПЯ) представляет собою неоднородную систему, в состав которой входят как термины с исконно персидскими корнями, так и заимствования из других языков, лингвистические термины с большой историей и недавно созданные, широкого спектра употребления и узкоспециализированные – существующие исключительно в лингвистической терминологии, термины общепринятые и получившие развитие в отдельных иранских лингвистических школах, а также термины, пришедшие из других терминосистем, т. е. попавшие в лингвистику путем ретерминологизации.

Актуальность исследования. В отечественной иранистике вопрос лингвистической терминологии ПЯ остаётся неразработанным, а её генетический анализ затрагивается вообще впервые. Ни в самом Иране, ни за его пределами нет исследований, посвящённых непосредственно этой тематике. Однако, отдельные элементы были затронуты иранскими учёными по смежным направлениям. Из наиболее близких работ следует выделить небольшую статью молодой иранской исследовательницы Несрин Джафари «Структурная характеристика лингвистической терминологии ПЯ» [1].

Цель и задачи. Целью данной статьи является рассмотрение лингвистической терминосистемы ПЯ с позиций её генетики. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) собрать максимально полную базу лингвистических терминов ПЯ;
- 2) проанализировать лингвистическую терминосистему ПЯ, выявить основные закономерности и тенденции её развития.

Первой известной современным учёным работой, написанной на персидском языке и в которой рассматриваются вопросы грамматики этого языка, является «Данешнаме-йе элайи» Абу Али ибн Сины (Авиценны), написанная в Исфахане в 980 году. В разделе «Логика» автор на трёх страницах анализирует морфологическую структуру персидского языка и впервые употребляет многие лингвистические тер-

мины, которые впоследствии заняли прочное место в персидской лингвистической терминологии.

Первые лингвистические термины, как и большая часть всех, вошедших в персидскую лингвистику до 19 века, заимствовались, преимущественно, из арабской лингвистической терминологии или из слов общелитературного арабского языка, имевшего в Иране в средние века статус языка науки. В свою очередь некоторые арабские лингвистические термины, по мнению отдельных иранских ученых, таких, например, как Хосров Фаршидвард появились в арабской лингвистической терминологии как эквивалент латинским и греческим понятиям логики. Ученый утверждает, что термин *فعل* (глагол) появился как эквивалент термину “*verbum*”, *ادات* (частица, служебная часть речи) как эквивалент понятию «*particula*» [2, 600].

С повышением интереса к грамматике персидского языка со стороны иранцев и возникновением потребности в изучении грамматики родного языка (приблизительно с 13 века), заимствования из арабской терминологии хлынули в персидскую лингвистическую терминологию огромным потоком, что имело как положительные последствия, так и отрицательные. Положительной стороной является то, что наличие готовых терминов, хоть и заимствованных, ускорило процесс изучения персидской грамматики. С другой стороны, ввиду различия в грамматическом строе, некоторые термины не подходили для описания грамматики персидского языка и создавали дополнительные сложности. Так, заимствование таких терминов, как *حالت* (падеж) и его производных – *حالت فاعلى* (номинатив, именительный падеж), *حالت مفعولى* (аккузатив, винительный падеж) и т. д. привело к неправильному изложению правил персидского языка – языка, в котором категория падежа отсутствует. Данная проблема была решена лишь в конце 20 века, когда термин *حالت* заменили на *نقش*, имеющий синтаксическую окраску и определяющий роль слова в предложении.

Обогащение персидской лингвистической терминологии за счёт арабской происходило как путем заимствования готовых языковых единиц, так и элементов, представляющих возможность для создания новых терминов средствами словообразования. Среди этих терминоэлементов можно выделить следующие: *شبه* – подобный; *غير* – не, без; *جزء* – часть. Благодаря этим элементам, получившим большое распространение в словообразовании современных лингвистических терминов, появились следующие эквиваленты западным лингвистическим неологизмам: *شبه دستورى* – параграмматизм, *شبه اسنادسازى* – псевдо-расщепление, *شبه مجهول* – псевдопассив, *جزء* – позиционная / местная меронимия, *غير محدود کننده* – нерестриктивный, *غير موضعى* – неаргументный и т.д.

Как видно из приведенных примеров, некоторые из арабских терминоэлементов в современной персидской лингвистике приобрели новое значение, так, префикс *شبه* явился эквивалентом интернациональных терминоэлементов со значением «пара-», «квази-» и «псевдо-».

Среди терминов-арабизмов можно выделить также те, что полностью сохранили словообразовательные особенности языка-источника и те, что были освоены и претерпели изменения с учетом особенностей персидского языка. Например, термин *ضرب المثل* «поговорка» – представляет собой полное заимствование с сохранением арабских словообразовательных особенностей, но арабское «неопределенное местоимение» *كناية* (*кенайат*) трансформировалось в персидской

стоимение» كناية (*кенайат*) трансформировалось в персидской грамматике в كناية (*кенайе*).

С конца 19 века, после выхода в свет работы Эсфахани «Дастур-е сохан» (1872), и последующей ее переработки под названием «Дабестан-е парси» (1880) начинается новый этап в развитии иранской лингвистики и соответственно лингвистический терминологии персидского языка. Этот же период знаменателен и тем, что в Иране открывается много французских, английских, немецких, а потом и американских учебных заведений, в которых иранцы получили возможность знакомиться с достижениями западными грамматике. В плане лингвистической лексики этот этап характеризуется следующим:

1) появлением новых терминов иранского происхождения, образованных от корней слов пехлевийского и авестийского языков;

2) переосмыслением некоторых арабских терминов и закреплением за ними новых понятий;

3) заимствованием западноевропейских терминов.

Хотя роль арабского языка как источника формирования персидской терминосистемы значительно снизилась, арабизмы продолжали участвовать в словообразовательном процессе (термин Мирзы Акбархана (1898 г.) «کلمة اشاره», созданный как эквивалент западному понятию «артикуль»). С этого времени начинают постепенно появляться термины – заимствования из французского языка, что объясняется активизацией культурных, научных, дипломатических и финансовых отношений между Ираном и Францией. Французские лингвистические термины обогатили, преимущественно, наименее развитый на тот момент раздел иранского языкознания – пунктуацию. Появились такие термины, как: ویرگول – запятая, گرامر – грамматика, گیومه – кавычки, پرانتز – скобки и др.

Конец 20 века ознаменовался влиянием западной лингвистической мысли, представленной различными лингвистическими теориями американских, английских и других европейских исследователей.

Результатом этого влияния явилось появление многочисленных неологизмов в иранской науке, созданных путем словообразовательного, фразеологического и семантического калькирования с опорой на коренные иранские, пехлевийские и авестийские основы и аффиксы. Заимствование готовых лексических единиц из западных языков имеет малое распространение в современной лингвистической терминологии персидского языка.

Из проанализированных нами 3850 лингвистических терминов современного ПЯ доля западных лексических заимствований составляет около 2%, причем эта цифра имеет тенденцию к уменьшению, т. к. в настоящее время идет целенаправленная работа по переосмыслению всех терминов, имеющих неперсидское происхождение и их замене. Проникновению западных лексических заимствований воспрепятствовала работа Академии персидского языка и литературы (АПЯЛ) – органа, одной из задач которого является очищение персидского языка от иностранных заимствований. Если в современной терминологии других наук деятельность АПЯЛ направлена, преимущественно, на борьбу с англицизмами, то в области лингвистики в 21 веке борьба ведется на двух направлениях, т. е. одновременно против европеизмов и арабизмов.

На основании проведённого нами анализа, можно утверждать, что на сегодняшний день около половины (52%) всех персидских лингвистических терминов представлена укоренившимися терминами арабского происхождения.

Что касается структурного анализа лингвистической терминосистемы по соотношению простой/составной, то можно констатировать, что на долю терминов-словосочетаний приходится около двух третей всех исследованных нами лингвистических терминов, при чем в 60% из них главное слово представлено арабизмом, 37% – исконно персидским по происхождению термином и лишь 3% – заимствованиями из западных и некоторых других восточных языков (турецкий и др.). До середины 20 века процент арабизмов был значительно выше, а исконно персидских терминов, участвующих в терминообразовании, на тот момент было не более 100. На настоящий момент персидские термины и терминологические элементы активно участвуют в словообразовании и нами выделено уже около 1500 лингвистических терминов с иранской основой (приблизительно 44%) из общего числа в 3850. Персидские термины представлены как отдельными словами полностью иранского происхождения, так и терминами-дериватами, образованных средствами собственной словообразовательной системы на основе лексического фонда среднеперсидского языка с включениями заимствованных элементов и слов. Например:

- полностью персидские термины : شماره – числительное (образован от пехл. ošmār); افکندن – опущение, пропуск (образован от пехл. afgantan); پایه – основа (образован от пехл. rāyak); جاندار – одушевленный (образован от пехл. gyānwar); گره – узел (образован от пехл. greh); ساختار – структура (образован от пехл. saxtan)

- термины-дериваты: فراساختار – метаструктура (национальный терминологический элемент fra является глагольным префиксом, который в последнее время претерпел семантическое расширение и стал использоваться как эквивалент интернациональным элементам со значением «ультра-», «экстра-», «мета-»); ترانوشت – транскрипция (префикс ترا по происхождению относится к авестийскому языку и прежде имел значение «в ту сторону») и др. [3, 245].

В лингвистическом словообразовании участвуют как межотраслевые терминологические элементы, так и специализированные словообразовательные средства для выражения значений, характерных, преимущественно, лингвистической терминологии. Наиболее яркими примерами специализированных терминологических элементов могут служить такие суффиксы как وند واره . Суффикс وند – суффикс авестийского происхождения. Так, Шамсаддин Мохаммад бен Кисрази, автор «Альмоаджам фи моайер ашар альаджам» (1226г.), изучая этимологию слова اوند , пришел к мнению о том, что это слово происходит от авестийского âvant и имеет определенное сходство с санскритским ârovant (содержащий воду), при чем суффикс «vant» имел значение «содержащий», которое он сохранил и по сей день в лингвистической терминологии [4, 5] При помощи этого суффикса были образованы такие лингвистические термины, как پیشوند / پسوند / میانوند (инфикс/суффикс/префикс). Суффикс (واره) используется в современной лексике со значением «похожий», «подобный». Второе его значение «принадлежащий чему-либо», «относящийся к чему либо» считается устаревшим и недопустимым при создании новых слов [5, 195]. Манучехр Монтазави в своей статье «Несколько суффиксов» пишет, что суффикс واره существовал в пехлевийском

языке сначала как va'taka и затем приобрел форму va'tak. Однако Остадпур Давад утверждает, что этот элемент восходит к древнеперсидскому и пехлевийскому «bard», образованному от корня «bar» [6, 277]. Как бы то ни было, ни у кого нет сомнений относительно его древнеиранского происхождения. Среди лингвистических терминов, образованных при помощи данного суффикса можно выделить следующие: جمله واره (клауза, предложение – часть сложного предложения); سورواره (квазиквантификатор); طرح واره ای (схематический); قیدواره (адьюнкт; обстоятельство, которое служит индикатором состояния и качества глагола) – введённый З.З. Мокаддамом эквивалент западному термину Метьюса П.Х. «adjunct»; پسوندواره (суффикс, образованный от основы глагола или существительного) и т.д.

Пополнение лингвистической терминологии на современном этапе происходит путем терминологизации общелитературной лексики и ретерминологизации терминов из таких наук, как химия, математика, анатомия, ботаника, экономика, физика, из таких областей лексики, как строительство и транспорт.

Анализ лингвистической терминологии персидского языка показал, что заметная роль в процессе терминологизации принадлежит лингвистической специализации, т.е. применению уже сложившихся терминов или общеупотребительных слов в лингвистическом тексте без изменения семантики [7, 43]. «Общенаучная лексика выражает специальные понятия, которые применимы к объектам, явлениям, процессам, свойствам и т. п. разных областей действительности, ее значение не зависит от терминосистемы, в которой она функционирует» [7, 43]. Можно привести следующие примеры общенаучных терминов: رابطه (отношение, связь), الگو (схема, модель), شرط (условие), عامل (фактор), شیوه (способ), شبکه (сеть), روش (метод), نظریه (теория), مرجع (сила), واحد (единица), رده (класс, разряд), حرکت (движение, перемещение), مرجع (ссылка), جایگاه (позиция, меторасположение), عالی (превосходный, высший), نظام (система), عنصر (элемент), نشانه (показатель), بازسازی (реконструкция), بسامد (частота), خصوصیت (признак) и т.д.

Общеупотребительная лексика, которая подверглась терминологизации, сохраняет свое значение: اطلاع (информация), تبدیل (преобразование), تغییر (изменение), تهی (пустой), گذشته (прошлый, прошедший), آینده (будущий), قله (вершина), گسسته (отделенный, разделенный), گره (узел) и др. Использование общелитературной лексики в терминах-словосочетаниях также представлено таксонами – семантическими элементами, с помощью которых описывается значение единиц языка, они используются в составе метаязыковых рассуждений и заполняют вторую валентность неоднословных терминов [7, 44]. В персидской лингвистической терминологии таксоны выступают в качестве зависимого компонента изафетного словосочетания и стали обозначать отдельные единицы или категории языка: قید تردید (наречие со значением сомнения), قید تأسف (наречие со значением сожаления), قید تعجب (наречие со значением удивления), قید تمنا (наречие со значением желания) и др. Также распространены терминологизированные общеупотребительные лексемы, которые не отвечают требованию краткости и экспрессивной нейтральности: شبه جمله: شبه جمله تكذيب و انكار (междометие со значением выражения почтения), شبه جمله تحسین و تشویق (междометие со значением опровержения и отрицания), شبه جمله تصدیق و ایجاب (междометие со значением похвалы и поощрения), پرسشواژه در جای (подтверждения и необходимости) – сочинительные словосочетания;

сочинительные словосочетания; پرسشواژه در جای اصلی (операторный вопрос), آزاد از بافت (контекстно-свободный); خروج از گروه اسمی (предполагаемый), از پیش انگاشته شده (вынесение из именной группы), زنجیره پیش از پایانی (претерминальная цепочка) – словосочетания, имеющие в своей структуре союзы и предлоги.

Наряду с лингвистической специализацией, для которой характерно сохранение значения общеупотребимого слова, имеет место также терминологизация, в основе которой лежит сужение или расширение значения общелитературной лексики. Для терминообразования в современном ПЯ более характерно сужение значения, нежели его расширение. Сужение значения можно наблюдать в таких терминах, как گروه «группа (людей)» – в общеупотребительной лексике и «группа (слов), оборот» – в лингвистике, تولید «производство» – в общеупотребительной лексике и «артикуляция, производство звуков» – в лингвистике. Примером расширения значения может служить термин واژگان «слова», значение которого расширилось до понятия «лексика».

Активная деятельность АПЯЛ по созданию новых терминов во всех сферах современной науки создало благоприятные условия для процесса ретерминологизации. Немало терминов было заимствовано из анатомии в фонетику: لثوی – «десневый» → «альвеолярный», مجرا «тракт» → «речевой тракт», ملازه «увула» → «увулярный», کامی «небный» → «палатальный», کام نرم «мягкое небо» → «велярный, заднебный», دندانای «зубной» → «дентальный», لیبی «губной» → «лабиальный» и т.д.

Также часть терминов было заимствовано из математики, химии, физики, экономики, музыки, архитектуры, ботаники: جامد «плотный» → «непроизводный» (из физики), ظرفیت «валентность» → «валентность» (из химии), تولیدی «производственный» → «артикуляционный» (из экономики), شکافه «медиатор» → «относительное местоимение» (из музыки), قوس «арка» → «арка» в реляционной грамматике (из архитектуры).

Выводы. Таким образом, персидскую лингвистическую терминологическую лексику с генетической точки зрения можно разделить на несколько слоев: исконно персидский (44%), пласт арабских заимствований (52%), западноевропейских (около 2%), турецкого и языков других сопредельных стран (2%). Значительная часть первых заимствованных арабских терминов представляет собой термины, попавшие в грамматическую лексику путем ретерминологизации и терминологизации общелитературной лексики. Заметна тенденция к снижению процентной составляющей заимствованной лексики в лингвистической терминосистеме современного ПЯ.

Литература

1. www.ensani.ir/fa/content/73641/default.aspx
2. خسرو فرشیدورد. ادات در منطق و دستور و علم بیان// گوهر. نامه تحقیقی گوهر در زبان و ادبیات هنر و تاریخ و فرهنگ. 56. شماره 1356 چاپ کاویان. آبان
3. علی اشرف صادقی. راههای فعال کردن واژه سازی در زبان فارسی // مجموعه مقالات نخستین هم اندیشی مسائل واژه گزینی و ISBN 964-01-1012-4 - ص 560. - مرکز نشر دانشگاهی. - 1378 اصطلاح شناسی. - تهران - اسفند ماه
4. رحیم کوشش. آراء لغوی شمس فیض رازی // پژوهشهای زبان و ادبیات فارسی (علمی - پژوهشی) دانشکده ادبیات و علوم انسانی. 4. شماره 53-70. - ص. 1390. - زمستان 4 دوره جدید. - شماره 554 - 550. - ص. 55. - شماره 1356 دکتر فرشیدورد// گوهر. - مهر د. - ISBN 978-964-372-039-1

6. ISSN 1023-7976. ص 375-1334 اسفند 34 منوچهر مرتضوی. چند پسوند // دانشکده ادبیات و علوم انسانی تهریز. زبان و ادب. – شماره 6.

7. Косова М.В. Терминологизация как лексико-семантический процесс. // Косова М.В. Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – №2. – С.42-48 – ISSN 1814-6465

Сухоруков О. М. Лексико-генетична характеристика перської лінгвістичної термінології / О. М. Сухоруков, А. В. Сухорукова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 102–108.

У даній статті розглядається лінгвістична терміносистема перської мови з позиції її генетики, языка с позиции её генетики, проводиться її структурний аналіз і визначаються основні закономірності та тенденції розвитку.

Ключові слова: перська мова, лінгвістична термінологія, генетична характеристика, термінологізація, ретермінологізація.

Sukhorukov O. M. Lexical and genetic characteristics of Persian linguistic terminology / O. M. Sukhorukov, A. V. Sukhorukova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 102–108.

This article deals with the linguistic terminological system of Persian language from genetic point of view. The article also represents it's structural analysis, main appropriatenesses and trends it's development.

Keywords: Persian language, linguistic terminology, genetic characteristics, terminologization, reterminologization.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ТОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Бахшиева Т.

Институт языкознания им. Насими Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com

В статье исследуются топонимы тюркского происхождения, которые обладают большим значением в изучении истории и языка тюркских народов. Автор на обширном материале дает этимологию некоторых широко распространенных топонимов, раскрывает географию его распространения.

Ключевые слова: тюркология, топонимы, этимология, история тюрков, язык

Постановка проблемы. Исследование топонимов имеет большое значение в решении вопросов, связанных с историей, языком, этногенезом народа. До наших дней дошли не все топонимы, именованные тюркскими народами. Некоторые из них изменены, а некоторые забыты. Именно, поэтому исследование топонимов, отмеченных в исторических источниках, имеют очень большое значение.

Географическое название в себе поддерживает богатый облик тюркских языков. Иногда при обследовании тюркских топонимов недостаточным бывает материал одного тюркского языка. Поэтому следует обращаться к родственным тюркским языкам. Этимологию тюркских топонимов Кавказа невозможно объяснить на основе азербайджанского языка, и поэтому необходимо обращаться к материалам древнетюркских языков и родственных тюркских языков. Например, слова *barik*, *uruiq*, *şülən*, *sunqur*, *yazi*, *sarp*, *buğur*, *yavuiq* участвуют в создании топонимов, зафиксированных в XIX веке *Barik* в Олтинской области, *Uruq*, *Oysunqur* в Терской области, *Uruq – şato*, *Şüləni* в Дагестане, *Sunqurdağ*, *Qarayazi*, *Sarpsu*, *Buğur* в Азербайджане, *Yavuiqlu* в Тифлисской губернии.

Обратим внимание на этимологию некоторых тюркских гидронимов. Название реки *Шура-Озен* на территории Дагестана создано на основе двух номенклатурных терминов. В кумыкском языке *шура* означает «пруд», «лужа» [1, 138]. В некоторых тюркских языках наблюдается употребление слово *озен* в различных формах. *Озен* в хакасском и кумыкском языках, *озон* на киргизском языке, *узан* на узбекском языке употребляется в значении «маленькая река», «река», «устье реки», «неглубокое ущелье», «ущелье» [2, 166]. В связи с географическим термином *озен/озон/узен* встречаются гидронимы *Буюк-Узен*, *Уллу-Озен*, *Узен-баи* в Крыму [3, 191], *Аралы-Озон*, *Берт-Озон*, *Кара-Озон* на Горном Алтае [6, 84], *Узенсай*, *Узен* в Казахстане [5, 229], *Кара Озен*, *Какаозен* в Дагестане [1, 92]. Река *Адыр суу* выпадает в реку *Баксан*. В.В.Радлов отмечает, что слово *адыр* имеет значение «страна, расположенная на неровном месте», а слово *адир* «голый холм» [6, 494]. Е. Мурзаев пишет, что голые холмы, на которых только трава растёт весной, называют *адыр* [7, 20]. По мнению исследователей, гидроним *Адыр суу* имеет значение «река горного хребта». В «Кавказском календаре» со словом *адыр* отмечено название села в Кубинском

уезде Бакинской губернии. В Огузском районе Азербайджана приток реки *Кара чай* носит название *Адыр чай*. Слово *адыр* встречается в топонимии тюркских народов. На территории Горного Алтая существуют топонимы *Адыр Кая*, *Адыр Кол*, *Адырлар*. Река, которая течёт по территории Ставрополя, называется *Айгыр*. В связи со словом *айгыр* на Кавказе существовало название села *Айгыр-гёль*, озера *Айгыр-гёль* в Карском округе Карской области (XIX век).

Э. Севортян отмечает, что основное значение слово «*жербец*», но оно употребляется и в других значениях: 1. страстный – в туркменском языке; 2. отважная, боевая женщина – в ногайском языке; 3. сильная личность – в якутском языке [8, 107]. На территориях населённых тюркскими народами, в связи со словом *айгыр* распространены много географических названий. О.Т. Молчанова отмечает, что топоним *Ала-айгыр* на территории Горного Алтая употребляется в значении «жерребёнок» [9, 128]. В Казахстане есть географические названия *Айгыр булак*, *Айгыр жал*, *Айгыр кум*.

Кёнденен чай левый приток реки Аракс и *Кюнденен* левый приток реки *Баксан* связаны со словом *кёнденен* (поперечный). Е. Мурзаев пишет, что в связи со словом *хунделен* в Монголии распространены географические названия, которые обычно употребляются для обозначения рек, ущелий, расположенных поперечно и перпендикулярно водопроводам. В связи со словом *кёнденен* в Монголии есть реки *Хунделен*, *Кунделен*, *Кундулун*, гора *Кундулун*. В Иране существует село *Кёнденен*.

Одна из рек на Кавказе носит название *Бурган чай*. Этимологический анализ показывает, что вначале название реки было *Булган чай*. В древних тюркских словарях указывается, что *булган* имеет значения «*смешиваться*», «*мутиться*», «*пачкаться*» [11, 122]. Чередование звуков *р~л* в тюркских языках широко распространено. Географические названия, связанные со словом *булган* встречаются и на других территориях, где жили тюркские народы. В Монголии река и один из аймаков носит название *Булган*. В топонимии Азербайджана и тюркских народов встречается параллельность. В этих топонимах ярко выражается богатый потенциал тюркских языков. Одно и то же имя может встречаться как в близком, так и в далеком ареале. Иногда бывают некоторые фонетические различия. В результате этой исследовательской работы можно получить дополнительные факты в области изучения параллельных топонимов.

Некоторые параллельные топонимы на территории Азербайджана и Татарстана связаны с именами тюркских племён. Обратим внимание на эти этнопонимы. Например, топонимы *Татар*, *Татарлы*, *Татарчай*, *Татар мехле*, *Татар кая*, *Татар каясы*, *Татар дереси*, *Татар дюзю* в Азербайджане связаны с этнонимом «татар».

Некоторые параллельные топонимы на территории Азербайджана и Татарстана образовались на основании этнонима «*балта*». Например: *Балталы*, *Балталы дюзю* в Азербайджане, *Балтачы* в Татарстане. По мнению некоторых исследователей, топонимы, в составе которых участвует слово *балта*, образовались на основе этнонимов. Но существует и другое предположение, что эти географические названия образовались на основе антропонимов. Обратим внимание на географию распространения этого этнопонима: *Балтабай*, *Балтакол*, *Балталы (Казахстан)*, *Балта газы*, *Кара – Балта (Киргизия)*, *Майлыбалта (Узбекистан)*, *Кызыл Балта (Горный*

Алтай), Балталы, Балтачы (Турция), Балтачы (Иран) и другие. Если учесть ареал распространения этого слова в топонимии, то можно предположить, что все – таки оно сформировалось на основе этнонима.

В составе топонимов *Казанчи*, *Казанлы*, *Казандаг* на территории Азербайджана и *Казан* на территории Татарстана участвует этноним *газан/казан*. На основе этнонима *сабанчы/сабанчу* образовались ойконимы *Сабунчи* в Азербайджане, *Сабанче* в Татарстане. Этот этноним образовался в связи с земледелием. Слово *сабан* на тюркских языках означает «плуг», «соха» [11, 415]. В тюркских языках слово *яр* означает *отвесная скала, крутой берег, обрывистый склон, овраг*. В начале этого слова встречается чередование звуков *у-ç-с*. В Азербайджане в связи с этим словом есть топонимы *Агяр*, *Бененяр*, *Джар*, *Чардам*, в связи со словом *чал* есть топонимы *Чалбурун*, *Чалдаг*, *Чалдаш* и др. Некоторые параллельные топонимы связаны с зоонимами. Например, *Чоратан* (Азербайджан), *Чортанлы йелга* (Татарстан), *Чуратан* (Горный Алтай), *Чортан* на тюркских языках означает «щука». Ещё один факт привлёк наше внимание. Как известно, чередования звуков характерны для тюркских языков. Переходы звуков в тюркских языках широко распространены. На территории проживания тюркских народов встречается чередование гласных. Например, переход *э~а* *Элмалы* (Кипр), *Алмалыг* (Азербайджан), переход *й~ө* *Güzelyurt* (Кипр), *Gözəlcədağ* (Азербайджан), переход *у~о* *Чухурюрд*, *Чухуроба*, *Чухурмахла* (Азербайджан), *Узек Чокур* (Татарстан), переход *и~э* *Эки тэбэ* (Кабардино-Балкарская республика), *Икинджи Капанлы* (Азербайджан), переход *и~й* *Küçükköy* (Кипр), *Кичикдаг* (Азербайджан), *Кичиксору* (Горный Алтай), переход *и~э* *Инджирли* (Кипр), *Əncir dağ* (Азербайджан), переход *у~а* *Бёйүкконук* (Кипр), *Конаккенд*, переход *ы~о* *Копчак* (Молдавия), *Кыпчак* (Азербайджан), переход *а~о* *Карасу* (Азербайджан), *Карасув* (Узбекистан) и др.

В топонимах встречается также чередование согласных. Например, чередование *р~b* в топонимах *Veşparmaq* (Кипр), *Veşbarmaq* (Азербайджан), *m~b* в *Muzbel* (Казахстан), *Vuzluq* (Азербайджан), *ç~ş* *Şamlıca* (Кипр), *Şamlıq* (Азербайджан) и т.д. В тюркских языках слово *яр* означает *отвесная скала, крутой берег, обрывистый склон, овраг*. В начале этого слова встречается чередование звуков *у-ç-с*. В Азербайджане в связи с этим словом есть топонимы *Агяр*, *Бененяр*, *Джар*, *Чардам*, в связи со словом *чал* есть топонимы *Чалбурун*, *Чалдаг*, *Чалдаш* и др. Некоторая часть параллельных топонимов на территориях, заселенными тюркскими народами, образовались на основе слов, обозначающих цвет. Эти лексические единицы в составе топонимов кроме обозначения цвета еще и сохранили в себе древние значения. Слова, обозначающие цвет в составе топонимов выражают величину, высоту, растительный покров объекта, цвет породы, качество воды. На основе слова *ак/аг*, который обозначает белый цвет, встречаются географические названия в Азербайджане: *Акдаш*, *Акдашсу*, *Аксу*, *Акйокуш*, *Акйатак*, *Акдере*, *Акъял*, *Акъязы*, в Татарстане: *Акташ*, *Акбаш-топ*, *Актай*. В топонимии Азербайджана и Татарстана существует слово *кара/гара* (черный цвет): *Карабаш*, *Карабей* (Азербайджан), *Карабай*, *Карабаш* (Татарстан). В топонимии тюркских народов в качестве красного цвета использовалось слово *кызыл/гызыл*. В топонимии Азербайджане существует *Кызыл архадж*, *Кызылказма*, *Кызыл бурун*, *Кызыл кая*, в Татарстане *Кызыл-Юлдуз*, *Кызыл-юл*. В

Татарстане встречается топоним *Элабуга* (*Ала буга*), в котором *ала* означает цвет. Это слово участвует в образовании топонимов *Аладаш*, *Алагел* в Азербайджане.

На древних тюркских языках «буга» означает олень. В топонимии Азербайджана в этом значении чаще всего используется его эквивалент «марал». Только около Шушинского района есть ороним *Бугадаг*. В Татарстане есть ойконим *Алабуга*. В составе параллельных топонимов встречаются слово «сай». *Сай* в тюркских языках означает «чистая вода, питьевая вода» [12, 480], *мелководье в русле воды, образованное вследствие занесения водой песчинок, сухое речное ложе покрытое гравием и мелкими камешками»* [2, 219]. В Азербайджане есть ороним, гидроним, ойконим *Сусай*. В Татарстане есть географическое название *Урсай*. В тюркской топонимии в качестве географического термина используются названия органов человека и животных. Например: *баиш* (*голова*), *гаиш* (*бровь*), *гез* (*глаза*), *богаз* (*горло*), *боюн* (*шея*), *дабан* (*пятка*), *агыз* (*рот*), *бел* (*талия*). Их также называют анатомические географические термины. В составе параллельных топонимов встречается компонент *йол/йул* (*дорога*). Например, в Азербайджане *Ёлагадж*, *Ёлайрыдж*, *Ёл оджаг*, *Ёлусту*, а в Татарстане *Кызылйул* и др. В древних тюркских языках слово *тархан* означает титул властителя. С этим словом связаны топонимы в Азербайджане *Тарханлы*, *Тарханйолу*, в Татарстане *Большой Тарханский* и др. В тюркской топонимии слово *даш* встречается в вариантах *даш/таиш/тас*. Для топонимии Азербайджана характерен вариант *даш*: *Дашалты*, *Дашбулаг*, *Дашарх*, *Дашкесен* и др. С помощью слова *таиш /даш* (*камень*) возникли названия озёр *Таслы Кол*, *Таслы Кую* Терской области (XIX век). Это слово в тюркских языках употребляется в разных фонетических вариантах: в азербайджанском языке *даш*, в башкирском *таиш*, в казахском *таиш*, в туркменском *дааиш*, в узбекском *тоиш*, в хакасском *тас*, в якутском языке *таас* [6, 96]. Очевидно, что гидронимы *Ташлы чай*, *Таслы Кол*, *Таслы Кую* получили названия в связи с тем, что они находятся на каменистых, скалистых местах. В Татарстане встречаются топонимы *Актаиш*, *Ташкирман*.

Выводы и перспектива. Характерным для параллельных топонимов тюркских народов является участие отличительных элементов в названиях повторяющихся топонимов. Отличительные элементы присоединяются к топонимам в конце или в начале. Лексические единицы, используемые в этом качестве, очень разнообразны. Отличительные элементы могут состоять как из слов одной семантической группы, так и из разных слов. В этом случае важным является географическое расположение, объем объекта, дата его образования, этническая принадлежность, а также принадлежность к какому-либо частному лицу. Параллельность в топонимах тюркских народов не является случайной, она является результатом общего образа мышления древних тюрков. Исследование топонимов обладает огромным значением в уточнении территорий, на которых исторически проживали тюркские народы и требует дальнейшего изучения в перспективе.

Литература

1. Бушуева Е.Н. Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Дагестанской АССР / Е.Н. Бушуева. – М., 1972
2. Донидзе Г.И. Гидронимические термины в тюркских языках / Г.И. Донидзе // Ономастика. – М., 1969. – С.164-171
3. Суперанская А.В. Гидронимия Крыма и Северо-Западного Кавказа / А.В. Суперанская // Ономастика. – М., 1969. – С. 188-198
4. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О.Т. Молчанова. – Горноалтайск, 1979. – 398 с.
5. Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Е. Койчубаев. – Алма-Ата: Наука, 1974. – 274 с.
6. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. т. I, ч.1, СПб/ В.В. Радлов. – Санкт Петербург: Типография императорской Академии Наук, 1893. – С.1052
7. Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1984. – 653с.
8. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общее тюркские и межтюркские основы на гласные) / Э.В. Севортян, 1974. – 768 с.
9. Молчанова О.Т. Топонимический словарь Горного Алтая / О.Т. Молчанова. – Горноалтайск, 1979. – 398с.
10. Мурзаев Э.М. Очерки топонимики / Э.М. Мурзаев. – М.: Мысль, 1974. – 382 с.
11. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
12. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. т. IV, ч.1. / Радлов В.В. – СПб, 1911. – С.1116

Бахшієва Т. Топоніми тюркського походження / Т. Бахшієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 109–113.

У статті досліджуються топоніми тюркського походження, які володіють великим значенням у вивченні історії та мови тюркських народів. Автор на великому матеріалі дає етимологію деяких широко поширених топонімів, розкриває географію їхнього поширення.

Ключові слова: тюркологія, топоніми, етимологія, історія тюрків, мова

Bakhshiyeva T. Toponyms of Turkish origin / T. Bakhshiyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 109–113.

Toponyms of Turkish origin reflect the history of Turkish people and its language. Over time, most origins disappear or are annihilated consciously. However, some geographic names keep alive their historical traces even in the areas where Turkish people do not live. One of the features belonging to the toponym`s of Turkish people is the existence of parallel names in different places.

Key words: Turkology, toponym`s (place names), etymology, history of the Turks, the language

Поступила в редакцію 15.09.2012 з.

УДК 811.512.162

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СИНОНИМИЧЕСКИХ РЯДАХ

Алиева З. М.

*Институт языкознания им. Насими Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Язык как средство общения постоянно развивается и совершенствуется. Реальным условием существования и развития языковых единиц является их тесное взаимодействие. Синонимия может по праву считаться универсальным явлением, т. к. она свойственна практически всем языкам. Синонимия свойственна не только лексической, фразеологической, но и грамматической и словообразовательной системам языка. В тюркских языках весьма распространенной была синонимия несловообразовательного порядка, т. е. семантическая подобозначность, соотносительность.

Ключевые слова: эволюционные проблемы, семантика прилагательных, синонимический ряд, лексико-семантические процессы, лексический уровень, структуры языка, сигнификативный аспект, структурный аспект, эмотивный аспект, проявление системности

Постановка проблемы. Язык как средство общения постоянно развивается и совершенствуется. Реальным условием существования и развития языковых единиц является их тесное взаимодействие. На лексическом уровне такое взаимодействие способствует уточнению и перераспределению значений слов, а также параллельному изменению их структуры [7, 102-105].

Описание конкретных лексико-семантических процессов, протекающих в ту или иную историческую эпоху, требует от исследователя изучения в первую очередь объективно существующих связей и отношений между словами, и их различными группами. Не случайно, что «основным предметом изучения становятся теперь не изолированно рассматриваемые объекты, а целостные системные образования. При таком подходе изучение исторического развития существенно осложняется, однако только на этом пути можно вскрыть объективные закономерности, присущие процессу развития [2, 141-143].

Результаты исследования и обсуждения. Синонимия может по праву считаться универсальным явлением, т. к. она свойственна практически всем языкам. Всякий лингвистический знак является синонимом и омонимом одновременно. Иначе говоря, он одновременно принадлежит к ряду переносных транспонированных значимостей однако и того же знака. Синонимия свойственна не только лексической, фразеологической, но и грамматической, словообразовательной системам языка. Иными словами, это характерное явление языков разных типов. Всякое суждение о синонимическом богатстве того или иного языка неизбежно оказывается субъективным (4, 83-85). С точки зрения структуры языка более важным представляется то, как организуются и распределяются языковые ресурсы. Большое количе-

ство синонимов свидетельствует о том, что говорящее на данном языке обществе придает огромное значение явлению, имеющему эти синонимы.

В отличие от полисемии и омонимии, синонимия представляет наибольший интерес как ономазиологическая категория. Синонимия отражает в языке свойства объективного мира. Лингвистическая природа синонимии в тюркских языках определяется различной степенью семантической близости языковых единиц и объясняется асимметрией знака и значения, их неустойчивым равновесием, стремлением выражать известное содержание не только своим основным знаком (первичной формой), но и другими языковыми средствами [3, 105-108].

Известно, несколько подходов к определению и изучению синонимии в тюркологии. Эти подходы соответствуют разным аспектам значения слова. В сигнификативном аспекте синонимы определяются как лексико-семантические варианты одной и той же части речи с полностью или частично совпадающими значениями. В структурном аспекте они рассматриваются как слова, которые могут замещать друг друга, изменяя при этом смысла предложения. Следует отметить, что такое понимание синонимии идет от логики, где оно является распространенным. Если два имени являются синонимами (имеют во всех отношениях одно и то же содержание), то всегда можно одно заменить другим, не меняя содержание целого [2, 27-34].

В мотивационном аспекте синонимы выражают эмоционально-экспрессивную оценку обозначаемого. Безусловно, семантической сущности синонимии и критерием ее проявления в конкретном случае является эквивалентность содержания лексических единиц.

Таким образом, синонимия – эквивалентность всего или части содержания лексических единиц, а сами синонимы семантически тождественны в пределах всех или части своих значений и в соответствии с этим взаимозаменяемы в тексте в тех нейтрализуемых, слабых позициях, которые соответствуют их общему содержанию, т. е. пересечению объектов их значений.

Синонимия – одно из проявлений системности в лексике. Поэтому проблема синонимических связей относится к числу наиболее актуальных в современной лексикологической науке. Синонимические отношения характеризовали все этапы развития языка. Именно необходимостью раскрытия системных отношений в тюркских языках продиктован и системный подход к его единицам в частности, к специфическому проявлению синонимии. Каждая синонимическая пара или синонимический ряд строится на реализации соответствующего значения составляющих эти пары и ряды лексических единиц, хотя последние могут быть как однозначными, так и многозначными. Многозначные прилагательные в тюркских языках образуют сложные иерархические семантические структуры, которые могут иметь дифференциальные и интегральные признаки. Благодаря последнему полисемантические слова вступают в синонимические отношения.

История качественных синонимических и относительных прилагательных в тюркских языках, свидетельствуют о том, что подобозначность, обеспечивая взаимодействие слов, сама же выступает основой их семантического противопоставления, конкуренции, превращается в некий состязательный механизм их семантического развития. Другими словами, она переходит в свою противоположность, ведет

к разрушению того, чем одно слово сближалось с другими словами. Поэтому на начальном этапе формирования национальных литературных тюркских языков, синонимия характеризовалась большей конфронтационностью и неустойчивостью, которые уже на зрелом этапе убывают с постепенной семантико-стилистической дифференциацией вариантов. Развитие вариантной подобозначности в сторону все большего ее преодоления и распада не оправдывает мысль о постепенном угасании синонимии в данной структурно-семантической группе имен прилагательных в тюркских языках. Исторический процесс формирования отвлеченных значений у этих прилагательных обеспечивает их последующее вхождение в новые синонимические пары и ряды, т. е. потоки на одном полюсе языковой синонимии непременно возмещались новыми приобретениями на другом, более высоком уровне. Только данная синонимия не была столь конфронтационной, хотя состязательность между подобозначными представляют не избыточные с точки зрения языковой системы варианты, а самостоятельные лексические единицы. Интерес к различным этапам развития лексической системы тюркских языков был неоднозначен.

Лексикографическая практика XI века, значительной степени систематизировавшая лексику этого периода, существенно облегчила задачи исследования национальных тюркских языков. Известный тюркский ученый XI века Махмуд Кашгарский со своим словарем «Дивани лугат-ит турк» внес огромный вклад в развитие тюркской лексикографии.

Словарь Махмуда Кашгарского составлен в XI веке на основе записей живого словоупотребления, облеченного часто в рамки искусственных синтаксических конструкций и поданного по схеме классической арабской грамматики, мало удобной для описания тюркских языков. Словарь содержит множество поговорок и песен и некоторые наблюдения над языковыми особенностями древнетюркских языков и диалектов. Единственный экземпляр рукописи этого словаря хранится в Стамбуле. Словарь Махмуда Кашгарского включает значительную часть лексики тюркских языков и диалектов XI века. Многие лексические единицы, зафиксированные в словаре, в наши дни являются архаизмами.

Разноязычные и разнодиалектные варианты в языке Махмуда Кашгарского употребляются в качестве синонимов:

- 1) Каз-азгу-йиг (хороший);
- 2) азын-онгин-онин (другой);
- 3) каз-йахшы (хороший);
- 4) толун-толуг-толу (полный) [6, II, 103-105; 6, I, 81-84; 6, III, 74-76].

Синонимические ряды в словаре Махмуда Кашгарского составляют архаические слова, диалектизмы, слова арабского и персидского происхождения. Часто параллельно с архаическими элементами выступают в качестве синонима неархаические прилагательные; один из них обычно является словом, относящимся к восточной группе, а иногда оба являются юго-восточными: напр.: каз-йахшы (хороший); аркли-арклыг (вольный) и т. д [6, II, 84-86; 6, I, 23-25]. В качестве синонимов встречаются и разнодиалектные слова, которые употребляются и в современных огузской, кыпчакской и восточной группах языков: аджы-аджык (горький); ары-арыг (чистый) [6, I, 31-37]. Наиболее старым литературным памятником на тюркском

языке было эпико-дидактическое сочинение «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского [8, 103-105]. Язык этого поэтического сочинения свидетельствует о существовании известной литературной традиции на тюрки, вопреки утверждению Юсуфа Баласагунского, что его книга первая на тюркском языке. Памятник дошел до нас в трех списках, которые хранятся в Вене, Каире, и Ташкенте. В «Кутадгу билиг» даны синонимические ряды следующих прилагательных: улу-улу (великий); баглы-баглы (связанный); татлы-татлы (вкусный); турлу-турлу (разный); куру-куру (сухой) и т. д. [8, 80-102].

В конце XI в начале XII века появляется поэма поэта Ахмеда Югнеки «Атебат ал Хакаик». В поэме даны некоторые синонимические ряды древнетюркских прилагательных: артаг-арта (плохой); арклиг-аркли (героический) и т. д. [1, 25-31].

Выводы и перспектива. Изучение синонимических отношений на материале языка произведений среднетюркского периода, еще раз показало некоторые специфические черты языковой эпохи. Эти особенности определялись сложным соотношением различных генетических пластов лексического запаса, семантической дифференциацией и специализацией прилагательных. Все это повлияло на характер и типологию конкретных синонимических рядов прилагательных в тюркских языках. К поэтическим произведениям среднетюркского периода относятся следующие: «Кисса-и Юсуф (или «Юсуф и Зулейха») Али; «Мухаббатнаме» Хорезми; «Хосров и Ширин» Кутба; «Гулистан» Сейфа Сарай, «Диван» Кади Бурханеддина.

В тюркских языках весьма распространенной была синонимия несловообразовательного порядка, т. е. семантическая подобозначность и соотносительность, не подкрепленная структурно-словообразовательным фактором. Характерная для начального этапа формирования национальных литературных тюркских языков семантическая плановость, диффузность, нечеткость смысловых границ синонимов, словообразовательных дублетов и словообразовательно несоотносительных прилагательных создавали условия для избыточной синонимии, которая была нетерпимой для качественно нового этапа языковой системы.

Литература

1. Arat R.R. Edib Mahmud Yükneci, Atebetül-Hakayık / Arat R.R. – İstanbul, 1951. – 302 s.
2. Atalay B. Et tühfet-üz zeniyye fil luqat-it türkiyye / Atalay Besim / ceviren Besim Atala. – İstanbul, 1945. – 204 s.
3. Battal A. İbnü Mühenna luqatı / A. Battal. – İstanbul, 1934. – 201 s.
4. Боровков А.К. «Бадаи ал лугат» – Словарь Тали Имани Гератского, к сочинениям Алишера Навои / А.К. Боровков. – М., 1961. – 243 с.
5. Гордлевский В.А. Грамматика турецкого языка / В.А. Гордлевский. – М.: Ин-т востоковед. им. Н. Нариманова, 1928. – 145 с.
6. Mahmud Kaşgarlı. “Divani lüqat-it türk”. – cilt I / Mahmud Kaşgarlı. – Ankara, 1939. – 302 s.; cilt II, Ankara, 1940, 340 s.; cilt IV, Ankara 1941, 434 s.
7. Казем-бек Мирза А. Общая грамматика турецко-татарского языка / Казем-бек Мирза А. – Казань, 1846. – 351 с.
8. Əsgər Ə. Qutadqu bilik / Əsgər Ə. – Bakı: Elm, 2003. – 319 s.

Алієва З. М. Еволюційні проблеми семантики давньотюркських прикметників у синонімічних рядах / З. М. Алієва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 114–118.

Мова як засіб спілкування постійно розвивається і вдосконалюється. Реальним умовою існування і розвитку мовних одиниць є їх тісна взаємодія. Синонімія може по праву вважатися універсальним явищем, оскільки вона властива практично всім мовам. Синонімія властива не тільки лексичної, фразеологічної, але й граматичної і словотворчої системам мови. У тюркських мовах вельми поширеною була синонімія несловотворчого порядку, тобто семантична подібозначність, співвідносність.

Ключові слова: еволюційні проблеми, семантика **прикметників**, синонімічний ряд, лексико-семантичні процеси, лексичний рівень, структури мови, сигніфікативний аспект, структурний аспект, емотивний аспект, прояв системності.

Aliyeva Z. Evolutional problems of semantics in old Turkish adjectives in synonymic lines / Z. Aliyeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 114–118.

The language as communication mean is developing and improved by real condition of existing and development of language units are their close interaction. Synonymy can be considered as universal phenomenon, as it is peculiar to almost all languages. Synonymy is peculiar to not only lexical, phrasological, but also grammatical and word-forming systems of language synonymy of non-word forming manner, semantically interrelationship is extended in Turkish languages.

Key words: evolutionary problems, adjectives semantics, synonymic line, lexico-semantic processes, lexical level, language structure, significant aspect, structural aspect, emotive aspect, system manifestation.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК.82.512.145.»19»:(17+111.852)

ЗАКИ ВАЛИДИ ТОГАН: ПРОБЛЕМЫ ТЮРКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Юнусов Ш. Э.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: schew.yunusoff2010@yandex.ua*

В статье рассматриваются проблемы схожих общественно-политических и мировоззренческих тенденций башкирского и крымскотатарского народов в начале XX века, а также отдельные моменты в судьбах национальных лидеров в контексте научного и идейного наследия Заки Валиди Тогана.

Ключевые слова: самоидентификация, историческая проза, лидер, автономия, самобытность.

Актуальность. В историко-тюркологической науке Крыма имя и идейно-научное наследие башкирского учёного Заки Валидова (Заки Валиди Тогана, 1890-1970) представлено слабо. В силу тенденциозных политических причин ряд его трудов остаётся не изданным, поскольку в отношении них до сих пор наблюдается некая напряжённость.

Постановка проблемы. В настоящей статье сделана попытка анализа идентичных явлений в национально-идейной и социально-политической жизни отдельных тюркских народов. При рассмотрении обозначенной темы привлечены материалы из современной крымскотатарской художественной литературы и публицистики.

Объектом исследования является идейное и научное наследие З. Валидова. **Предмет исследования** – идейное взаимовлияние политических лидеров башкирского и крымскотатарского народов в начале XX века.

Цель – объяснить наличие идентичных социально-политических явлений в тюркской среде в начале прошлого столетия. **Задачи:** проследить процесс автономизации тюркских регионов; показать их отражение в крымскотатарской художественной литературе.

Методы исследования – компаративистский и герменевтический.

Пробуждение национально-этнического самосознания в первой четверти XX века в ряде тюркских регионов России с особой обострённостью начало стимулировать поиск путей национальной самоидентификации. Возникновение Башкирской, Кокандской, Крымской Автономий или такого образования, как Автономия «Алаш-орды» в Казахстане, а также партии «Мусават» в Азербайджане или национальной директории партии «Миллий фырка» в Крыму было вызвано политической активизацией тюркских народов в период революционных событий 1917 года [1]. Эти процессы способствовали выявлению национально-политических лидеров: такие лич-

ности, как Заки Валиди, Мулланур Вахитов, Номан Челебиджихан, Абдурауф Фитрат и др. сумели продемонстрировать свои возможности и зрелость. Благодаря активной гражданской позиции и чувству исторической ответственности таких людей национально-идейная и социально-политическая схожесть в устремлениях тюркских народов оказывала стимулирующее воздействие на их дальнейшее определение своего «незаемного места в общепланетарном человеческом сообществе» [2, 5]. Их идеи способствовали реальному решению насущных проблем национально-этнического возрождения. Однако сегодня процесс восстановления доброго имени отвергнутых некогда официальной идеологией личностей даётся нелегко, хотя, народы, которых представляли эти люди, трепетно относятся к своим героям. Так, порою в СМИ наблюдаются неэтичные высказывания в адрес З. Валидова, когда этот видный башкирский политический деятель, учёный энциклопедического уровня становится объектом политических выпадов, мощного пропагандистского наката. Однако, личность Заки Валидова настолько глубока и многогранна, что заставляет задуматься и о его отношениях с крымскотатарским народом. Однако приходится констатировать, что его работы до сих пор не вовлечены в научный оборот и историко-образовательный процесс.

Вопрос об отмеченной идентичности в первой четверти прошлого столетия необходимо рассматривать с учётом конкретно-исторической и политической обстановки. Так, если первая в истории России автономная государственность возникла в Башкирии в 1919 году под идейным влиянием и при личном активном участии Заки Валиди Тогана, то национально-территориальная Автономия в Крыму была провозглашена 18 октября 1921 года. Ей предшествовали бурные общественно-политические события и горячие дебаты – 10 декабря 1917 года национальный съезд представителей крымскотатарского народа (Курултай) провозгласил Крымскую демократическую республику. Однако вскоре эти начинания были жестоко подавлены, вследствие чего большевиками был жестоко убит первый муфтий Крыма и Председатель Мусульманского исполкома Номан Челебиджихан, чуть позже – Председатель ЦИК Крыма Вели Ибраимов, поэт-классик Амди Герайбай. А между тем, период до полного установления политической монополии большевиков (1928 г.) был временем, когда советская власть в силу, видимо, непрочности своих позиций вынуждена была проводить сравнительно либеральную политику по отношению к крымскотатарскому народу в начале установления своего режима. Используя эти факты в качестве материала для своего исторического романа «Татары», представитель крымскотатарской диаспоры Румынии Гюнер Акмолла устами героя произведения выводит свою концепцию вечности народа: «Şehit bergen millet eş bir vaqıt ritmez» («Народ, сумевший вырастить своих национальных героев, никогда не переведётся») [3, 203].

Революционные события и последовавшие за ними социальные потрясения не оправдали надежд национальной интеллигенции. Как следствие, ряд лидеров национальных движений, не принявших политику большевистской власти, вынуждены были выехать в другие регионы или же и вовсе эмигрировать. Так, З. Валидов уехал в Туркестан и примкнул там к повстанческому движению, а Джафер Сейдамет (1889 – 1960), назначенный Курултаем министром Внутренних дел и Обороны Крымской

АССР, бежал в Турцию. (Подобно «Воспоминаниям» З. Валидова, в 1993 году увидел свет солидный очерк и Джафера Сейдамета «*Vazi hatıralar*» («Некоторые воспоминания»), где он подробно описал реалии Крыма в контексте социально-политических событий, разворачивающихся в мире). Ввиду складывающейся непростой политической обстановки немного позже (1924 г.) член партии Миллий фирка проф. Бекир Чобан-заде уедет в Азербайджан и возглавит филологический факультет Бакинского университета. Последний, как известно, будучи специально приглашаемый, читал лекции по тюркологии в ряде европейских и российских вузов, а в 1930 году открыл и возглавил кафедру узбекского языка в Ферганском пединституте. Как отмечает современный крымскотатарский литературовед Сафтер Нагаев (1941-2009), Курултай, проводившийся в Коканде 9 декабря 1917 г. и объявивший Туркестан Автономией, объединил Бекира Чобан-заде, Фитрата, Мустафу Чокаева, Номана Челебиджихана и Заки Валиди Тогана [4, 78-79] как идейных соратников, что надо полагать, способствовало в дальнейшем сверке их политических часов.

Заки Валиди постоянно пребывал в состоянии поиска ответа на животрепещущие вопросы исторического времени. Как писал Лев Шелестов, вероятно, всякая глубокая мысль должна начинаться с отчаяния. В первой четверти XX века мусульманская интеллигенция свою главную цель видела в поиске путей выведения народа из состояния статики, но без утраты ими культурно-этнической и религиозной идентичности. В письме татарскому писателю, учёному и общественному деятелю Абдулле Батталу Таймасу (1883-1969) от 30 июня 1935 года Заки Валиди выражает своё отношение к проблеме общего тюркского языка и культуры, из которого явствует, что во время двух Курултаев башкирского народа, состоявшихся в 1917 и 1918 годах, он придерживался мнения о необходимости сохранения фонетической самобытности каждого тюркского народа, в противном случае, – пишет тюрколог, – вопрос об «общем тюркском языке и культуре» «является сложным». Такие учёные, надо полагать, силу «тюркскости» видели в неповторимости каждого отдельного тюркского языка. Крымскотатарский писатель Абибулла Одабаш (1881-1938) в своём аллегорическом стихотворении «Заваллы тайым» («Мой бедный жеребёнок», 1913г.) стоит на тех же позициях: стройный, красивый и умный жеребёнок, долгое время пребывавший среди волов (огюзлер – по-крымскотатарски), сам того не ведая, начинает походить на волов (огюзлеше), тем самым теряя присущие кыпчакам характерные лексические и орфоэпические особенности. Воистину, «культура, уподобившаяся другой, исчезает за ненадобностью». Многие годы спустя, обращаясь к проблеме речевой компетенции крымскотатарской диаспоры Румынии конца XIX – начала XX века, Гюнер Акмолла в упомянутом выше историческом романе с некоей долей иронии изобразит молодых людей, получивших образование в Турции и, соответственно, испытавших сильное влияние турецкого языка: теперь при приветствии вместо традиционного «*selamalikim*» они говорят «*selamun aleyküm*», из-за чего в народе о таких стали отзываться как о «*malumatça qonuşqanlar*» («разговаривающих интеллигентно»). Думается, в такие подробности был посвящён и Заки Валиди, поскольку его дальнейшая судьба оказалась связана с эмиграцией, где он развернул бурную научную и общественную деятельность. Однако советская власть не простила ему излишней самоуверенности: в годы репрессий были расстреляны его отец

и младшие братья. В опальном положении оказалась и супруга учёного. Как пишет Амир Юлдашев, «надежды выволить жену из Союза нет. Более того, проявляя настойчивость, можно и её подвести под расстрел. А быть одиноким тяжело даже для него, человека с недюжинной волей и энергией. И он в 1940 году женится на своей аспирантке, прибывшей из Румынии крымской татарке (Назифе – Ш.Ю.). Рождаются дочь (1940) и сын (1943)». Так, став «киевом» («зятем»), Заки Валиди Тоган породнился с крымскотатарским народом.

Результаты исследования. Для осмысления идейно-научного наследия некогда преданного забвению широко эрудированного человека, тюрколога и востоковеда, политического деятеля и философа З. Валидова башкирские учёные прилагают немало усилий. В силу, прежде всего, политических причин его труды до сих пор не явились объектом научного познания и в Крыму. В своей работе мы попытались представить связь учёного с крымскотатарским народом в контексте тюркской идентичности. Однако такие вопросы, как возможные контакты Заки Валиди Тогана с Джафером Сейдаметом в Турции, проблемы литературно-художественной преемственности в башкирской и крымскотатарской словесности в рассматриваемый период, башкирские мотивы в творчестве крымскотатарского поэта, писателя, драматурга и режиссёра Умера Ипчи, учившегося в медресе «Галия», ждут своего исследователя.

Литература

1. Ланда Р.Г. Политический ислам: предварительные итоги [Эл. ресурс] / Р. Ланда. – Режим доступа: www.iimes.ru/rus/2005/r2005reg_r.htm
2. Суюнова Н. И жизнь продлится... [монография] / Н. Суюнова – Ставрополь, 1999. – 152 с. – ISBN 5-93078-003-X.
3. Akmolla G. Tatarlar [роман] / G. Akmolla. – Румыния: Editura Newline. – Т.1. – 2009. – 304 с. – ISBN 978-973-88492-5-9.
4. Нагаев С. Девир аралыкъларында [очерки] / С. Нагаев. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2008. – 320 с. – ISBN 978-966-354-203-4.

Юнусов Ш. Е. Закі Валіді Тоган: проблеми тюркської ідентичності / Ш. Е. Юнусов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 119–122.

У статті розглядаються проблеми схожих суспільно-політичних і світоглядних тенденцій башкирського і кримськотатарського народів на початку ХХ століття, а також окремі моменти в долях національних лідерів у контексті наукової та ідейної спадщини Закі Валиди Тогана.

Ключові слова: самоідентифікація, історична проза, лідер, автономія, самобутність.

Yunusov Sh. E. Zacky Validi Togan: problems of Turkic identity / Sh. E. Yunusov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 119–122.

The article considers the problems of similar socio-political and philosophical trends of the Bashkir and Crimean Tatar peoples in the beginning of the twentieth century, as well as individual moments in the history of national leaders in the context of scientific and ideological legacy Zacky Validi Togan.

Key words: self-identification, historical prose, leader, autonomy, identity.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ МИФОВ И ЛЕГЕНД НАРОДОВ АЗЕРБАЙДЖАНА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Гусейнова З.

*Кавказский университет, Азербайджан
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Место сохранения мифологических верований и представлений, пройдя через фильтр мифологического времени, превращается в объекты легенд и преданий. В глубокие слои мифологии характер мифологических образов проявляется более ярко. В этом временном слое мифологический образ сохраняет естественность формы, не воспринимается настоящим мышлением.

Ключевые слова: миф, легенда, система образов, сказка

Постановка проблемы. У азербайджанских, английских, ирландских, шотландских, кельтских и валлийских мифов и легенд есть самобытные мифологические образы. Эти образы, будучи продуктом их мифологического мировоззрения, отображая этнографические события, обеспечивают также жизнь их мифологических верований, представлений. Сравнительно-сопоставительное исследование на материале азербайджанских, английских, ирландских, шотландских, кельтских и валлийских мифов и легенд проводится впервые, что объясняет **актуальность** рассмотрения данного вопроса и открытость поставленной проблемы.

Мифологические образы в азербайджанских и английских легендах и преданиях, можно сказать, соответствуют друг другу. Например, в азербайджанских легендах меч считается священным и, рассматривая его вместе с героем, сила этого средства воспевается в значительно большей степени. Это чаще всего проявляется в легендах, связанных с Хазретом Али, в представлениях о его мече Зульфугаре. Еще одна причина этого связана с выведением Хазрета Али из исторической реальности и укутыванием его в мифологическую тюль. Насколько бы герой не кутался в легендарную ткань, настолько и его меч будет иметь волшебное значение. Эту двойность мы видим и в Кероглу, и мече Мисри. В легендах о Кероглу показывается, что меч Мисри сделан из громового камня, может расщепить даже скалу, камень. Герой и меч в азербайджанских легендах теснее отображают эту двойность. Необычность и героя, и меча составляет основу содержания легенд.

В легенде «Молния-меч», рассказывающей о герое и героических мотивах, сына Алдеде зовут Гороглу. Его меч столь же могуч, как и он сам. Называется он Молнией. Окруженный войсками халифа Гороглу, будучи в седле своего коня Гёйсу, наносит удар по скале мечом. Рассекает скалу надвое и прокладывает себе дорогу [3, 141–145]. Миф о мече Мисри нашел свое отражение и в легенде «Камень с мечом Кероглы». «Мечом Мисри Кероглу уничтожает врагов. В последние дни своей жизни Кероглы, чтобы меч Мисри не попал в руки врагов, вонзает его в каменную плиту на вершине горы Дод [3, 213].

Мифологические и волшебные образы, встречаемые нами в азербайджанских легендах, есть и в английских и ирландских легендах и преданиях. Например, фея в древней кельтской легенде «Коннла и волшебная фея» является мифологическим образом. То есть её существование связано с космосом, она живет в мифологическом пространстве. В азербайджанских легендах есть немало трансформаций, которые относятся к фее. Фея, встречающаяся во многих легендах как русалка, связана с первичной стихией.

В легендах, связанных с Сарой, русалка, выйдя из мифологического образа, описывается в облике прекрасной девушки. Это мифологическое существо встречается в азербайджанском фольклоре и в облике водяного покровителя – *su gʻyasi*. В азербайджанских, английских, ирландских, шотландских, кельтских легендах русалка в то же время обладает мифологическими качествами водяного – владычицы водной. В тексте «*Su Əyası*» рассказывается, что однажды двое в сумерках ловили рыбу. Вдруг в невод попадает рыба. Но рыба издает такой звук, что рыбак быстро выбрасывает её в воду. Немного спустя глаза обоих рыбаков слепнут. Оказывается, в невод попал водяной [4, 61]. Образы фей в азербайджанских сказках встречаются чаще. И места обитания фей в сказках различны. Они могут, улетев из мест своего обитания, прилететь в места обитания мифологических героев, даже выйти за них замуж, родить детей и т.д. Феи помогают мифологическому герою в борьбе с падишахом, тираном, они обладают волшебным даром.

«Дочь падишаха фей» – заколдованная фея, её спас из страны дивов мифологический герой, взамен фея вышла за него замуж, спасла героев от многих бед [2, 172 – 181]. Образ феи в валлийской легенде встречается исключительно как мифологический образ. Фея ставит условие, что если к ней прикоснется железо, она исчезнет. У феи рождается 3 сына. После случайного прикосновения железа к фее, она покидает землю. И никогда не возвращается назад [5, 28 – 32].

Как в английских, так и в азербайджанских легендах уход обиженных фей является объединяющим их основным характером. Обидевшись, они превращаются в птиц и улетают. В азербайджанских текстах герои видят их в облике голубей. В сказках феи, превратившись в голубок, прилетают и купаются в озере. В азербайджанском мифе говорится о том, что когда некий молодой парень возле берега озера скирдовал сено, возле него села голубка. Голубка превращается в прекрасную девушку. Это повторяется несколько дней. В итоге они совокупляются. Ежедневно парень в жаркое время дня с этой голубкой купались в озере. Парень, проснувшись, каждое утро уходил на берег озера. А эта голубка, прилетая на берег озера и превращаясь в девушку, беседовала с парнем. Семья парня беспокоится из-за ежедневных утренних отлучек парня до самого вечера. Однажды отец начинает следить за сыном. Когда они купаются в воде, отец парня видит их. Оба долго кричат ему, чтобы он не приближался, но мужчина не обращая внимания на это, останавливается рядом с их одеждой. Они, стесняясь мужчины, не могут выйти на берег. Оба, превратившись в голубей, поднимаются в воздух [1, 69].

В азербайджанских мифологических текстах образы русалок являются еще и необычными существами, связанными с рыбами. В этих текстах говорится, что русалка была прекрасной девушкой. Однажды, когда девушка купалась в реке, была

сель и девушка чуть не утонула. Аллах пожалел её. В этот момент ударила волна, и тело девушки выше пояса вышло на поверхность. Наружная часть осталась как есть, но оставшаяся в воде часть превратилась в рыбу. Поэтому русалка выше пояса девушка, а ниже – рыба [1, 88]. Как видно из текста – это этиологическая легенда. Превращение русалки по желанию в девушку или русалку в мифологическом сознании связано с мифом предков.

В другом мифе видим противоположное этому процессу. То есть мифический предок (рыба и пр.) может превратиться в человека с любое время. Так, путешественники в Иран и обратно мальчики на берегу реки Аракса видят трех обнаженных девушек. Когда мальчики подошли, девушки бросились в реку. Мальчики обратили внимание на то, что девушки были русалками: ниже пояса они были похожи на рыб [1, 88].

Как видим, в азербайджанских и английских легендах русалка показывается в различных оборотнях. В этих легендах вода играет роль разделяющей границы. Отделяющее этот мир от потустороннего мифологическое пространство выполняет функции перехода.

Образ фей встречается и в шотландских легендах. В легенде «Волшебный флаг» вождь племени Малькольм женится на фее. И в этой легенде фея связана с озером. У феи рождается сын и фея, оставив ребенка у отца, возвращается в страну фей. Несмотря на это, никогда не отказывает своему ребенку в помощи. Для своего плачущего младенца вышивает зеленой нитью одеяло в крапинку. Когда этим одеялом укутывали ребенка, младенец, от жара материнской души, успокаивался и засыпал [11].

В целом, культ воды составляет составной очень многих английских легенд. В английской легенде «Воду закрыли» с помощью воды девушки находят на дне ведра серебряные монеты. А когда отказывают в воде домовым, их наказывают [5, 33]. Культ воды играет также роль средства для воплощения в жизнь желания. В легенде «Волшебный рог» на фразу «хочу пить» виночерпий подносит жаждущему рыцарю напиток в волшебном роге [5, 37 – 38].

В валлийских легендах герои вынуждены сражаться с мифологическими образами. В цикле легенд про Овейна Кимон для демонстрации своей силы ищет рыцаря на поле брани. При этом очень тонкими деталями пользуются чудесными свойствами воды. Лесник советует ему пойти по тропинке в лесу до конца, пока не увидит родник. Рядом будет серебряная чаша. Наполнив чашу водой, пусть выльет её на землю, тогда поднимется буря, грянет гром, появится ристалище для него [7].

В образцах, созданных народами Азербайджана и Великобритании, существуют противоречия между кудесником и учеником. Это противоречие становится причиной борьбы между ними. Например, в азербайджанской «Сказке Охая» это ясно проглядывается. И в азербайджанской сказке вода находится между этим и потусторонним миром, и место обитания Охая находится под водой. Охай является колдуном. Никого не хочет видеть сильнее себя в волшебстве и колдовстве. Поэтому после экзамена убивал обученных учеников, если те оказывались сильнее, чем он. Ахмед потому выходит целым и невредимым из этого экзамена, что говорит, будто ничему не выучился. Борьба между ними за право стать сильнейшим начина-

ется после этого. А в английских легендах борьбы учителя с учеником нет. Точнее, ученик пассивен. Не изучил науку колдовства [5, 40 – 41]. В «Сказке Охая» культ воды играет важную роль в изучении Ахмедом науки. Однако в английской легенде культ воды выступает в качестве фактора, показывающего бездеятельность ученика.

В ирландских легендах используется образ дьявола. А делается это большей частью для выпячивания мифологических качеств героев легенды. Как известно, дьявол персонаж мифологический. Победа над ним – это победа человеческого разума. Герои, чтобы одолеть дьявола, пользуются либо умом, либо силой. Это и есть черта, отличающая азербайджанские и ирландские легенды.

В азербайджанских легендах герои отдают предпочтение уму. А в ирландских легендах наоборот. В легенде «Женитьба Кучулейна с Эмером и битва с дьяволом» герой для победы над дьяволом пользуется своей силой. Один из лордов Ольстера заводит спор о том, что является самым сильным. Говорит, что каждый, кто претендует на первенство, должен сразиться с живущим на озере уродливым получеловеком, полуживотным, дьяволом. Кучулейн сначала рубит дьяволу голову, но обладающей волшебной силой дьявол, забрав голову, покидает поле битвы. Из-за того, что он не умер, Кучулейну надо было отрубить голову. Однако он, проявив сноровку, трижды сумел избежать топора палача. Дьявол объявляет его чемпионом Ирландии и самым храбрым рыцарем короля Конора [8].

Образ волшебника мы встречаем и в валлийской легенде «Бычья война». В легенде рассказывается о Фергусе и его попытках добыть самого сильного быка. Ему говорят что на землях ольстерских есть такой бык. Он хочет завладеть этим быком и начинает войну. Собирает вокруг себя колдунов, магов, наемников. Затем ищет в Ольстере себе опору и находит: жену некоего ольстерского рыцаря по имени Грундку. Как-то на организованном королем торжестве кто-то, желая угодить королю, сказал, что не может быть ничего быстрее его коней. Услышавший это рыцарь Грундку, будучи пьяным, забывается, и говорит, что его жена быстрее ветра. Король приказывает, чтобы его жена пришла и вышла на состязание с конями, или ему отрубят голову. Ждущая ребенка женщина-волшебница по имени Мака просит короля, отложить это представление до рождения ребенка, однако король не слушает её. Мака выходит на соревнование с конями и обгоняет их, однако в конце соревнования в ужасных мучениях рождает двух близнецов. Он своим волшебством добивается, чтобы все мужчины также испытывают эти схватки. Этим мужчины еряют свою силу. Жена короля Маев выбирает именно этот момент. Но ум Кучулейна помогает избежать войны [10].

Выводы и перспективы. Место сохранения мифологических верований и представлений, пройдя через фильтр мифологического времени, превращается в объекты легенд и преданий. В глубокие слои мифологии характер мифологических образов проявляется более ярко. В этом временном слое мифологический образ сохраняет естественность формы, не воспринимается настоящим мышлением.

Литература

1. Азербайджанские мифологические тексты. – Баку : Эльм, 1988. – 196 с.
2. Антология азербайджанского фольклора. Шекинский фольклор. IV книга. – Т. I. – Баку : Сяда, 2000. – 498 с.
3. Азербайджанские народные легенды. – Баку : Язычы, 1985. – 286 с.
4. Антология азербайджанского фольклора. Фольклор Агбабы. VIII книга. – Баку : Сяда, 2003. – 476 с.
5. Легенд народов мира. – Баку : Гянджлик, 1990. – 504 с.
6. Курбанов Н. О мифологически-космогонистической сущности азербайджанских легенд / Н. Курбанов // Альманах «Деде Коркут». – 2006. – II. – с.68 – 87.
7. Жирмунский В. М. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад / В. М. Жирмунский. – Л.: Наука, 1979. – 493 с.
8. http://en.wikipedia.org/wiki/Celtic_Mythology.
9. <http://www.google.com/Crones.htm>.
10. http://en.wikipedia.org/Irish_legend

Гусейнова З. Порівняльно-зіставне вивчення міфів і легенд народів Азербайджану й Великобританії / З. Гусейнова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 123–127.

Місце збереження міфологічних вірувань і уявлень, пройшовши через фільтр міфологічного часу, перетворюється в об'єкти легенд і переказів. У глибокі шари міфології характер міфологічних образів проявляється більш яскраво. У цьому часовому шарі міфологічний образ зберігає природність форми, не сприймається справжнім мисленням.

Ключові слова: міф, легенда, система образів, казка

Huseynova Z. Comparative study of myths and legends of the peoples of Azerbaijan and the UK / Z. Huseynova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 123–127.

A place of preservation of mythological beliefs and representations, having passed through the filter of mythological time, turns into objects of legends and legends. In the deepest layers of mythology character of mythological images is shown more brightly. In this temporary layer the mythological image keeps the naturalness in shape, not perceived by present thinking.

Keywords: myths, legends, images, tales

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК – 82.411.211-3 “19”:316.423.6-055.2(620)

ЕГИПЕТСКАЯ ПРОЗА XX ВЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ЭМАНСИПАЦИИ АРАБСКОЙ ЖЕНЩИНЫ

Древетняк Е. В.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: waykamilky@mail.ru*

В статье рассматриваются актуальная проблема современного арабского мира – эмансипации женщины – сквозь призму египетской и французской литератур. С помощью исторического и аналитического методов в ходе работы раскрываются предпосылки и основные этапы развития мировой и арабской эмансипации. Кроме того, в статье выявляются особенности реформации образа арабской женщины в египетской прозе XX века.

Ключевые слова: арабская литература, проза, египетский роман, феминизм, эмансипация.

Постановка проблемы. Египет – исток движения за эмансипацию женщин на Арабском Востоке. Здесь это движение приобрело относительно большой размах. Однако образ египтянки XIX–XX вв., а также основные этапы процесса эмансипации арабской женщины изучены мало. В современном Арабском мире социальные и политические позиции женщины стремительно укрепляются, в том числе, и в литературе, однако это влечёт за собой ряд конфликтов и споров, и становится острой общественной проблемой.

Актуальность. Основными источниками исследования, посвящёнными «женскому вопросу» и реформации арабского общества, являются труды иностранных арабистов и востоковедов: Никки Р. Кедди «Женщина на Ближнем Востоке: прошлое и настоящее» [9], Надже Аль-Али «Секуляризм, гендер и государство на Ближнем Востоке» [7]. В литературно-теоретическом аспекте исследование опирается на труд Кирпиченко В.Н. «Современная египетская проза, 60-70гг.» [3]. Для детального изучения взяты некоторые прозаические произведения Амина Касыма [10] и Наваль Эль Саадави [8].

Однако как отечественные, так и иностранные арабисты уделяли мало внимания поведению, менталитету и психологии арабской женщины 20 века. Актуальность данной работы определяется недостаточной изученностью историко-литературной основы эмансипации арабской женщины. В первую очередь, это связано с тем, что арабская литература, посвящённая «женскому вопросу» в изучаемый период, находилась вне закона и не подлежала детальному анализу.

Цель статьи – изучение движения за эмансипацию египетских женщин в контексте историко-культурных и литературно-просветительских процессов XIX–XX вв. Особое внимание следует уделить решению следующих задач:

1) выявить принципиальных различий европейского и арабского развития «женского вопроса» в историко-литературном контексте;

2) проанализировать особенности женского образа в египетском романе XX века.

В ходе исследования использован метод описания, сравнительно-исторического и аналитического анализа.

Особенный интерес, по нашему мнению, представляет сравнительно-сопоставительное изучение феномена «восточной эмансипации» и европейского феминизма, которое наглядно показывает принципиальные различия и сходные черты обоих движений.

Понятия «феминизм» и «женская эмансипация» часто путают. Это в корне неправильный подход. Феминистические воззрения западных женщин оказали перво-степенное влияние на мировое женское эмансипированное движение. Однако в различных странах эти идеи принимали различную форму. Что касается Ближнего Востока, то здесь идеи европейского феминизма хотя и были несколько трансформированы, однако легли в основу движения за эмансипацию арабских женщин. Из этого следует, что необходимо сформировать представление о происхождении и сути «женского вопроса» в Европе.

Феминизм в Европе, в своём классическом виде, является социальным движением за равенство прав и возможностей для женщин, противостоящим социальной системе, в которой положение людей разных полов неравноправно. Стоит сказать, что в основе европейского феминизма лежит принцип противопоставления женской позиции мужской. Данное положение является одним из принципиальных различий феминизма и эмансипации [2].

Европейский феминизм в рамках изучаемой проблематики наиболее интересен процессом становления и развития феминистских идей во Франции, так как социально-политическая ситуация этого государства имела наибольшее влияние на развитие Египта. Толчком к очередному пробуждению интереса к положению женщин стала Великая Французская революция. Это позволяет сопоставить Великую Французскую революцию (1789-1799) по своему значению для Франции с Июльской революцией в Египте (23 июля 1952 года). Потому что эти два события имели равное значение для обоих государств как крупнейшая трансформация социальной и политической систем. В обоих государствах в итоге этих событий была устранена монархия и провозглашена республика, произошла глобальная демократизация общества, было положено начало активизации женского движения.

Идеи современного феминизма зародились во Франции. Здесь появились первые работы философов и литераторов о том, что «патриархат был не всегда». Инициативу женского движения в этой стране и славу первой французской феминистки приписывают Олимпии де Гуж, составившей в 1791 «Декларацию прав женщины и гражданки» [4]. В Декларации содержались требования предоставления женщинам политических, в том числе избирательных прав, возможности занимать государственные посты. Но главным отцом-основателем феминизма является Фридрих Энгельс, который в своей работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" определил угнетение женщин как наиболее древнюю и жестокую форму угнетения кого бы то ни было в истории человечества [4]. Согласно его мнению, *феминизм – это разновидность коммунизма, т.е. ещё одна тоталитарная идеология переустройства общества для избранных.*

Стоит обратить внимание на художественную литературу. В отличие от Ближнего Востока, где образ женщины – стал основным в прозе 19 – 20 века, в Европе этого не произошло и женщина появляется на страницах отдельных рассказов и романов самих женщин – феминисток. При этом произведения передовиц женской борьбы за собственные права так и не вошли в золотой фонд мировой литературы и до сих пор являются лишь настольными книгами приверженцев феминистских воззрений. Во французской прозе феминистические идеи нашли своё отражение, в основном, в философских и политических памфлетах, доктринах и статьях. Одной из немногих писательниц, впервые остро поставившей вопрос о положении женщин в европейской литературе, стала Жорж Санд. Связь личной свободы женщины с общей проблемой социального освобождения – один из основных мотивов её произведений («Лелия», «Исповедь молодой девушки» и др.). В них она поддерживает идею семьи, однако осуждает представление о неравном браке.

Европейский феминизм представляет собой утопическую модель общества, основанную на противопоставлении и конфликте полов, включении женщины во все сферы деятельности, расширении её прав и свобод, возможности занимать главенствующую позицию в общественной и политической жизни, в основе которого была сакраментальная теория о доисторическом внеклассовом обществе, в котором преувеличивает роль женщины.

Очевидно, что для арабского мира не подходит европейская концепция феминизма, основанная на включении женщины в сферу общественно-полезного труда, хотя бы уже только потому, что право на труд лимитируется здесь состоянием экономики, наличием армии безработных мужчин.

Как отмечалось ранее, наибольший импульс развитию движения за эмансипацию женщины в Египте в XX веке придала Египетская революция 1952 года. Однако и в начале века женщины неоднократно участвовали в

антиколониальных выступлениях и митингах. Они организовывали забастовки и демонстрации, бойкоты английских товаров и писали петиции протеста против британских действий в Египте. Можно сказать, что 1919 год положил начало первой волне арабского движения за эмансипацию женщины. Во главе этого движения на тот момент была Худа Шаарави, которая первая привлекла внимание к «женскому вопросу». Здесь будет уместно указать на то, что же такое эмансипация и чем она принципиально отличается от феминизма.

Эмансипация женщин представляет собой совокупность процессов социальной мобильности женщин, связанные с социальной дифференциацией женщин как отдельной социальной группы (со своими интересами, отличными от интересов семьи, рода, детей, и т. д.) и выходом женщин из приватной сферы в публичную [5]. Принципиальной особенностью эмансипации является то, что этот процесс основан на исключительно сопоставительном отношении двух гендеров. Можно также сказать, что движение за эмансипацию часто несёт лишь уравнительный характер (уравнение в правах мужчин и женщин), но никогда – угнетательный (один гендер угнетает другой).

Вторая волна египетской эмансипации началась в 1942 году с основания первой женской политической партии – Египетской феминистической партии. В Египте

эмансипированные движения слились с модернизацией страны в области образования, культуры и административных структур. В 1947 году была созвана Египетская ассоциация женщин из-за необходимости внесения изменений в избирательное законодательство, чтобы предоставить женщинам право голоса наравне с мужчинами, право на доступ к местным и областным советам. И всё же, кардинальные изменения в жизни египетских женщин произошли после Революции 23 июля 1952 г. В результате этой Революции была принята Конституция, согласно ей, женщины получили полное политическое право: право голоса, отмены хиджаба, запрета полигинии. Доступ женщин к своим политическим правам стал отправной точкой для привлечения женщины на государственные и руководящие должности, признав её равной мужчине по правам и обязанностям [6, 20-27].

В арабской общественной мысли начала 20 века преобладают просветительские настроения. Протест против закабаления Арабского Востока сочетается с требованием широкого просвещения масс и усвоением достижений европейской культуры; стремление к восстановлению былого могущества арабов и возрождению классического наследия – с борьбой против феодальной отсталости [1]. То есть освобождённые от гнёта колонизаторов арабы, тем не менее, тяготеют к развитию и заимствованию западных традиций в политической, социально и культурной жизни.

Перенимая западные литературные формы, арабские писатели также адаптировали европейские идеи свободы личности и заключали их в привычные для мусульманского мировоззрения формы. Тема свободы женщины, проблемы её восприятия в плоскости ислама стала одной из основных в 20 веке. В истории современной египетской литературы выделяются несколько писателей, боровшихся за освобождение женщины, за создания её нового образа и иной трактовки религиозных воззрений. Стоит сказать, что большая часть творческой интеллигенции Египта – это люди, получавшие образование в демократической Европе, в основном, во Франции. Именно этим объясняется массовая прозападность идей не только в литературе, но также в культурной жизни египетского общества в глобальном смысле.

Одним из пионеров женского движения был писатель-западник – Амин Касым. Амин Касым был революционером не только времени, в котором он жил, но и культуры и религии, которая питала его творчество. Учитывая период времени, в котором он работал (начало 20 века), его попытки критического подхода к традиционной исламской культуре, особенно, по отношению к женщине, были восприняты критично, однако быстро распространились. Касым был ярким противником хиджаба. Он подробно излагает в своих книгах программу эмансипации мусульманской женщины на основе современного общества. Стоит также отметить, что вместе с эволюцией «женского вопроса» и египетского общества меняется и форма подачи произведений Амина Касыма [10,17-36].

В 1899 году Амин Касым опубликовал одну из своих самых смелых и известных работ – «Освобождение женщины», в которой также отображены взгляды его учителя и наставника Мухаммада Абдо. Несмотря на спорность работы и смелость высказываний автора, его идеи стали проникать в высшие слои египетского общества. Эта книга вызвала острую полемику, поскольку автор принял ярко выраженную прозападную позицию, предлагая женщине выйти из тени своего мужчины. Стоит

отметить, что это произведение представляет собой социально – политический трактат, разделённый на главы, посвящённые определённой сфере деятельности женщины. Мы можем сказать, что «Освобождение женщины» – это, своего рода, первая арабская декларация прав и свобод женщин. Его следующая книга, вышедшая в 1911 году, называется «Новая женщина». Столь символическое название предопределило её судьбу. С этого романа действительно началось формирование нового образа египетской женщины, реформация её радикального восприятия в обществе. Именно образ «новой женщины» стал кочевать из произведения в произведение многих арабских писателей, дополненный или трансформированный.

Во второй половине 20 века заметно увеличилось число и укрепился авторитет писательниц-женщин. К именам известных романисток Наваль ас-Саадави, Сальвы Бакр, Радвы Ашур за последние десятилетия добавились имена писательниц Мираль ат-Тахави, Гала ад-Бадри, Мейй ат-Тлемсани. И если раньше основной тематикой творчества авторов – женщин был вопрос о положении женщины в обществе и отстаивании ею своих прав, то в последние годы писательницы открывают для себя новые литературные горизонты, в частности, обращаются к жанру исторического романа.

Одной из ярчайших представительниц египетских феминисток является Наваль Эль Саадави – социолог, врач и писатель, постоянно поднимающая «женский вопрос» в своих работах. Она является одним из наиболее популярных и широко переводимых египетских писателей современности, её работы доступны на 12 языках мира [8,6-18].

Самая знаменитая книга Эль Саадави «Женщина в точке ноль». Также её запоминающиеся автобиографические работы: «Мемуары женщины – доктора», «Дочь Изиды» и «Записки из женской тюрьмы».

Особое внимание стоит уделить всё же её работе «Женщина в точке ноль». Это мощная литературная ретрансляция в форме романа истории жизни женщины, ожидающей смертной казни в Каирской тюрьме за убийство сутенёра. Это история о женщине, которая без стыда признаётся в содеянном, олицетворяет тот накал страсти и отчаяния, который накопился в египетских женщинах, их готовность бороться даже радикальными методами [8]. Роман пронизан тонким психологизмом и угадываются автобиографичные нотки. Активно использует олицетворение и параллелизм, чтобы, будучи приверженкой реализма в литературе, передать ту идею свободы, за которую она борется. Книга поднимает вопрос либерализации позиции женщины в Египте, опираясь на противопоставление восточной и западной женщины, их уровня интеграции в социальные и политические сферы. Естественно, что в рамках Арабского мира, подобная либерализация была осложнена и всячески отвергалась сложившимися традициями ислама. Очевидно, что западные идеи феминизма, которые зародились задолго до начала демократизации арабского общества, имели колоссальное влияние на арабскую интеллигенцию и писателей в том числе.

Исходя из написанного выше, можно сделать следующие **выводы**: принципиальное различие европейского феминизма и арабской эмансипации основано на полярности отношений между гендерами; развитие женского образа в египетской про-

зе XX века происходит в направлении психологизации и автобиографичности; проза XX века являлась мощным инструментом социальной борьбы арабской женщины.

Перспективы. Стоит отметить, что статья не является исчерпывающей. В будущих исследованиях, посвящённых данной тематике, представляется возможным провести сравнительный анализ женского и мужского образов на основе рассмотрения жанра арабского исторического романа в литературоведческом контексте.

Литература

1. Долинина А. А. Египетская литература [первой половины XIX в.] // История всемирной литературы: в 9 т. Т. 6 / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: Наука, 1983-1994. – 1989. – С. 691–692.
2. История и общество: Феминизм [Электронный ресурс]: (Энциклопедия Кругосвет)/Алексеева Л.Н, Эмис Кинсли. – 2009. – Режим доступа к статье: <http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/FEMINIZM.html>
3. Кирпиченко, Валерия Николаевна. Современная египетская проза, 60-70-е гг. / В. Н. Кирпиченко; АН СССР, Ин-т востоковедения. – М.: Наука, 1986. – 291с.
4. Краткая, но подлинная история феминизма [Электронный ресурс]: (Электронный журнал «Мужской Альманах») – 2009. – №7. – Режим доступа к статье: <http://menalmanah.narod.ru/histfm.html>
5. Рабжаева М.В. Эмансипация женщины [Электронный ресурс]: (Словарь гендерных терминов)/ Ажихина Н.И, Воронина С.Т, Рабжаева М.В. – 1999. – Режим доступа к статье: <http://www.owl.ru/gender/186.htm>
6. Турк С.Н. Движение за эмансипацию женщин в Египте (Начальный этап; вторая половина XIX – первая четверть XX в.): дис. на соискание науч. звания канд. ист. наук: спец.07.00.03/ Турк Светлана Нальбиевна. – Краснодар, 2003. – 233с.
7. Al-Ali Nadje. Secularism, Gender and the State in the Middle East. The Egyptian Women's Movement/ Nadje Al-Ali; Cambridge University Press. – Cambridge, 2000. – 267p. – ISBN 0-521-78022-5
8. El Saadawi Nawal. Woman at Point Zero/ Nawal El Saadawi; Zed Books Ltd. – London, 1983. – 144p. – ISBN 978-84277-872-2
9. Keddi Nikki R. Woman in the Middle East. Past and Present/ Nikki R. Keddie; Princeton University Press. – New Jersey, 2007. – 391p. – ISBN 978-0691-11610-5
10. Qasim Amin. The Liberation of Women. The New Woman/ Amin Qasim; The American University in Cairo Press. – Cairo, 2000. – 202p. – ISBN 977-424-567-9

Древетняк Є. В. Єгипетська проза XX століття як відображення процесу емансипації арабської жінки / Є. В. Древетняк // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 128–133.

У статті розглядається актуальна проблема сучасного арабського світу – емансипації жінки – крізь призму єгипетської та французької літератури. За допомогою історичного та аналітичного методів у роботі розкриваються основні етапи розвитку світової та арабської емансипації. Окрім цього, у статті виявляються особливості реформації образу арабської жінки в єгипетській прозі XX століття.

Ключові слова: арабська література, проза, єгипетський роман, фемінізм, емансипація.

Drevetnyak Y. V. Egyptian prose of XX century as a reflection of the process of Arab women emancipation / Y. V. Drevetnyak // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 128–133.

In article was considered existing problem of modern Arab world – the woman emancipation – through the Egyptian and French literature. Via the historical and analytical methods in progress of this work the main stages and preconditions of world and Arab emancipation reveal. Moreover, in the article identifies features of the Reformation of the image of Arab women in the Egyptian prose of XX century.

Keywords: Arabic literature, prose, Egyptian novel, feminism, emancipation.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

РИТУАЛЬНЫЙ СМЕХ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Иманов М. К.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Для исследования особенностей комедии в азербайджанском фольклоре необходимо изучать ее связь с мифами и обрядами, а также уделять внимание тому, что магическая субстанция несет в себе смех. В статье на обширном материале азербайджанского фольклора и письменной литературы исследована волшебная сущность смеха.

Ключевые слова: смех, магия, фольклор, текст

Постановка проблемы. В Азербайджанских сказках встречается мотив появления огня из смеха. Актуальность проблемы обусловлена отсутствием исследований в этом направлении.

Естественно, что и огонь, как и свет, связан с солнцем. Появление от смеха огня косвенно указывает на связь смеха с солнцем. Однако, в отличие от цветов, рождающихся от смеха, огонь является для героя оружием острой борьбы: «Пери-ханум громко расхохоталась. При хохоте язык пламени, вырвавшись из её рта, упал на дервиша. Когда дервиш загорелся, то быстро бросился в бассейн падишаха» [1, т.1, 23]. Огонь, образующийся от смеха Пери-ханум являющейся одной из основных героинь Азербайджанской сказки «*Qaraqaş*» («Чернобровый»), предназначен для испепеления злых сил. А образовавшиеся от смеха цветы представить как такое острое боевое оружие сложно. Девушек, от смеха которых появляются цветы, видим не как противоборствующих со злыми силами на открытой арене, а как образы, побеждающие врага своей красотой и магической силой. Чтобы обосновать свою мысль обратимся к сказке «*Üç bacı*» («Три сестры»). В этой сказке главный герой обладает еще большей силой, чем вышеупомянутые Гюли-хандан, Гюльханум и Гюли гах-гах: при ходьбе одна нога чеканила золото, другая серебро; при плаче дует ветер, поднимается буря; при смехе изо рта сыплются букеты цветов. Когда завистливая тетя выкалывает ей оба глаза, девушка не прекращает свой волшебный смех, цветами, образовавшимися при смехе, излечивает глаза, и может сообщить нареченному о настоящей сути вещей, а сказка, разумеется, завершается её победой [1, т.1, 120-129]. Хотя в средствах борьбы есть определенная разница, имеется немало черт, объединяющих героя «Трех сестер» и Пери-ханум из сказки «Чернобровая». Самой главной чертой, объединяющих эти образы, является то, что их магическая сила дает толчок добру. Та самая магическая сила, которая появляется только и только при смехе.

Человек, верящий в появление цветов от смеха девушек-пери, постепенно начинает верить в собственную силу и хочет приблизить к себе освященную им окружающую природу. Эта вера и желание нашли свое отражение и в языке. Личные

имена Гюльханум, Гюллю, Гюльбадам, Гюльбута, Чичек, Бановша, Гюльага, Гюльоглан и т.д., выражения «подобный цветку человек», «цветку подобное слово», «подобная цветку работа» – подверглись изменению и приобрели ироничный смысл. Выражение «*gül ağzını açmaq*» – «раскрыл свой рот подобный цветку» и т.д., хотя и носят сейчас метафорическое содержание, на самом деле появились в результате мифологического сознания. Упоминаемые нами имена, выражения и фразы наглядно показывают мифологическую связь человека с цветами. Эта привязанность находит свое подтверждение и в ряде поверий: «Из дома другим цветов не дают. Цветок – это ребенок, отдашь другому, радость покинет дом» [2, 156]. Признание цветка ребенком является наглядным примером культа природы. Наши предки, так высоко котирующие природу, мечтали о милосердии природы к человеку. Искали различные пути воздействия на природу и один из таких путей видели в опоре на силу слова. Одну из главнейших форм словесного воздействия человека на природу составляют календарные и обрядовые песни. Желая восхода солнца, дождя, плодородия земли, и с этой целью обращающийся к природе человек, несомненно, не мог говорить с природой в повелительном тоне. Слова, обращенные к солнцу, туману, ветру, должны были выражать не повеление, а ласку, чтобы были по душе природе и желания человека не остались бы нереализованными:

Qodu gün çıxarmasa,
Gözlərin oymaq gərək
Если Году не сможет пригласить солнце,
Выколоть нужно ему глаза [3, 34].
Duman, qaç, qaç, qaç,
Pərdəni aç, aç, aç.
Səni qayadan asarlar,
Buduna damğa basarlar.
Туман, беги, беги, беги,
Занавеску отодвинь, отодвинь, отодвинь.
Тебя повесят со скалы,
Заклеймят твое бедро [3, 31].

Было бы более правильным искать в «выкалывании глаз» Году, «подвешивании со скалы» тумана, «клеймении его бедра» не угрозу, а дружественность (фамильярность) и юмор, порожденный этой фамильярностью. Наглядным примером подобного фамильярного отношения обращение «дедушке» к ветру в другом обряде:

A yel baba, yel baba,
Qurban sənə, gəl, baba.
Эй, дедушка ветер, дедушка ветер,
Да буду жертвой твоей, приходи, дедушка [11, 104].

Несомненно, что и знаменитая песня «Коса-коса», исполняемая в сезон завершения старого и начала нового года, появилась с целью воздействия на природу для достижения большего плодородия земли. В воплощении в жизнь этой цели самую главную роль сыграл именно смех. Являющаяся составной частью одноименной постановки песня «Коса-коса», образуя единство с комической внешностью и поступками Косы (*kosa* – образ и главный герой весеннего народного веселья – прим.

пер.), усиливает свою силу воздействия в несколько раз. Надетый наизнанку тулуп, на голове папаха из бараньей шерсти, дерево в форме пяток вместо обуви, колокольчик на шее, привязанная под одеждой к животу подушка [11, 255-256] являются основными деталями, придающими комизм внешнему облику Косы. Следующие слова, исполняемые плешивым (*keçal*), являющимся одним из основных участников представления, добавляют новые штрихи к портрету косы:

Kosa handan gələr,
Yolu qoyar, damdan gələr..
Aftafa dəlik, su durmaz,
Qazan dəlik, yağ durmaz.
Biçarə qaldı kosa,
Kəfənsiz öldü kosa.
Kosam ölməkdədi
Gözləri çölməkdədi [3, 36].

Откуда идет коса,
Не путем, а сторонами
Афтафа (кувшин для омовения) дырявая, Вода не держится,
Казан дырявый, масло не останется.
Беспомощным остался коса,
Без савана помер коса.
Коса мой при смерти,
Но глаза не оторвать от чаши.

Коса, танцующая на площади, перед зрителями, забавляет публику. Смешной внешний облик, смешные слова и забавы, по архаическим верованиям, пробуждают, оживляют землю и оказывают магическое воздействие на ее плодородие.

Вызывает серьезный интерес близкое переключение одного из слов саячи (*слова саячи* – промысловые песни пастухов в Азербайджанском фольклоре-прим.пер.) про козла с песней «Коса-коса». В этом слове саячи и козел (*теке*) представлен комическими красками, как и коса: этот козел худ, с трещинами на пятках; зимой морозы повидал, потому шерсть у него дыбом; козел, на ханство пойдя, становится злодеем; козла убивают, бросают в ригу [3, 27]. Как имя Коса упоминается в паре с плешивым, так и имя козла упоминается рядом с бараном или же козленком. Часть упоминаемой нами слова саячи настолько переключается со знаменитым фрагментом песни «Коса-коса», что если не заменить словом «козел» (*təkə*) слово «коса» (*kosa*), а словом «козленок» (*çəpiş*) слово «плешивый» (*keçal*), то различить эти две песни будет невозможно:

Təkəm bir oyun eylər..
Yıǵar Gilan düyüsün,
Çəpiş bəyin toyun eylər [3, 27].
Козел такое вытворит....
Соберет рис Гилана,
Свадьбу устроит козленку- жениху.

Близость песни о козле, как по содержанию, так и по форме к песне «Коса-коса» позволяет напомнить о проведении некогда особых обрядов саячи с целью магического воздействия на овцеводство и о ведущей роли смеха как важного компонента в этих обрядах, и отметить, что выдвижение козла (идушего впереди стада козла-самца) на передний план в словах саячи сообщает о нем, как и коса, как о символе плодородия. Естественно, что проводящий последовательные и системные исследования в сфере народного юмора фольклорист Т.Фарзалиев видит непрерывную связь между нашим онгоном «сая» (saya) и онгоном «тая» (taуa) у алтайцев, и называет игры-представления «магически-волшебными сценками» [4, 16-17].

Становимся свидетелями и того, что во многих случаях смех отображается в качестве чудесной силы, спасающей человека от напастей и смерти: «Жила женщина по имени Фатима, сошла с ума. Привели Моллу Джума из Нувади, чтобы помог Фатиме. Молла Джума посмотрел на Фатиму и сказал:

- Бейте в барабан!

Барабанщик, исполнитель зурны подготовились, 3 дня с размахом игралась свадьба.. Музыканты играли, Фатима танцевала.. С этой пляской сумасшествие покинуло её» [5, 59].

А способность смеха вырвать человека из лап смерти мы видим в сказке «*Odunçu Həsən*» («Дровосек Гасан»). В сказке рассказывается о том, что визирь и векиль решили руками брадобрея убрать падишаха. Этот их замысел был пресечен именно смехом: «Брадобрей, усадив шаха, готовится его брить. Шах, вспомнив вдруг слова Гасана-киши, захохотал. В это время брадобрей с бритвой в руках стоял над головой шаха. От смеха шаха брадобрей засомневался, у него затряслись руки. Решил, что шах знает обо всем. Бросив бритву на пол, брадобрей начал молить о пощаде» [6, 226]. Любопытно и то, что слова, которые, рассмешив падишаха, спасли его от смерти, помогли и самому Гасану-киши выпутаться из сложного положения и достичь желаемого. Дело в том, что, хотя занимающийся заготовкой дров Гасан-киши и нашел кувшин с золотом, жена не дает ему возможности его тратить. Жена, упершись, утверждает, что золото падишаха, а значит должно быть отдано ему. Направляющийся по воле жены к падишаху дровосек вынужден прибегнуть к хитрости: хочет сказать что-то такое, чтобы падишах прогнал его и он, таким образом, избавится от гнета жены. Спасительными смешными словами, сказанными Гасаном-киши падишаху, были следующие: «Мой покойный отец был зурначи (музыкантом, исполняющим на зурне); скажи, ваше величество, твой тоже был зурначи?» [6, 225]. В сказке функции смеха не ограничиваются спасением падишаха от смерти, а дровосека – от гнета упрямой жены, но также охватывает и казнь предателей: визиря и векиля.

Подобное единство функций смеха по спасению добра и уничтожению зла наблюдаем и в сказке «*Padşah və dəmirçi*» («Падишах и кузнец»). Кузнец, которому были безвинно отрублены руки, приобретает уважение падишаха тем, что не жалуется на судьбу и продолжает по-прежнему веселиться, а тиран дарга, наконец-то несет заслуженную кару [1, т.4, 184].

Одной из главнейших магических особенностей сказок является способность пробудить героя от спячки, сообщить о неизвестных им вещах. Данная функция в

большинстве случаев проявляется в связи с силами, относящимися к потустороннему миру. Наиболее характерен в этом контексте сюжет, связанный со смехом рыб. Общее содержание сюжета заключается в том, что, когда падишах (или его дочь, или его жена) спрашивает у двух рыб, кто из них самец, кто самка, рыбы в ответ смеются. Лишь после того, как падишах созывает многих мудрецов, он узнает причину смеха рыб. Становится известно, что рыбы смеются с иронией, желая сообщить падишаху о творящемся во дворце неприличии: во дворце самцы смешались с самками, некий слуга, одевший женское одеяние, прелюбодействовал с дочерью (или женой) падишаха. Этот знаменитый сюжет изображен в таких азербайджанских сказках как «*Padşahla qızı balıq*» («Падишах и золотая рыбка»), «*Balığın gülməyi*» («Смех рыбы»), «*Padşahla balıqçı*» («Падишах и рыбак»). Изображенные в этих сказках рыбы не обычные рыбы, они представляют водное царство, следовательно, являются относящимися к иному миру необычными существами. Эти существа, давая сказочному герою необычную силу, могут осведомить его и о вещах, неизвестных обычному человеку

Являющийся источником рождения, сотворения, спасающий добро, уничтожающий зло, пробуждающий человека от спячки смех в фольклоре отображается и непосредственно в качестве символа человеческого счастья. Например, в «*Şəminin nağılı*» («Сказке о Шами») [1, т.2, 127-134] рассказывается о том, что у падишаха родилась дочь и он, собрав колдунов, заколдовал склонность девушки к некоему попугаю. Когда к девушке, достигшей брачного возраста, приходили сваты, падишах смотрел на попугая. Если попугай сидел смирно, падишах отправлял сватов тотчас восвояси. Но когда пришли сваты некоего парня, попугай, трижды захохотав, смехом указал на счастливое замужество девушки с этим парнем. Нет ничего удивительного в предсказывающем счастье смехе попугая, который принадлежит к земным существам. Поскольку смех по причине счастья часто встречающееся в нашей реальной жизни явление. Удивляет и вызывает интерес то, что в фольклоре смех может выступать не только как признак счастья, но и непосредственно как его причина и творец. В сказке «Неблагодарная девушка» мы видим наглядную картину этого. Из-за мрачного нрава, постоянных жалоб на судьбу птица счастья подвергает дочь падишаха, живущую в роскоши, немислимым невзгодам, забирает у неё её детей. Неблагодарная дочь падишаха и её муж находят ключи от счастья после длительных превратностей судьбы: «Как только начнешь смеяться, веселиться, тогда избавишься от горя и печали» [1, т.4, 264]. За счет магической силы смеха и веселья дочь падишаха и её муж действительно могут, избавившись от напастей, достичь настоящего счастья.

Мотив о том, что смех приносит счастье человеку, встречается и во многих других сюжетах. Например, один сюжет рассказывает о мужчине, проводящем свои дни в пирах. Даже отобрав все его богатство, падишах не может преодолеть его тяги к пирушкам, веселью. Именно из-за веселого нрава мужику достается кувшин золота [5, 25-26].

В одинаковой степени положительное магическое содержание смеха, возрождающего добро, будучи его помощником, и преодолевая зло, его уничтожающего, не вызывает никаких споров. Но появляется очередной вопрос: характерен ли для

фольклора носящий негативный характер смех героя? Главным способом внесения ясности в вопрос является, конечно же, обращение непосредственно к самим фольклорным образцам. Остановимся на одном из таких образцов – сказке «*Ovçu Pirim*» («Охотник Пирим»). Благодаря слюне падишаха змей и волшебному перстню охотник Пирим получает необыкновенную силу. Он и знает язык и животных, и птиц, и, надевая на палец перстень, достигает всех желаний. Слушающий разговор 2-х коней охотник Пирим громко смеется. Жена не отстает, требуя от него сказать причину смеха. После долгих отпирательств охотник Пирим вынужден рассказать о предмете беседы коней. Чуть позже стадо волков растерзало охотника Пирима [1, т.4, 8-18]. Оставив объяснение этого сюжета на потом, рассмотрим другой сюжет.

Некий парень женится на ангеле. В один из дней мать парня умирает. Когда труп свекрови несут на кладбище, невестка начинает смеяться. После настойчивого требования мужа она так объясняет причину своего смеха: «Потому смеюсь, что прожив столько лет, твоя мать дала кому-то рваные лапти, а кому-то веник. Эти 2 вещи висели на её труп. На этом свете твоя мать кроме этих 2 вещей никому и ничего хорошего не сделала». После этих слов ангел вынуждена была расстаться с мужем» [2, 105]. Образцы, краткое содержание которых мы привели, на первый взгляд схожи с известными сюжетами о смехе рыб. Схожесть заключается в том, что в результате смеха раскрываются тайны, кто-то становится осведомленным о тайных истинах. Однако у сюжетов, связанных со смехом рыб, есть коренное отличие от вышеприведенных образцов: рыбы вовсе не запрещают раскрывать тайны. А запрет или не запрещение на раскрытие тайны – один из важных факторов для сакрального мира. Если волшебное существо, присущее иному миру, ставит перед героем условие о сокрытии тайны, это условие обязательно должно быть выполнено. Иначе герой может быть наказан. Самым типичным вариантом наказания является придание данному герою необычной силы и возможностей. К слову, отметим, что герой, создающий связь с иным миром, должен выполнять и другие условия: входя в иной мир, не смеяться; не открывать закрытые двери, закрывая двери открытые; какие бы крики не слышал, не оглядываться и пр.

Одним из признаков, отличающих живых от мертвых, является смех. Следовательно, если ты вступил в вотчину мертвых, смеяться там категорически нельзя. Если принять во внимание это поверье, объяснить финал сюжета об охотнике Пириме и волшебной невесте становится легче. Несмотря на то, что в сюжете об охотнике Пириме змея, а в сюжете про волшебную невесту сама ангел наложили запрет на тайну, условие не выполняется. Нарушившая условие ангел наказывается разлукой с мужем, а нарушивший условие охотник Пирим карается смертью! Правда, смерть положительного героя – не характерный признак для сказочной поэтики, и подобное завершение, скорее всего, является продуктом личной фантазии сказителя. Однако факт остается фактом. Охотник Пирим, даже если бы не был убит, в той или иной форме должен был быть наказан. В данном случае нас интересует не форма наказания, а исследование главной причины, определение функции смеха. Хотя главной причиной наказания и было нарушение табу, на вопрос смеха необходимо обратить особое внимание. Поскольку нарушение табу происходит именно после акта смеха и в результате этого акта. Если бы охотник Пирим и ангел в упоминае-

мый момент не рассмеялись бы, естественно, запретные тайны сакрального мира у них никто и не спрашивал бы. Согласно мифологическому поверью, охотник Пирим, слушая речь коней, волшебная невеста при виде повешенных на труп рваных лаптей и веника, не должны были смеяться. Поскольку охотник Пирим, выслушивая сказанное конем, являющимся тотемистическим существом, а невеста, видя подвешенные к трупу и видимые ей только необычным существам вещи, на мгновение, отдаляясь от реального мира, оказываются в мире сакральном. Для вступающего в сакральный мир, как выше отмечалось, смех запрещен. Охотник Пирим и ангел, засмеявшись в указанные моменты, оказались нарушившими этот запрет. А от запрещенного смеха ждать жизнетворной функции, разумеется, было бы неправильным. Этот смех рано или поздно должен был завершиться наказанием героя и так и произошло. Значит, смех вовсе не всегда включает в себе положительное содержание, бывают моменты, когда смех приобретает и негативный оттенок. Об этом свидетельствуют некоторые поговорки:

1. Пешеход всегда смеется над конным.
2. Корова без молока бывает мычащей, а недововитая жена – смешливой
3. Смеется либо голодный, либо голый
4. Сиди возле того, кто плакать заставляет, а не того, кто смешит
5. Над упавшим не смеются.
6. Не смейся над соседом, не то случится и с тобой
7. Тот, кто проходит, смеясь над соседом, будет возвращаться плача

Первая, вторая и третья пословицы ироничны, в доверительной форме иронизируется смех пешего в адрес конного, веселья недововитой жены. Четвертая поговорка тоже не должна восприниматься буквально. Косвенно выражаемая этой поговоркой мысль заключается в том, что надо водить дружбу не с равнодушным, а понимающим человеком. А в пятой, шестой и седьмой поговорках говорится о злорадном смехе. Согласно поверью, нельзя смеяться над неудачными днями другого, так как плохие дни, так же как и хорошие, предначертаны человеку свыше. Злорадный смех является смехом людей и экстраординарных существ, представляющих зло. Такого типа смех мы условно называем «дьявольским смехом». Поскольку демонический смех связан не с добром, а со злом, при этом говорить о жизнетворной функции не приходится. Смех Подлеца, желающего в обмен на кусок хлеба выколочь глаза Храбреца (Сказка «*Mərd və namərd*» («Храбрец и Подлец»), голубоглазого, редкозубого косы, оставившего Муталиба у жилища дива является именно смехом представляющих зло злорадных людей. Они выражают свою победу над смехом и удовлетворение этой победой смехом.

В фольклоре, наряду со злонамеренными людьми, становимся свидетелями и смеха, говоря конкретнее, пира олицетворяющих собой зло экстраординарных существ: «Тогда старик сказал: – Сынок, завтра вплоть до заката скачи на коне, до сумерек увидишь трех человек, играющих свадьбу. Пока они будут играть свадьбу, две большие горы будут соприкасаться, не будет места для прохождения. Ты не упускай момент, ударь по лбу играющему свадьбу. Тогда заклятье исчезнет». В этом отрывке, приведенном из сказки «*Qəşəmşəm*» («Гашамшам»), свадьба (смех) указывается как главный источник силы демонического существа. Герой может

преодолеть непреодолимую преграду, лишь препятствием свадьбе. И в сказке «*Çil madyan*» («Пятнистая кобыла») как и в сказке «Гашамшам» рассказывается о волшебном музыкальном инструменте демонического существа. Желая уничтожить героя сын шаха отправляет его на поиски волшебного бубна дива [1, т.5, 77].

Демоническое пиршество можно последовательно исследовать на примере образа джина. Согласно мифологическому представлению, меняющий облик джин ведет человека на развалины, старую мельницу, или глубокое ущелье и приглашает на пир. Самым важным средством завлечения джином людей является свадьбы, веселье, застолье. Рассказывающие о джине сказители особо останавливаются на этом вопросе: «Однажды дед ехал на коне из города в деревню. Вдруг видит, что его зовут по имени.. Воодушевившись, идет к ним. Видит, что там такой шум-гам, как будто светопредставление началось. В одной стороне играют в диредойме (*dirədöymə*), в другой музыка, пение, выпивка... Такой шум-гам, что любо-дорого смотреть.

Они, завидев дедушку, окружают его и вынуждают танцевать, смешат так сильно, что старик едва не лишается чувств» [1, т.4, 171]. Показываемая джином человеку картина сплошная мистификация. Ни звуки музыки, ни застолье. Если человек, охмуряемый и приведенный джином в сборище джинов, произнесет «Бисмиллах» (Во имя Аллаха всевышнего), выдуманная картина вмиг исчезнет. Согласно поверью, если человек не может избежать сборища джинов, сходит с ума и скитается [2, 97]. В смехе и джина, и любого другого существа, представляющего зло, и смехе олицетворяющих добро существ есть общая черта: то, что смех является источником силы. Мы не должны удивляться тому, что этой силой пользуется наряду с добром и зло. Надо вспомнить, что являющиеся символами жизни свет и яблоко в фольклоре порой оказываются в распоряжении сил зла. Разве идущий за светом не оказывается в логове дива? Разве не злонамеренные дервиши порой дают бездетным падишам яблоки жизни? Разве не встречаемся в сказках со случаями появления рогов, странных метаморфоз во внешнем облике у поевших яблок героев?! Если мы отвечаем на подобные вопросы утвердительно, тогда должны относиться как естественному явлению наличию смеха у сил зла, превращению его в магическое средство воздействия демонических сил. Но не должны забывать, что повествование об абсолютной мощи демонической силы, превратившей смех в средство воздействия, для фольклора нехарактерно. По фольклорной логике злая сила рано или поздно должна потерпеть поражение от добра.

Вера в конечное поражение зла дает толчок, в большей степени, для создания образцов, рассказывающих о помощи демонических существ человеку, а не о брошенном ими вызове человеку. В сказке «*Çiraxlı İsa*» («Иса с лампой») [1, т.5, 174-180] волшебной палицей, полученной от дьявола, герой оберегает себя от плохих поступков злонамеренных людей. В сказке «*Keçəllə qazı*» («Плешивый и кади») [1, т.1, 304-309] плешивый побеждает кади с помощью дьявола. В сказке «*Üç qapı*» («3 двери») [6, 117-124] джин пытается отдалить человека от жадности. В сказке «*Şəms-Qəmə*» («Солнце-Луна») [1, т.3, 5-36] встречу героя с самой прекрасной девушкой в мире организует сын падишаха джинов. В одной сказке под названием «*Keçəl*» («Плешивый») [1, т.3, 161-165] узнанное от дьявола заклинание помогло герою в трудную минуту. В отличие от сказок «Иса с лампой» и «Плешивый и кади», в этой сказке помощь дья-

вола человеку становится возможным в результате мошенничества: герой, применив хитрость, обманывает дьявола и таким образом узнает у него заклятье. Выставление демонического существа в глупом свете проявляется и в ряде мифологических сюжетов о джинах. Например, один из таких текстов [2, 103] посвящен обману повитухи, которая с помощью воскового детородного органа превратила новорожденную дочку джина в «мальчика». Как в этом тексте, так и в упоминаемых выше фольклорных образцах типа «Плешивого» речь идет не о магической сущности демонического существа, а превращении этого существа в объект смеха.

Выводы и перспективы. Факты показывают, что присущий злу смех не может занять ведущее место в фольклоре, считать характерным для фольклора превращение смеха в магическое средство воздействия в руках демонических существ не возможно.

Литература

1. Азербайджанские сказки : в 5 т. – Т.1. – Баку : Элм, 1960. (на азерб. языке)
2. Азербайджанские мифологические тексты : [на азерб. языке] / [составитель А. Аджалов]. – Баку : Элм, 1988.
3. Зеленой, травка моя, зеленой : фольклорные образцы / [составитель Б. Абдулла]. – Баку : Гянджлик, 1993. (на азерб. языке)
4. Фарзалиев Т. Народные драмы и представления в Азербайджанском фольклоре / Т. Фарзалиев // Исследования по Азербайджанскому народному устному творчеству. – 4 книга. – Баку : Элм, 1987. (на азерб. языке)
5. Эта земля не будет заброшенной : фольклорные образцы, собранные из регионов Лачин, Кубадлы, Зенгилян и Джабраил / [собрание и составление В. Набиоглы, М. Карадашлы, А. Аскер]. – Баку : Язычи, 1995. (на азерб. языке)
6. Девушки построят дом, разрушенный Богом : сказки / [собрание и составление О. Алиев, Р. Халилов]. – Баку : Язычи, 1994. (на азерб. языке)

Иманов М. К. Ритуальний сміх у азербайджанському фольклорі / М. К. Іманов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 134–142.

Для дослідження особливостей комедії в азербайджанському фольклорі необхідно вивчати її зв'язок з міфами та обрядами, а також приділяти увагу тому, що магична субстанція несе в собі сміх. У статті на великому матеріалі азербайджанського фольклору та писемної літератури досліджена чарівна сутність сміху.

Ключові слова: сміх, магія, фольклор, текст

Imanov M. K. Ritual Laughter in Azerbaijan folklore / M. K. Imanov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 134–142.

For research of questions of comedy in the Azerbaijani folklore it is necessary to study communication with myths and ceremonies, to pay attention to what magic essence bears the laughter. In article the magic essence of laughter in folklore on an extensive material of the Azerbaijani folklore and written literature is investigated.

Key words: comedy, magic, folklore, text

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

БОРЬБА ЗА РОДИНУ КАК НАЦИОНАЛЬНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ ТВОРЧЕСТВА САМЕДА ВУРГУНА И МЕХМЕТ АКИФ ЭРСОЯ

Керимова Л. Ф.

Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджан
e-mail: azfolklor@yahoo.com

В статье исследуются патриотические стихотворения азербайджанского поэта Самеда Вургуна и турецкого поэта Мехмет Акифа Эрсоя. В творчестве этих поэтов были отражены политические события начала XX века.

Ключевые слова: поэзия, лирика, политика, история

Постановка проблемы. Выдающиеся мастера слова Самед Вургун и Мехмет Акиф Эрсой в своем творчестве большое место уделяли воспеванию патриотизма. Основой этому послужила любовь этих поэтов к родине. Эти мастера слова считали главной поэтической целью воспевание людей борющихся за целостность родины [1-8].

Самед Вургун считал любовь к родине, любовь к очагу основой, главным направлением своего творчества. Патриотизм С.Вургуна составлял единое целое с его желаниями. Этот патриотизм также носил общечеловеческий характер. Первые искорки патриотических мотивов С.Вургуна можно повстречать в его произведениях, написанных им в пору своей молодости.

В стихотворении «Будьте готовы», написанном в 1927-ом году, он описал своим поэтическим пером патриотические чувства.

В стихотворениях поэта «И я как солдат...», «На фронте», «Армия Родины», «На страже солнца», написанных в тридцатых годах XX века, любовь к родине, любовь к очагу, чувства ненависти к врагу, пропагандированы высоким поэтическим стилем. В стихотворении «На фронте» С. Вургун описывает ужасы войны. В стихе «Армия Родины», написанном в 1934-ом году поэт воспел мужественную армию отчизны, призывая народ к борьбе против врага. В стихотворении «Прославление», написанном в последующие годы, поэт описывает героизм сыновей азербайджанского народа. Своим стихотворением поэт поздравляет этих героев с обладанием «железной воли», высоко оценивает их дух победы и героизма:

*Dönüb qaçmadınız boranda, qarda
Var olsun qəhrəman böyüdən ana!
(Свернув, не убежали от бури и снега
Да здравствует мать воспитавшая героя!)*

В стихотворении «Тоска» написанное С.Вургуном в 1935-ом году привлекает внимание его привязанность к своему родному очагу и народу. Поэт в этом стихотворении если и говорит о своей личной судьбе, то в нескольких местах тоску по родине описывает как высокое чувство:

*Salam, böyüdüyüm o ana yurda
Mən səfər üstündə qonağam burda*

*(Здравствуй, родина-мать
Я всего лишь гость тут).*

С. Вургун в стихах «Свободное вдохновение», «Мир народов» и др. заботится о родной земле. В «Свободном вдохновении» поэт выдвинул несколько философских мыслей, дал высокую оценку таким великим азербайджанским поэтам, как Насими, Физули, Вагиф. В этом стихе поэта радуют лица детей, юношей и девушек, сверкающих счастьем. Самед Вургун отразил свою веру в будущее, и выразил свои гражданские чувства.

Вдохновителем Самеда Вургуну всегда являлся богатый духовный мир своего народа. Он был личностью, привязанной к своему народу. Понятия родина, отчизна, народ не были простыми словами для поэта. Поэт, повсеместно воспевающий Азербайджан, в своем творчестве уделял внимание также к историческому прошлому Азербайджана. Лирика С. Вургуну, которая полностью является патриотической эпопеей, прививает каждому чувство любви к родной земле. Поэт, словно летописец как книгу перелистывает историю своего народа, вспоминает те трагедии, которые пережила древняя азербайджанская земля, эта страна огней, он печалится тяжелыми днями народа, на участии которой были пережиты страшные бури. Самед Вургун в своих произведениях всегда воспевал бесстрашных сынов и девушек, вставших на защиту отчизны. В одном ряду с такими героями поэт желает видеть своих детей и свои произведения:

*Deyirəm ki, istiqbala məndən yadigar,
Nə şöhrətim, nə heykəlim, nə adım olsun.
Döyüşlərdə zəfər çalan mərd qəhrəmanlar,
Cərgəsində əsərimlə övladım olsun.
(Я хочу, чтобы в память обо мне
Осталась не слава, не памятник, и не имя.
Желаю чтобы мои произведения и сыновья
стояли плечом к плечу с мужественными героями)*

В конце 30-х, начале 40-х годов в творчестве С.Вургуну начался новый этап – этап войны. Чувства защиты родины всегда были составной частью поэзии Самеда Вургуну. И поэтому как только началась II мировая война поэт однозначно определил свою творческую позицию:

*Bilsin ana torpaq, eşitsin vətən,
Müsəlləh əsgərəm tən də bu gündən.
(Пусть знает родина-мать, пусть слышит отчизна
Я с этого дня вооруженный солдат)*

На протяжении всей войны С.Вургун оставаясь преданным своей данной клятве, написал прекрасные стихотворения воспевающие духовное и военное геройство народа. Самед Вургун в стихах «На страже родины», «Наставление матери», «Сестра милосердия», «Рассказы старого героя» и др. описывает отцов и матерей, провожающих своих детей на войну и в их лице обобщает героический поступок и характер народа. На протяжении всей своей жизни Самед Вургун высоко ценил героев народа, неустанно стоял на страже родины своим пером.

I мировая война, войны на Балканах, массовые убийства, имевшие место в Арзинджане, Ване и на других территориях, война в Чанаккале – все эти беды XX века сильно тревожили великого турецкого поэта Мехмет Акиф Эрсою. Поэт в своих выступлениях неоднократно выразил свое резкое отношение этим событиям и раскритиковал эти события. Одним из самых известных стихотворений М.А.Эрсою, написанных на эту тему, является «Шахидам Чанаккале». В этом поэтическом образце, где чувства патриотизма и национализма занимают ведущее место, поэт выступает в качестве пламенного оратора. Это стихотворение посвящено известной победе в Чанаккале, оставившей неизгладимый след в истории Турции. Благодаря любви к отчизне, силы воли, решимости турецкой нации, битва в Чанаккале завершилась победой. Доблестная турецкая армия, несмотря на все трудности стойко выстояв перед сотнями кораблей, самолетов и тысячами солдат государств Антанты в проливе Чанаккале и на полуострове Гелиболу завоевала победу в боях. Оттоманская армия, несмотря на слабое и недостаточное оснащение и малочисленность, смогла отразить вражеское наступление. В данном стихотворении Мехмет Акиф Эрсою можно ясно проследить все боли и горечи битвы. Поэт, уподобляющий эту битву бою, не имевшему себе равного в мире, с начала стиха начинает описывать:

*Şu Boğaz harbi nedir? Var mı ki dünyada eşi?
En kesif orduların yükleniyor dördü beşi,
-Tepeden yol bularak geçmek için Marmaraya -
Kaç donanmayla sarılmış ufacık bir karaya.
(Что такое битва в проливе? Есть ли ей равных?
Когда четыре-пять самых сильных армий
Найдя дорогу через годы перейти к Мраморному морю
Сколько флотилий собралось у маленькой суцци?)*

В этом стихотворении поэт раскритиковал негативные интересы европейцев Турции, обвинил их в жестокости. Поэт, который уподобил эту кровавую битву судному дню, отмечает, что в этой битве смешалось все человечество, весь мир от севера до юга стал свидетелем этой войны.

*Eski Dünya, Yeni Dünya, bütün akvam-ı beşer,
Kaynıyor kum gibi, tufan gibi, mahşer mahşer.
Yedi iklimi cihanın duruyor karşına da,
Ostralyayla beraber bakıyorsun: Kanada!
(Старый мир, Новый мир, все народы
Кипят как песок, как буря, судный день
Все семь климатов мира противостоят ему
Австралия с Канадой наблюдают)*

Поэт показывает, что люди, принадлежащие к различным расам, вероисповеданиям, говорящие на разных языках, беспощадно убивают турецких солдат. Мехмет Акиф называет таких «дикарями». Поэт, который не может согласиться с этой подлостью, осуждает эту кровавую битву XX века. Одними из вопросов, которые тревожили Мехмет Акиф Эрсою, были изменения, происходившие в мире под предлогом культурной интеграции.

Поэт готов беспощадно бороться против тех, кто хочет силой привести порочную изо дня в день западную культуру на восток. В своих стихах Мехмет Акиф Эрсой реалистически описывает трагедии войны.

Поэт не боится изображения кровавых событий, имевших место во время войны, и выражает свой резкий протест-возражение этой войне. М.Эрсой особо отмечает жестокость врагов, описывает их беспощадность. Он с болью в сердце указывает, что многие герои стали жертвой этой кровавой бойни. Несмотря на то, что в распоряжении врага была сильная и хорошо оснащенная армия, бесстрашные турецкие солдаты, не дрогнули перед врагами. Мехмет Акиф Эрсой, особо отмечает гордость и бесстрашие турецких бойцов, прославляет их боевой дух. Поэт, заявляющий о том, что никакое чудо не может сравниться с их героизмом, считает, что их мученическая смерть за родину является большой честью.

Как все миролюбивые люди, Мехмет Акиф Эрсой, выступающий против войны, в стихотворении «Шахидам Чанаккале» решительно осуждает войну. В то же время в этом стихотворении боевой дух находит свое художественное воплощение. Эрсой для воодушевления и вдохновения бесстрашных и мужественных сынов народа ведущих борьбу с иноземными завоевателями, написал такие стихи как «Молитва армии», «Песня войны». В этих стихах воспета традиционная любовь к родине. Мехмет Акиф в начале стихотворения, говоря о достоинстве и мужестве армии, заявляет о своем единственном желании, которое связано с неприкосновенностью Родины:

*Yılmam ölümden, yaradan, askerim,
Orduma «gazi» dedi peygamberim.
Bir dileyim var, ölürüm, isterim:
Yurduma tek düşman ayak basmasın.
Amin desin, hep birden yigitler,
«Allahu ekber!» gökden şehitler
Amin! Amin! Allahu ekber!
(Мой солдат не страшиться смерти и ран,
Пророком эта армия была названа «гази»
До смерти у меня будет одно только желание
Пусть не вступит нога врага на мою землю)
И скажут герои одним голосом «Аминь»
А шехиды с небес прокричат «Аллах велик!»
Аминь! Аминь! Аллах велик!)*

В стихотворении «Молитва армии», которое включает в себя привязанность, любовь поэта к родине, автор желает только того, чтобы армия осталась вдалеке от всяких бед. Другим стихотворением, отражающим патриотические чувства Мехмета Акифа Эрсоя, называется «Песнь войны». В этом стихотворении автор призывает турецких солдат к борьбе против врагов. В каждой строке этого стихотворения поэт призывает солдат быть стойкими и выносливыми. Поэт обращается к отважным турецким сынам, чтобы они преодолели все трудности. Он воспевает героизм турецкого солдата:

*Durma git evladım, açıktır yolun...
C//enke sıvansın o bükülmez kolun.
Süngünü tak ön safa geçmiş bulun.*

*Uğrun açık olsun uğurlar ola.
(Не задерживайся, иди, сын мой
Пусть поднимется твоя несгибаемая рука
Подними итык, встань в ряд
Да сопутствует тебе удача)*

Поэт, веривший в то, что рано или поздно победа в этой войне будет на стороне турецких солдат, описал смерть за родину как самое высокое духовное ценность.

Выводы и перспективы. Самед Вургун и Мехмет Акиф Эрсой как поэты-патриоты неустанно воспевали храбрых сынов отчизны. Если Самед Вургун написал стих «Армия родины», то Мехмет Акиф Эрсой, в свою очередь, стал автором стиха «Молитва армии». Даже если оба стиха и написаны в разные годы и в разных местах, их идейный лейтмотив составляет идентичность. Несмотря на то, что оба поэта жили и творили в странах с различным политическим социальным строем и при разной политической господствующей идеологии, борьба за родину, за ее независимость и целостность в их политическом творчестве достигла высокого уровня – уровня национально-эстетического идеала.

Литература

1. Абдуллаев Дж. Поэтика Самеда Вургун : [на азерб. языке] / Дж. Абдуллаев. – Баку, 1976.
2. Абыев А. История турецкой литературы : [на азерб. языке] / А. Абыев. – Баку, 2005.
3. Банарлы Н. История турецкой литературы с иллюстрациями : в 2 т. : [на турецком языке] / Н. Банарлы. – Стамбул, 1971.
4. Кулиев Э. Литература тюркских народов : [на азерб. языке] / Э. Кулиев. – Баку, 2008.
5. Дуздаг Э. Мехмет Акиф Эрсой : [на турецком языке] / Э. Дуздаг. – Анкара, 1988.
6. Эрсой М. А. Сафахат : [на турецком языке] / М. А. Эрсой. – Стамбул, 2007.
7. Вагабзаде Б. Самед вургун : [на азерб. языке] / Б. Вагабзаде. – Баку, 1984.
8. Вургун С. Избранные произведения : [на азерб. языке] / С. Вургун. – Баку, 2005.

Керимова Л. Ф. Боротьба за батьківщину як національно-естетичний ідеал творчості Самеда Вургун і Мехмет Акіф Ерсоє / Л. Ф. Керимова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 143–147.

У статті досліджуються патріотичні вірші азербайджанського поета Самеда Вургун і турецького поета Мехмет Акіфа Ерсоє. У творчості цих поетів були відображені політичні події початку ХХ століття.

Ключові слова: поезія, лірика, політика, історія

Kerimova L. F. The fight for his country as a national aesthetic ideal of creative Samad Vurgun and Mehmet Akif Ersoy / L. F. Kerimova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 143–147.

The article investigates the patriotic poems of Azerbaijani poet Samed Vurgun and Turkish poet Mehmet Akif Ersoy. The political events of the early twentieth century was reflected in the works of these poets.

Keywords: poetry, lyrics, politics, history

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

**ЧАСТЬ «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК МОЗАЛАНБЕКА»,
НАПИСАННАЯ АБДУРРАГИМ-БЕК ОМ АХВЕРДИЕВЫМ**

Намазова С.

*Институт литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье описываются записи Абдуллахима бека Ахвердиева, опубликованные в журнале “Молла Насреддин” под именами “Овод”, “Балагур”, “Вампир” и др.

Ключевые слова: путевые заметки, Молла Насреддин, сатира, фельетон

Постановка проблемы. Абдуллахим-бек Ахвердиев, печатавший свои статьи в сатирическом альманахе «Молла Насреддин» под подписями «Джейранали», «Хортдан», «Хеками-нуни-сагир», «Балагур», «Мозалан», «Метлобородый» и т.д., держа в поле своего зрения в течение всего творчества самые важные вопросы своего времени, острым пером выказывал свое отношение к происходящим вокруг событиям. Ряд моментов жизни и литературного творчества автора созданных в результате путешествий «Писем из Ада», «Путевые заметки Мозаланбека», «Моих маралов» были связаны с Гянджой. Также начиная с января 1907 года, во время издания в журнале «Молла Насреддин» в виде цикла «Адских писем Хортдана», Абдуллахим-бек Ахвердиев жил в Гяндже [4, 77]. Встреченный живущими в Гяндже интеллигентами с большим уважением и почтением, Абдуллахим-бек непосредственно трудился там в подготовке ряда спектаклей. Среди писателей Гянджи в тот период было немало и тех, кто, читая свои произведения Абдуллахима-беку, просил у него совета. Среди них был и гянджинский поэт Али Назми. В создании знаменитого произведения Абдуллахима-бека Ахвердиева «Путевые заметки Мозаланбека» «Путевые заметки Ибрагимбека» Зейналабдина Маррагалы послужило стимулом. Так, в ходе разговора молланасреддиновцев про это Абдуллахим-бек Ахвердиев изъявил свое желание: «Как же было бы хорошо, если для этой книги было бы и подражание «Путевые заметки Молла Насреддин». Эй, а если Молла Насреддин будет путешествовать по исламскому миру, какие с ним произойдут злоключения?» [2, 373]. Таким образом, идейные соратники отозвались на предложение Мирзы Джагила «Давайте выведем на прогулку «Мозалан»; но его путевые заметки поделим между собой, каждый пусть поведет его в места, которые сам лично видел и знает; читатели пусть полагают, что этот человек действительно видел места, о которых написал фельетоны» [2, 373] Начав первый фельетон «Путевые заметки Мозаланбека», Абдуллахим-бек Ахвердиев повел его («Мозалан») на прогулку в окрестности Гянджи и привел в Баку. Из Баку в Мешхед «Мозалан» ведет Салман Мумтаз. А в Иреване и Нахичевани прогулку проводил Курбанали Шарифзаде. В конечном итоге, так появляется «Путевые заметки Мозаланбека». Обращающим на себя внимание моментом является и то, что с самого начала журнал «Молла Насреддин» в 10-ом номере от 9 марта 1908 года в статье под заголовком «Путевые заметки Мозаланбека» объявляет о

путешествии Мозаланбека в самые ближайшие дни, всесторонне освещает его программу поездки.

Таким образом, из «Управления» читателям заранее сообщили о публикации цикла публицистических статей под названием «Путевые заметки Мозаланбека»: «Сообщаем читателям, что на днях наш товарищ Мозаланбек выйдет в путешествие. Из Тифлиса пойдет в Гянджу и, попутешествовав по Гяндже, поедет в Иреванскую губернию и, осмотрев тамошние города, и со стороны Карса по Ахалкалакской и Ахалсикской дороге перейдет в Батуми, где попутешествовав по северной стороне и встретившись с российскими татарами, вернется в Баку, затем перейдет в Хорасан, Тегеран и через Тебриз по Джульфинской дороге вернется в Тбилиси. Путешествуя по этим местам, Мозаланбек напишет путевые заметки и каждую неделю будет посылать в наше управление для издания» [6]. Часть «Путевые заметки Мозаланбека», написанная Абдурагим-беком Ахвердиевым, была напечатана в номерах журнала «Молла Насреддин» за 1908 год (№ 11-13, 15, 17, 18, 20, 22-25). Доктор филологических наук Камран Мамедов в своей монографии «Абдурагим-бек Ахвердиев», сравнивая части, размещенные в 1908 году в указанных изданиях «Моллы Насреддин» с изданными в последующих номерах, показывал, что «написанная Ахвердиевым часть написана более простым и художественным языком» [4, 80]. Доктор филологических наук, профессор Мамед Мамедов, также поддерживая эту мысль, отмечал: «Оригинальная манера письма, присущая Абдурагим-беку Ахвердиеву, манера художественного изображения, должна была резко отличаться от лингвистических и стилистических особенностей Салмана Мумтаза или Курбанали Шарифзаде» [5, 35]. Доктор филологических наук Ислам Агаев подробно выразил свое отношение именно к части «Путевые заметки Мозаланбека», принадлежавшей публицистическому перу Абдурагим-бека Ахвердиева: «В описанной А.Ахвердиевым части мастерски осуществлена сатиризация событий и фактов, раскрыто общественное значение упомянутых вопросов. В отличие от Ахвердиева, в частях, написанных Г.Шарифовым и С.Мумтазом, как правило, освещаются обычные бытовые вопросы, художественное обобщение также слабое. В произведении «Путевые заметки Мозаланбека» эстетический идеал связан с мечтами о спасении родины и народа от цепей религиозного фанатизма, повышением национального общественного сознания народа. А.Ахвердиев по одному анализирует и изучает невыносимость старой жизни в ряде населенных мест мусульманского мира. Он касается самых обычных событий и фактов общественной жизни, на основе этих явлений проводит обобщения, преподносит причины образования бытовых пороков как закономерных изъянов современного общества» [1, 71-72]. И поэтому, издатель и главный редактор журнала «Молла Насреддин», основатель школы молланарседдиновцев Джалиль Мамедкулизаде, в свое время, в своей статье, вышедшей в свет в 4-ом номере журнала от 22 января 1927 года, высоко оценив художественное и публицистическое творчество выдающегося писателя (Абдурагим-бека Ахвердиева – С.Н.), особо подчеркнул считающееся в заметной степени важным одно качество: «Абдурагим-бек Ахвердиев прежде всего со дня основания альманаха «Молла Насреддин» и до сего дня считается одним из самых близких сотрудников и одним из товарищей в степени советника» [14]. Абдурагим-бек Ахвердиев

в своих фельетонах, изданных в журнале «Молла Насреддин» в виде цикла под названием «Путевые заметки Мозаланбека» коснулся крайне важных, необходимых вопросов времени, подробно повествовал о встреченных им проблемах, горькой реальности: «.. действительно, кавказские мусульмане не знают своей Родины и борец наподобие Мозалана для них большая удача; попутешествует по всем местам, напишет, например, о банях, цирке в Гяндже, пирах, эфенди, читальнях в Шеки, гочу и проклинающих мусульманский театр в Баку, доносах беков, хаджи, о побегах в кельи в селах ахундов, не сумевших найти ответов на правые слова народа, в Карабахе, посчитавших спину народа коровьей спиной, национализме ханов Иревани, о чем-то, о чем захочет, в Шемахе, Кюрдемире, Геокчае, Агдаше, короче, достойных нашей гордости обычаях, упавших в огонь и пожертвовавших собой ради народа в последнюю среду года. «*Çe şümarəm betü mən nambənam ?*» («Что я буду поименно их тебе перечислять?» – С. Н.) Написав все это, оставит на память, а мы, прочитав, поднимем голову высоко» [7]. Последовательно напечатанные в журнале «Молла Насреддин» фельетоны Абдуррагим-бека Ахвердиева позволяли сформироваться представлениям об атмосфере Гянджи того времени. Так, из 20-го номера журнала «Молла Насреддин» от 19 мая 1908 года становится известно, что Мозаланбек, из-за пятничного дня, решил продолжить свое путешествие в мечети шаха Аббаса. И этим автор путевых заметок добился в фельетоне сатирического обличения собственной речью самих типажей неприглядных поступков плутоватых религиозных служителей, под названием «фабрики мулл» обманывающих народ лживых верующих, «благочестивых», не стесняющихся лицемерно творить грязные поступки в облике мешеди, хаджи: «... Да буду я твоей жертвой, откуда появились религия, вера. Забыв порядки, заложенные нашими отцами и дедами, построили это, и назвали его «школой», говорят, что надо детей привести сюда учиться. Разве видано такое, чтобы ребенок, сидя на стуле, делал уроки?» [8].

Отсюда явно видно, что организация школ нового стиля приобрела в Гяндже широкий размах, а автор «Моллы Насреддина», не оставив без внимания причины, беспокоящие «мулл», в своем фельетоне с особой деликатностью снова отводит место этому вопросу. Любопытным является то, что в фельетоне удачно раскритикованы ненасытность, мерзкий облик мулл, хаджи и мешеди, все мысли и желания которых заключались только в желании на каждом шагу лживыми фразами обмануть народ, урвать большую сумму, получить заработок. Абдуррагим-бек Хагвердиев в очередном фельетоне «Путевые заметки Мозаланбека» на основе чутких наблюдений, еще более усилив художественное изображение умело выбранными сатирическими выражениями наподобие «фабрики мулл», «дом лени шаха Аббаса», «магазина мулл», достаточно информировал читателей о болезненном положении населения Гянджи, в течение долгого времени превратившегося в заложников нелепых обычаев, бессмысленных занятий коварных священнослужителей.

От внимания не ускользает даже испуг от произошедших новшеств ретрограда, испытывающего особое беспокойство по поводу открытой для женщин школы, и, несомненно, порождает чувство сожаления.

Художественные образцы, в которых главенствовал острый сатирический дух, во-первых, могут быть признаны достаточными для ознакомления с положением в

Гяндже вопросов школы и образования, а также несколько увеличивают возможности по проведению широкого анализа, высказывания суждения в этом направлении.

Самое же главное, все это, безусловно, дает основание сделать вывод о том, что 2 молланасреддиновца – Абдуллагим-бек Ахвердиев и Али Назми Маммедзаде – добились полноценного изображения образа жизни и характеров людей того времени.

В цикле фельетонов Абдуллагим-бека Ахвердиева под названием «Путевые заметки Мозаланбека» одной из черт, вызывающих особый интерес, являются художественные заметки вышедшего на прогулку по Гяндже Мозаланбека о созвучии между общим видом города и сущностью происходящего там, напечатанные в 24-ом номере в журнале «Молла Насреддин» от 16 июня 1908 года: «Посреди города Гянджи течет большая река. Эта река делит город на 2 части: верхнюю армянскую (в тот период подвергшийся жестокостям презренных армян азербайджанское население после событий 1905 года вынуждено было покинуть ту часть города. Поэтому армяне всецело заселялись там – С. Н.), нижнюю мусульманскую. Про армянскую часть ничего писать не хочу, так как армянская часть каждого города самобытна. Перейдем к мусульманской. Мусульманская часть это несколько кварталов, называемых улицами. Улицы: Озан, Зарраби, Аттарлар (как упал в прошлом здесь заработок гянджинской молодежи в глубокую яму, так и идет), Имамлы (и там есть некий Гаджи Сейид Агабала), Тоюгчу (Родина знаменитого Молла Аты) и Софулу. Проживающие в Озане днем и ночью не спят и с ружьем в руках стоят на карауле, так как имущество его жителей весьма по нраву разбойникам. Зарраби – это Европы Гянджи. Государственные учреждения и русские служащие все размещены в Зарраби. Удовольствие Аттарлар пропало со дня закрытия еврейского дома. На улицы Тоюгчу и Софулу пойти не смогли, так как шел дождь, из-за грязи на дорогах нельзя было двинуться, даже перед татской мечетью запряженная буйволами телега завязла в грязи. Сколько бы людей ни пытались, ни буйволов, ни телегу вытащить не могли. На улице Имамлы увидели только бани. Мешеди Гасан не советовал идти дальше ...» [11].

Как и в других фельетонах, и здесь писатель искусно воспроизвел виденную в Гяндже картину, сатирическими оттенками дал описание образа жизни, открывающего путь бессмысленным моральным привычкам. Как видно и из манеры отображения языком «Моллы Насреддина» Абдуллагим-беком Ахвердиевым в «Mozalanbəyün səyahətnaməsi» событий периода в целом, вопреки заметным тенденциям сдвига в начале прошлого века в общественно-культурной атмосфере Гянджи, находились силы с ограниченным мировоззрением, по причине замыкания в существующем круге допускающие действия, направленные на преграждение пути развитию. «Мешеди Сижимкули» (Али Назми), вспоминая произошедшее во время гянджинского вояжа Мозаланбека в 26-ом номере журнала «Молла Насреддин» от 30 июня 1908 года под заглавием «Вам-то что», в действительности, оправдывал этими строками «Мозалан», не сторонясь, освещавшего виденное в путевых заметках и желавшего подобным образом направить свой народ на истинный путь. Важно обратить внимание на то, что часть «Путевых заметок Мозаланбека», напечатанную на страницах издания «Молла Насреддин» в форме цикла работ Абдуллагим-бека

Хагвердиева, впервые в виде отдельной книги издал доктор филологических наук, профессор Камран Мамедов (А. Ахвердиев. Путевые заметки Мозаланбека. – Баку : Азербайджанское издательство детской и юношеской литературы, 1961). После этого эти художественные образцы были включены в двухтомные «Избранные произведения» писателя. В 2007 году же кандидат филологических наук Диляра Мамедова донесла до читателей «Путевые заметки Мозаланбека»с помощью книги, изданной под заглавием «Путевые заметки» в журнале «Молла Насреддин». Таким образом, фельетоны, написанные в соавторстве Абдуррагим-беком Ахвердиевым, Салманом Мумтазом и Курбанали Шарифовым, в цельном виде подвергшись транслитерации Дилярой Мамедовой, были даны в новом издании вместе с предисловием [3].

Выводы и перспективы. Следовательно, журнал «Мола Насреддин», относится к событиям, происходящим в общественно-политической, социально-культурной жизни страны с реалистично-критической позиции, демонстрируя свое демократическое отношение, в начале XX века, в период напряженных процессов, резко развернул свое перо против враждебных народу сил. Эта черта явно прослеживается в написанных молланасреддиновцами литературных образцах, в том числе и напечатанных в журнале «Молла Насреддин» Абдурагим-беком Ахвердиевым.

Литература

1. Ağayev İ. “Molla Nəsrəddin”in poetikası / İ. Ağayev. – Bakı : “Elm”, 1985. – 168 s.
2. Haqverdiyev Ə. Seçilmiş əsərləri : İki cildə / Ə. Haqverdiyev. – Cild II. – Bakı : Lider, 2005. – 408 s.
3. Haqverdiyev Ə. “Molla Nəsrəddin” jurnalında səyahətnamələr / Ə. Haqverdiyev, S. Mümtaz, Q. Şərifov ; tərtib, transliterasiya və ön sözü müəllifi: filologiya elmləri namizədi Dilarə Məmmədova. – Bakı : “Elm”, 2007. – 76 s.
4. Məmmədov K. Əbdürrəhim bəy Haqverdiyev / K. Məmmədov. – Bakı : “Gənclik”, 1970. – 218 s.
5. Məmmədov M. Əbdürrəhim bəy Haqverdiyevin həyat və yaradıcılığı / M. Məmmədov. – Bakı : “Nurlan”, 2008. – 184 s.
6. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 9 марта 1908. – № 10.
7. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 16 марта 1908. – № 11.
8. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 19 мая 1908. – № 20.
9. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 2 июня 1908. – № 22.
10. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 9 июня 1908. – № 23.
11. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 16 июня 1908. – № 24.
12. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 30 июня 1908. – № 26.
13. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 14 декабря 1908. – № 50.
14. Журнал “Molla Nəsrəddin”. – 22 января 1927. – № 4.

**ЧАСТЬ «ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК МОЗАЛАНБЕКА»,
НАПИСАННАЯ АБДУРРАГИМ-БЕКОМ АХВЕРДИЕВЫМ**

Намазова С. Частина «Путевих Заметок Мозаланбека», Написана Абдурагим-Бекон Ахвердієвим / С. Намазова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 148–153.

У статті описуються запису Абдурахім бека Ахвердієва, публіковані в журналі "Молла Насреддін" під імям "Овід", "Перебендя", "Вампір" і ін.

Ключові слова: подорожні нотатки, Молла Насреддін, сатира, фейлетон

Namazova S. Part of "Travel notes of Mozalanbek", written by Abdurrahim bek Agverdiyev / S. Namazova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 148–153.

Describing thoroughly during the literary activity the most important matters of his time and showing the attitude to strained processes ongoing, around, with the help of his formidable pen, Abdurrakhim bey Haqverdiyev published his writings in the magazine "Molla Nasraddin" under the name of "Gadfly", "Joker", "Vampire" and others.

Keywords: travel notes, Molla Nasraddin, satire

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 821(=512.19):303.64(093.3)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ, СВЯЗАННЫХ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ АЛИМА АЗАМАТ ОГЛУ В КРЫМУ

Сеитягьяева Т. Р.

*РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь, Украина,
e-mail:crimeantatarphilology@hotmail.com*

В статье на основании документов, найденных в государственном архиве АР Крым, проанализирована деятельность легендарного крымскотатарского героя преданий, песен Алима Азамат оглу в Крыму.

Ключевые слова: архивные доказательства, литературный герой, деятельность в Крыму.

Постановка проблемы. Неугасающий интерес к литературному герою Алиму Азамат оглу способствовал прочтению целого ряда документов, найденных в государственном архиве АР Крым. Эти документы в количестве 127 листов составляют 1 часть материалов, собранных полицией в обвинении Алима Азамат оглу, уроженца Копюрликой, в кражах и грабежах, совершавшихся на дорогах Крыма в 1846–1849 гг. Состоят они из судебных жалоб, рапортов, прошений о поимке Алима на имя губернатора Тавриды В. И. Пестеля. Несмотря на то, что крымскотатарский фольклор изобилует преданиями об Алиме – благородном крымском разбойнике, совершавшем набеги на богатых помещиков, мурз и царских чиновников, доказательства его деятельности в Крыму не были приведены.

Цель статьи – привести архивные доказательства деятельности Алима Азамат оглу в Крыму на примере документов, найденных в государственном архиве АР Крым.

Изложение основного материала. Алим – потомственный крестьянин был очень популярным среди местного населения, ведь по преданиям, став разбойником и отбирая деньги у богачей, он раздавал их бедным и, как мог, чинил справедливость. За что люди платили Алиму добром, укрывая его в своих домах от преследователей. Старики, бывшие в то время детьми, с гордостью вспоминали, как Алим укрывался от преследований в доме их родителей. Это герой, для которого главным являлось отстаивание справедливости и свободы народа от мурз, помещиков и царских чиновников. К тому же образ Алима обрёл романтическую окраску, так как свои набеги он начал совершать из-за несчастной любви к дочери своего хозяина.

Понятно, что человек, решивший таким образом отстаивать справедливость, был в немилости у полиции.

Из донесения 30 сентября 1848 года Карасувбазарского Градского Головы Его превосходительству Господину Таврическому Гражданскому Губернатору и Кавалеру: «С некоторого времени, по дорогам от Карасувбазара в Симферополь и Феодосию, происходят грабежи и так часто, что проезд стал совершенно опасным. По слухам известно, что грабежи эти делает бежавший из ссылки житель города Кара-

сувбазара Алим, который через ограбленных им людей похваляется причинить мне злодеяние, в чем нет сомнения, ибо ночью, против 29-го сентября, видели его вооруженного вблизи двора моего.

Находясь таким образом в крайней опасности в собственном доме, тем более, что Алим бывает в самом городе Карасувбазаре в доме матери его, я в необходимости нашелся о вышеизложенном довести до сведения Вашему превосходительству независимое распоряжение докладываю, что об этом я уведомил Г-на Карасувбазарского полицмейстера» [1].

Документы подтверждают, что Алим – историческая личность, живший в том месте, где обычные законы не соблюдались и не уважались, поэтому образ жизни себе избравший разбойника, не смог стерпеть несправедливости и жестокости со стороны людей, на которых работал. Он горяч и отважен, храбр и добр, в характере его не было лютости и жестокости, набеги он проводил дерзко и мудро. Горцы рождали о нем легенды, слагали песни.

Простые татары почитали Алима, как покровителя слабых и угнетенных и охотно предоставляли ему убежище: «...Несмотря на все эти распоряжения я не могу надеяться на успехи, потому что татары не только не помогают в поимке Алима Азамат оглу, но как слышно еще и придерживают его в домах своих, которые не из мурз...» [1].

«Благодаря присущему татарину-горцу ловкости, прекрасному знакомству с местностью, а равно и укрывательству со стороны своих соплеменников, быстрыми, громадными переходами из одного уезда в другой, часто пробивался он сквозь расставленные цепи охотников и солдат. Из страха ли, или из участия к его несчастному положению, все татарские деревни, все муллы ему покровительствовали, доставляли приют, укрывали. Сколько раз для его поимки были устраиваемы облавы из ста и более человек! Окруженный, как зверь, в искусно подготовленной облаве, в местности, из которой, казалось, не ускользнул бы и мышонок, Алим, подобно оперному разбойнику, верхом, на глазах всех, пробивался сквозь чащи, спускался с крутой скалы в пропасть, или быстро поднимался на вершину соседней горы», – писал о нем крымский краевед Л. Колли [2, 49–50]. Краеведу об Алиме много рассказывал знаменитый художник Айвазовский, который был лично знаком с «крымским Робин Гудом».

Алима разыскивала полиция Феодосийского, Симферопольского, Ялтинского и Евпаторийского уездов. Из донесений полиции: «...Разбойник, нападавший одним лицом на 8 и более человек не страшится никакого преследования...» [1]. Алим проявлял непокорность городским властям и бесстрашие перед наказанием.

24 октября 1848 г.

Его Превосходительству Г-ну Начальнику
Таврической Губернии, Генераль Лейтенанту В. И. Пестелю
Младшего чиновника особых поручений Брюхачова
Рапорт

На основании предписания Вашего Превосходительства от 13 октября 1848 года за № 1017 о разыскании преследования и поимке грабителя, производившего в течение двух месяцев нападения на проезжих по дорогам, я в день получения при-

казания, отправился к Чуфут-кале, где в ночь с 9-го на 10-е октября, было сделано нападение на дом одного из жителей и где разбойник по имени Алим Азамат оглу был схвачен сбежавшимися на крик соседями, но ранив одного из них кинжалом, успел уйти.

Прибыв на место происшествия, в Чуфут-кале я распорядился сделать обыск во всех скрытых местах где можно было предполагать то убежище Алима, и для того, перерядив жандармов в татарское платье и наняв нескольких знающих местность татар, я обыскал в окрестностях Чуфут-кале и Бахчисарая вершины гор, чащи лесов, пещеры Таш Кермена и другие, почти неприступные места. В это время, прикомандированный ко мне для следствия квартальный надзиратель Бахчисарайской полиции Корди, тайно посланный мной в одежде разнощика караима к нанятым лазутчикам по трактирам, дорогам и аулам, для обыскания следов пребывания Алима, узнал, что он появился близ Евпатории и ограбил на дороге из этого города в Перекоп купца караима, которому нанес несколько ран дробью из пистолета. По получении этой новости тот час я отправился в Евпаторию откуда начал преследование Алима, прибегая к хитростям и употребляя всевозможные способы к сохранению тайны преследования. Для этого я ездил в крытом дилижансе и хотя на хуторских лошадях, но с бубенчиками извозчиков и тогда только во весь карьер, когда на горизонте и впереди на дороге не заметно было идущих людей. Большой промежуток расстояния, отделявший меня от Алима не позволил мне в скорости настичь его и он успел ограбить за Перекопом жену содержателя постоялого двора в Ишунни и под Каховкой, евреев, ехавших из Херсона в Симферополь. Об этом происшествии я из Перекопа известил по эстафете исправников уездов Мелитопольского и Днепровского, приглашая учредить верховых на границах из уездов с Перекопским и по полям, для преследования в случае появления Алима. Каховский становой пристав и письмоводитель исправника извещенные об этом нападении открыли место укрывательства награбленных вещей Алимом и его сообщниками, и, преследуя их, успели схватить последних, но упустили из виду Алима, который пользуясь темнотою наступившей ночи скрылся близ дачи Мальцова в Перекопском уезде. В это время я подоспел из Перекопа и в скорости, какую только могли вынести силы лошадей, сделал объезд на встречу Алима в 3 стане в Аярчы, откуда взяв верховых лошадей для себя и жандармов истребовав понятым продолжать разыскание по принятому Алимом направлению, в кошах, овчарнях и на хуторах помещиков: Самойлова, Бурнашева и Мальцова к ним Агаймакъ Мелитопольского уезда, на розыски были направлены. Алим ввел нас в обман приняв обратное направление к Перекопу, не доезжая которого, близ деревни Акчокъракъ, в нескольких стах саженьях от трактира, называемого первою казармою он, Алим, в ту же ночь, отнял у ехавших на дороге извозчиков лошадь, полушубок, деньги, и ранил одного из них дробью. Дознав от захваченных по подозрению участия в этом преступлении табунщиков, что Алим отправился обратно в Крым, я немедленно пустился за ним в погоню, но за несколько станций от Перекопа, потерял следы, что заставило меня снова произвести розыск с понятными близ Абламской станции, на хуторах помещика Андреева. Розыск увенчался успехом: я снова нашел след Алима; и вчерашнего числа, 23 октября, преследуя его по столбовой дороге, от трактира до трактира, гонясь за ним от стан-

ции Сарабуз по пятам, я вогнал его в город Симферополь, где немедленно дал о том знать во 2-ю часть города приставу Завадовскому. Между тем он, Алим, пойманный ночным дозором и бывшими при них жандармами в ту же часть и при них допрошен приставом.

Алим фактически сдался сам. О том, чтобы покинуть Крым, он и не помышлял. «Лучше наших мест ничего в мире нет», – говорил он Айвазовскому. Из донесения полицмейстера Апсеитова Господину Начальнику Таврической Губернии Симферопольской Градской Полиции: «Грабивший по дорогам и давно преследуемый Градскими и земскими полициями дезертир Алим Азамат оглу, наконец, вчерашнего числа ночью часу в 12-м пойман в городе Симферополь на бульваре полицейским служителем Булатом Ниетма оглу с бывшими при обходными. С чем Вашему превосходительству Градская Полиция честь имеет донести и дополнить, что при означенности грабителя были четыре пистолета заряженные и большой широкой кинжал, но несмотря на это упомянутый полицейский служитель Булат Ниетма оглу первый бросаясь на него с самоотверженным приказом обходным вязать его, при каковом действии грабитель этот обрезал ему Булату кинжалом пальцы. Посему Градская Полиция честь имеет утруждать Ваше превосходительство покорнейшею просьбою не оставить Вашим вниманием сказанного полицейского служителя Булата Ниетма оглу» [1].

Исправник Кекуватский

Выводы и перспектива. Анализ архивных документов, связанных с деятельностью Алима Азамат оглу в Крыму, доказывает, что Алимусу присущи храбрость, смелость, «летучесть» и неуловимость, что и выражено в народных преданиях о его подвигах.

Литература

1. Ф.26. Оп.1. Т. № 13.

2. Колли Л. Подлинный портрет Алима: портрет Алима Азамат оглу, нарисованный с натуры и «маленькая заметка» / Л. Колли // ИТУАК. – Симферополь, 1905. – № 38. – С. 48–57.

Сеітягьяева Т. Р. Попередній аналіз архівних документів, пов'язаних з діяльністю Аліма Азамат оглу в Криму / Т. Р. Сеітягьяева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 154–157.

У статті на підставі документів, знайдених в державному архіві АР Крим, проаналізовано діяльність легендарного кримськотатарського героя переказів, пісень Аліма Азамат оглу в Криму.

Ключові слова: архівні докази, літературний герой, діяльність у Криму.

Seityagyaeva T. R. Preliminary analysis of archival documents which related with Alim Azamat oghlus activities in the Crimea / T. R. Seityagyaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 154–157.

The article based on documents found in the State Archives of Crimea, the Crimean Tatar analyzed the activity of the legendary folk hero legends, songs, Alim Azamat oglu in the Crimea.

Key words: archival evidence, literary hero, the activity in the Crimea.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 821-1.222.1.09“190/199“

ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОХРАБА СЕПЕХРИ КАК ПОЭТА

Немтинова А. Ю.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: tosechka06@gmail.com*

В данном исследовании представляется анализ литературного наследия выдающего поэта XX века Сохраба Сепехри, в котором его творчество делится на основные этапы, в соответствии с событиями, имевшими влияние на формирование личности и отразившимися в его поэзии.

Ключевые слова: персидская литература, поэзия, XX век.

Постановка проблемы: Литературное наследие Ирана в XX веке представляет собой феномен полной трансформации. В это время иранская литература претерпевает глубочайшие изменения в жанровой системе, в тематике произведений, связи литераторов с окружающим миром и выходом женщин на творческую арену.

Одним из главных прорывов начала XX века, по мнению Тамимдари и Кляштоариной, является «шер-е ноу», новый поэтический жанр введенный известным поэтом того времени Нимой Юшиджем [1; 2]. Это свежее решение ринулись поддержать и другие открытые для экспериментов авторы. Одним из самых ярких поэтов является Сохраб Сепехри, который, хоть и последовал примеру своего «наставника» Нимы (борца за права социума), но направил свои произведения по совершенно иному руслу, руслу мирного самоусовершенствования и отстраненности, от окружающего мира. Его поэзия резко выделилась на общем литературном фоне Ирана середины XX века.

Однако, прежде чем прийти к собственному аутентичному стилю, автор прошел несколько этапов становления его литературного «я». Жизнь Сохраба Сепехри была полна событий, которые оказали влияние на формирование его таланта, взглядов на мир, философского мировоззрения. В данной работе прослеживается становление Сепехри как художественной личности и формирование его собственного стиля в персидской поэзии второй половины XX века. Исследование дает анализ всего творчества поэта и выделяет наиболее важные жизненные эпизоды, знакомства, путешествия и другие значимые факты, имевшие влияние на автора.

Актуальность данного научного исследования заключается в том, что творчество Сохраба Сепехри не достаточно исследовано. В научных источниках отсутствует детальный анализ его творчества относительно его жизненного пути, формировавшего поэта как личность.

Предметом изучения является связь биографических данных с периодами развития творчества Сепехри.

Объектом исследования является литературное наследие Сепехри.

Целью данной исследовательской работы является изучение взаимосвязи между данными его биографии и их отражение в творчестве Сепехри. Указанная цель предполагает **решение следующих задач**:

- выявить и охарактеризовать наиболее значимые события в литературной жизни Сохраба Сепехри;
- связать эти факты с особенностями его поэзии;
- определить этапы становления поэтической личности автора и выполнить периодизацию его творчества.

Статья опирается на работы А. Тамимдари [1], В.Б. Кляшторина [2], А.Р. Рада [3], М.Ю. Николаевской [4], М.Р. Сатарова [6].

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые выполнена периодизация творчества Сохраба Сепехри с учетом влияния биографических данных.

Ведущим методом при проведении исследования был избран сравнительно-исторический метод, однако наравне с ним использовались психоаналитический, биографический и интуитивистский методы литературного анализа.

Статья направлена на изучение творчества Сохраба Сепехри биографическим методом, анализ его творчества и исследование стиля, тематики, метрики и языка его поэтических работ.

Данная работа является отправной точкой для дальнейших исследований творческого наследия выдающегося поэта XX века Сохраба Сепехри.

В ходе своего развития как поэт и художник, Сепехри прошел различные этапы поглощенности теми или иными принципами личной поэтики и формирования мировоззрения.

Сохраб Сепехри обладал открытым для новых впечатлений и опыта сознанием, что позволяло ему с легкостью впитывать и чувствовать различные аспекты многогранных культур, а так же воспринимать взгляды философских течений различных стран и народов. Николаевская указывает, что с каждой новой изученной религией, прочувствованной культурной особенностью что-то менялось в мировоззрении поэта и, следовательно, влияло на поэтическое и художественное творчество [4].

Для практических целей, мы можем разбить его творчество на пять основных периодов, в соответствии с определенными стадиями формирования личности поэта и влияния внешних факторов окружающей его среды. Первым этапом литературного творчества является период «классической» поэзии, включающей различные газели, четверостишия и, прежде всего, свою первую книгу «در کنار چمن یا آرامگاه عشق» («На краю луга или мавзолеей любви») (это название, как и все нижеследующие, взято из сборника поэзий Сохраба Сепехри «هشت کتاب» («Восемь книг» и переведено с помощью Персидско-русского словаря в двух томах Рубинчика Ю.А.), маснави из двадцати шести частей (masnawī, стихотворение в форме куплетов) в стиле Ираджа Мирзы (1874-1926) и его произведения «Манучехр и Зохра» [5; 7]. Написанная классической манерой, эта работа изобилует традиционными тропами и образами, и показывает сентиментальность подростка, подражающего персидским поэтам-предшественникам конца XIX века, такие выводы можно сделать, опираясь на труд "История персидской литературы" Ахмада Тамимдари [1].

Второй этап поэтического развития творчества Сепехри начинается с открытия им поэзии Нима Юшиджа в середине 1948 года, важность этого знакомства подчеркивает А.Р. Рад. Правильная строфическая форма его стихотворения «بیمار» («Больной»), изображающая безнадежно больного человека, курящего в постели, ясно показывает влияние Нима на структуру, язык и причудливость образов; такие же следы влияния можно обнаружить в «زندگی» («Жизнь»), «جزیره طلایی» («Золотой остров») и «شمع بالین» («Ночник»), все опубликованные в «جهان نو» («Новая вселенная») весной 1949 года [3; 5; 7].

Нимаическая фаза Сепехри достигает полного своего раскрытия в произведении «مرگ رنگ» («Смерть цвета») (1951). Что касается метра, формы и образов, все стихи в сборнике очень отчетливо несут на себе печать влияния Нима, что в случае «مرغ غریب» («Экзотическая птица»), «دریا و مرد» («Море и человек»), «نقش» («Рисунок»), и «سرگذشت» («Рассказ»), и можно было бы с легкостью принять их за собственные произведения Нима Юшиджа [5; 7]. То, что отличает Сепехри от своего предшественника – это отсутствие обостренного чувства социального самопожертвования Нимы, которое в работах Сепехри замещено обращенным внутрь, самосозерцанием. Это делает творчество Сепехри похожим на работы английских поэтов конца XIX века.

Третий период в поэзии Сепехри начинается приблизительно в 1951 (и заканчивается в 1961 году) с публикации «آوار آفتاب» («Обрушение солнца»), сборник из трех коллекций поэзий: «زندگی خوابها» («Жизнь сновидений»), ранее опубликованной в качестве отдельного тома в 1952 году, издание стихов, написанных между 1952 и 1958 годами, и «شرق اندوه» («Восток скорби») [5; 7]. Сборник также включает в себя введение, написанное самим Сепехри, в котором он указывает на неизбежное расхождение между восточным и западным мировоззрением, с изначальным земным, в котором интуитивная связь человечества с органическими законами космоса, культивирована символикой и нюансами их древних мифов и пронизана философией. Тем самым, по Николаевской М.Ю, Сохраб Сепехри начинает в себе и в своих приверженцах культивировать тягу к изучению философских учений, с многочисленными ссылками на индуистскую мифологию, даосизм, конфуцианство и дзен-буддизм. Сепехри выступает за сравнительно более благоприятный характер мировоззрения Востока [4].

Декада поэзии, входящей в этот сборник, является самым богатым и, возможно, самым значимым в становлении личности поэта периодом. Завершив учебу, Сепехри преимущественно путешествует по миру и переводит стихи с французского, английского, китайского и японского языков, экспериментирует с языком своих поэзий, метрикой, пробует писать белые стихи (например «سایه» («Тень»)), пишет стихи с народными мотивами и стихи для детей (например «مرغ صدای طلا» («Птица с золотым голосом»)) [5; 6; 7]. Он даже пробовал свои силы в написании французской поэзии. В течение этого десятилетия Сепехри также изучает индуистскую мифологию и восточную философию, которые оказали непосредственное влияние на его эстетическое восприятие, как поэта и художника.

Публикация в 1965 году Сохрабом Сепехри поэмы «صدای پای آب» («Звук шагов воды») стала переломным моментом в его творчестве [5; 7]. В широком смысле это

автобиографическая работа, которая является началом нового четвертого этапа творческой жизни поэта. Это произведение обозначило Сепехри среди других представителей современной персидской поэзии как автора со своим собственным аутентичным звучанием. Сюжет поэмы, с одной стороны, вращается вокруг дихотомии между ограниченной формальностью полученных человечеством знаний и бесчеловечностью материализма нового времени; с другой стороны, в ней делается упор на необходимость пересмотреть систему ценностей человечества и в конечном итоге достичь более тесной связи с природой.

«چشم ها را باید شست»، советует Сепехри, «جور دیگر باید دید»: «We must wash our eyes; we must learn to see otherwise». («Мы должны промыть глаза, чтобы взглянуть по-другому») [5; 7]. Этот настойчивый призыв увидеть окружающий мир иначе стал одной из основных тем всех последующих произведений Сепехри.

Коллекция из двадцати пяти стихотворений, написанных между 1962 годом и летом 1967 года, «حجم سبز» («Зеленый объем») включает в себя практически все наиболее известные работы Сепехри [5; 7]. Первое издание имеет тираж две тысячи экземпляров, что вдвое превышает средний тираж того времени. «ندای آغاز» (Первобытный вызов), «واحه یی در لحظه» («Оазис в момент»), «پشت دریاها» («За морями») и «نشانی» («Адрес») являются одними из лучших поэзий сборника, каждая из которых раскрывает аспекты очерченных выше тем с простотой, откровенностью и пронизательной настойчивостью, которые стали символом поэтического голоса Сепехри [5; 7]. Поразительный сдвиг в «حجم سبز» («Зеленый объем») есть жизненная осведомленность Сохраба о его одиночестве в мире. Кроме того, в этом сборнике, поэтический язык, впервые появившейся в «صدای پای آب» («Звук шагов воды»), набирает обороты, воплощаясь в уникальные и характерные черты, впоследствии безошибочно ассоциируемые напрямую с автором [5; 7].

Сатаров говорит, что язык Сепехри на данном этапе базируется на неординарных ассоциациях слова, концептуально неуловимых изображениях и семантически «нелогичных» высказываниях, чтобы создать кризис смысла в языке, кризис, который неизбежно мобилизует читателя выйти за рамки обыденности языка и, в конечном счете, осмыслить иначе неопишуемые абстракции [6]. Хрупкий баланс между простотой синтаксиса и абстракцией изображения подстегивает читателя вставлять такие значения, которые не присущи данному слову в обычной контекстной ситуации. В отличие от Нима Юшиджа, который часто создавал новые символы из конкретных объектов для передачи абстрактных понятий, Сепехри генерирует значение через ассоциацию уже абстрактного образа, со столь же абстрактным понятием, но при этом выражается такой образ при помощи простого языка. В то же время другие черты представляют новизну языка Сепехри: его успех создания легко доступной абстракции в использовании для его передачи простого и очень лаконичного языка. Этот принцип остается основой его успеха в создании поэтического языка его произведений, который стал непременно связан с ним, эхо его влияния остается узнаваемым для любого читателя современной персидской поэзии.

Несмотря на достижение Сепехри по внедрению нового поэтического языка в горячую атмосферу новшеств современной персидской поэзии, публикация «حجم سبز» («Зеленый объем») была встречена натиском противоречивых отзывов. Ото-

бражая этот раскол во мнениях персидских литераторов, две популярные газеты и «آيندگان» («Аяндеган») и «کيهان» («Кейхан») назвали «حجم سبز» («Зеленый объем») лучшей книгой года, в то время как другие издания – худшей [7; 5].

В 1979 году Сепехри опубликовал свой знаменитый сборник «هشت کتاب» («Восемь книг») [5; 7]. Полное собрание ранее опубликованных книг, с некоторыми упущениями и пересмотром ранее написанных произведений, а так же новой серией стихотворений, написанных между 1967-1979 и называемых «ماهيچ، مانگاه» («Мы – ни, чтомы – взгляд»). Самые абстрактные стихи Сепехри «ماهيچ، مانگاه» («Мы – ни, чтомы – взгляд») представляют пятый, заключительный этап его поэтического развития [5; 7]. Хотя многие критиковали Сепехри за чрезмерную абстрактность, которая якобы делает эти стихи непонятным (например, Бехбахани), другие преуспели в выявлении иллюзорной, неуловимой философии, лежащей в них.

Исключительная простота слога Сепехри, неординарная фразеология, образность и неуловимая философия, заставляет читателя активно взаимодействовать с чрезмерно перегруженным смысловым текстом, чтобы, в конечном счете, создать новое субъективистское понимание жизни.

Результаты. Творчество Сохраба Сепехри можно разделить на 5 основных периодов. Каждый период имеет собственные черты, отделяющие его от остальных. Эти черты были сформированы биографическим контекстом, формировавшим мировоззрение автора, которое менялось с каждым годом, становясь все более отчетливым, всесторонне развитым и устойчивым. На сознание Сепехри имело влияние знакомство с массой разнообразных религий и культур, которое так же являлось вдохновением для написания многих произведений.

В своем становлении автор начал путь юношей-романтиком, черпающего силы из произведений авторов XIX века, классиков и их произведений. В этот период он пишет произведения классических жанров с классическими сюжетами, во многом подражая своим предшественникам. В дальнейшем Сепехри, знакомясь с современными ему деятелями искусства, начинает открывать для себя все новые и новые аспекты поэзии. Одним из переломных моментов его творчества становится знакомство с Нимой Юшиджем, который сам по себе являлся неординарным человеком, подарившим современной персидской поэзии новый жанр «шер-е ноу». Этот жанр помог раскрыться множеству авторов, и одним из таких был и Сепехри. Его многогранной, формирующейся и готовой к экспериментам личности это новое течение в литературе помогло найти самое себя и встать на долгий извилистый путь к своему «я» в литературе.

Выводы и перспективы. Сепехри начинает развил свой талант, опираясь на поэтические новшества: вначале подражая другим, а потом приобретая свой собственный голос. В своей жизни поэт повидал немало стран, знал многие языки, общался с огромным количеством деятелей искусства, представителями литературных обществ и направлений. Каждое новое знакомство или происшествие откладывало отпечаток в его сознании, а потом выливалось в очередной поэтический шедевр. Таким образом, он прошел долгий путь от «наивного» юноши, к опытному автору множества шедевров поэзии современной персидской литературы.

Как и каждый незаурядный талант, Сепехри будоражил сознания людей, а их отзывы и впечатления всегда были противоречивыми. Одни считали, что он «выжимает» из персидского языка и «шер-е ноу» нелепые абстрактные и никому непонятные образы, нестоящие внимания. Другие же восхищались его гением. Сам поэт творил не ради искусства или наживы, он через свои произведения занимался самосовершенствованием, пытался достучаться до глубин души читателей, подстегивая их к размышлениям над своей жизнью, целью на Земле и первородной философией.

Данное исследование является ценным источником изучения творческого наследия иранского поэта XX века Сохраба Сепехри, явившегося ярким образцом талантливой поэты, жаждущего знаний, блуждающего в мире образов и абстракций в поисках «Истины» и собственного «я».

Литература

1. Тамимдари А. История персидской литературы / Ахмад Тамимдари – Санкт Петербург: Петербургское Востоковедение (Orientalia), 2007. – 240 с, – ISBN 5-85803-355-4.
2. Кляшторина В.Б. «Новая поэзия» в Иране/ Вера Борисовна Кляшторина – Москва, 1975. – С. 83–106. – ISBN 5-02-016936-6;
3. Рад А.Р. Место Сохраба Сепехри в современной персидской поэзии: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (персидская литература)/ Абулфазл Рахими Рад – Душанбе – 2009. – 27с.
4. Николаевская М.Ю. Синтез культурных традиций в поэзии Сохраба Сепехри. Восток-Запад: притяжение, отталкивание/ Мария Юрьевна Николаевская – Москва: ИВАН, 1998. – 83 с.
5. Сепехри С. «هشت کتاب» («Восемь книг»)/ Сохраб Сепехри – Тегеран, 2010. – С. 18-418. – ISBN 978-964-6414-85-3;
6. Сатаров М.Р. Творчество Сохраба Сепехри в контексте литературы XX века. Исследования по иранской филологии/ М. Р. Сатаров – Москва: ИСАА, 1999. – 117-141 с.
7. Рубинчик Ю.А. Персидско-русский словарь в двух томах, 60 000 слов./ Юрий Аронович Рубинчик – Москва: Академия наук СССР/ Институт востоковедения, 1969. – 847с. – ISBN 964-5955-75-0, ISBN 964-5955-76-9.

Немтінова А. Ю. Етапи становлення Сохраба Сепехрі як поета / А. Ю. Немтінова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 158–163.

У даному дослідженні представляється аналіз літературної спадщини видатного поета XX століття Сохраба Сепехрі, в якому його творчість поділяється на основні етапи, у відповідності з подіями, що мали вплив на формування особистості і відбилися в його поезії.

Ключові слова: перська література, поезія, XX століття.

Nemtinova A. Yu. Sohrab Sepehri's coming-to-be a poet stages / A. Yu. Nemtinova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 158–163.

The given study presents the analysis of the literary heritage of the outstanding poet of the XX century Sohrab Sepehri, in which his work is divided into the main stages, according to the events that had influence on his personality and reflected onto his poetry.

Keywords: Persian literature, poetry, XX century.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

НЕМЕРКНУЩИЙ ТАЛАНТ НИЗАМИ В «СЕМИ КРАСАВИЦАХ»

Наджафова Ш. Ю.

*Сумгаитский государственный университет, г. Сумгаит, Азербайджан
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Великий Азербайджанский поэт Низами Гянджеви гениальным мастерством изображает личность, человеческое «Я» в огромном разнообразии его чувств и эмоций – от высокой радости до глубокой печали. В статье исследуется одна из его пяти поэм под названием «Семь красавиц».

Ключевые слова: великий поэт, касыда, газель, рубаи, поэма «Семь Красавиц», Бахрам-Гур.

Постановка проблемы. Великий Азербайджанский поэт Низами Гянджеви гениальным мастерством изображает личность, человеческое «Я» в огромном разнообразии его чувств и эмоций – от высокой радости до глубокой печали.

Творения великого сына азербайджанского народа составляют самые яркие страницы золотого фонда мировой литературы. Низами – один из самых ярких звёздных часов не только азербайджанского народа, но и всего человечества [1; 2].

Низами – поэт Азербайджана XII века, слава которого распространилась в мировом масштабе [3-5]. Большой интерес представляет творчество поэта с точки зрения многообразия жанров. Мы можем сказать, что Низами дал образцы всех основных направлений восточной поэтики, творчески привнося в них новые идеи и используя художественные принципы. Творческая деятельность Низами началась с лирики, главными видами которой были газели и касыда. Он создал прекрасные образцы газелей, рубаи и касыд.

«Сокровищница тайн» – по жанру художественно-философский-дидактический трактат, включающий короткие новеллы и рассказы. Поэмы «Хосров и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Семь красавиц», «Искендер-намэ» по широте изображаемых событий и глубине проникновения в них могут быть охарактеризованы как стихотворные романы. Касыда была основной формой восхваления главы царствующего дома. Касыды, сочиненные по случаю новогоднего праздника – Новруза (21 марта) были посвящены приходу весны, пробуждению природы и т.д, а касыды, написанные по случаю военных побед, прославляли могущество, искусство или стихийные силы природы, которые сметали со своего пути все. Содержание и назначение касыды накладывали свой отпечаток на ее общий тон и поэтическую стилистику.

Наиболее распространенной формой лирического жанра была газель. Основной темой газели является описание любви, изображение красоты возлюбленной, её капризов и жестокости, прелестей, переживаний влюбленного, силы и глубины его чувств, верности и т.д. Газель, как по содержанию, так и по форме коренным образом отличается от европейских лирических стихотворений. В газелях почти невозможно провести четкую грань между привычными понятиями – содержанием и

формой. Главным содержанием газели была любовь и страдания поэта и необыкновенная красота его абстрактной возлюбленной. Новые образы, новые поэтические находки составляли основную художественную и эстетическую ценность газели. Лирические стихи Низами существенно отличаются от газели его современников. Многие из его газелей созданы не для исполнения под музыку, они написаны по тому или иному случаю, как исповедь души, под влиянием нахлынувших чувств – грусти, надежды, радости.

Каждая поэма Низами – целый мир в движении. Этот мир не подвержен закону тления и старения, молодеет и расцветает из века в век. В чем же секрет вечной молодости творений Низами, давно уже ставших фактом литературной жизни Франции, Германии, Англии, Америки, Японии, и многих других стран? В том, что великий художник слова и мыслитель, своей волшебной кистью изобразил такие нетленные человеческие мечты, которые извечны и будут живы, пока живет человечество.

Четвертая поэма Низами «Семь красавиц» отличается от предыдущих прежде всего особенностями своего построения. Поэма по широте охвата жизненных вопросов, силе поэтической фантазии и мастерству психологического анализа героев занимает одно из первых мест в средневековой литературе не только Азербайджана, но и всего Востока. Эта поэма является четвертым по счету произведением «Хамсэ» («Пятерицы») и третьей романтической поэмой Низами Гянджеви. В произведении два основных пласта.

Первый составляет повествование об истории шаха Бахрам-Гура, одного из правителей домусульманского Ирана, сына Эздигерда – Грешника. Поэма была написана по заказу правителя династии Аксункуридов Аладдина Корпа – Арслана (1174-1208 гг.). Низами в поисках темы обратился к старым хроникам, богатым событиями, изучил множество книг на разных языках, и наконец, остановился на легенде о Бахраме Гуре. Бахрам Гур – крупнейшая фигура в истории Ближнего Востока. Выдающийся представитель династии Сасанидов шах Бахрам Гур (420-438 гг.) был сыном Иездегерда I. Выбор этой темы для Низами не был случайным. Она привлекла поэта, прежде всего тем, что была связана с Азербайджаном.

В «Семи красавицах» Низами пользуется мотивами Азербайджанского фольклора, ставит вопросы взаимоотношения народа и правителя, ярко выражает свои демократические идеи. Подчиняясь литературным традициям своего времени, Низами посвящал свои бессмертные произведения различным правителям. Правители Низами – Искендер, Хосров, Бахрам, Ануширван – рано или поздно познают эту истину, и хотя бы к концу жизни стремятся к справедливости. Бахрам, по рассказу Низами, вывез семь красавиц, взятых им в жены, из семи поясов земли, на которые, согласно распространенным на средневековом Востоке представлениям, разделялся весь обитаемый мир.

Второй пласт произведения образует семь вставленных новелл, рассказываемых поочередно женами Бахрама в специально возведенных для него семи дворцах. Цвет каждого дворца соответствовал цвету одной из семи известных в то время планет, покровительствующих семи поясам земли. В истории правления Бахрама поэт продолжает развивать свои просветительские взгляды на идеального правителя, использующего власть в интересах народа. Поэта больше всего интересовали не

любовные похождения Бахрама Гура, а вопросы государственного строя и управления, вопросы, которые занимают основное место в творчестве Низами, начиная с первого его произведения – «Сокровищница тайн».

В поэме «Семь красавиц» Низами, более близко затрагивая эти вопросы, доказывает необходимость участия народа в деле государственного управления. Герой этой поэмы Бахрам-Гур преклоняется перед мудростью трудящегося народа, учась у старого, бедного пастуха. Для того, чтобы дать народу счастье для процветания и укрепления страны надо быть справедливым правителем, а для этого необходимо опираться на народ, защищать его интересы. Таковы основные идеи поэмы «Семь красавиц».

Демократические воззрения великого Низами, его глубокая любовь к народу и гуманизм нашли в этом произведении свое высокохудожественное выражение. Герой поэмы Бахрам-Гур умен и мудр. Будучи прекрасно воспитанным, он изучил разные науки и языки. Он оптимистичен в своем отношении к жизни. И никогда не теряет надежды. События, происшедшим перед его глазами в годы его юности, помогли ему избрать правильный жизненный путь. Например, угнетающее впечатление произвела на Бахрама казнь великого зодчего Симнара. Помня кровавый поступок Номана, Бахрам во время постройки для себя семи башен щедро награждает зодчего по имени Шейда. Интересен эпизод, повествующий о споре Бахрама с его рабыней Фитне. Победа умной Фитне над Бахрамом не мало способствует духовному развитию последнего. Низами придает большое значение тому влиянию, которое оказывают на героя люди, окружающие его, а также показывает отражение этого влияния на психологии, характерах героев. Наученный горьким опытом жизни Бахрам становится мудрым царём, который не боится никаких препятствий. Но мудрость Бахрама относительна, ибо стоит исключить влияние со стороны, так он сразу же теряет свою самостоятельность. Простая рабыня Фитне более мудра и находчива, а шах Бахрам учится у нее знанию жизни.

Бахрам – бдительный, сообразительный в управлении государством царь. Он строг к окружающим его вельможам из родовой аристократии. Эти трусливые, неспособные к действию люди не принимают никакого участия в государственном управлении. Однако Низами не считает Бахрама идеальным правителем. Бахрам-Гур слишком далек от идеала, подлинно справедливого царя, которого представлял себе поэт. Тысячи невинных людей в стране этого «справедливого шаха» погибают в темницах, а сам он не может противостоять чужеземным захватчикам, так как в разоренной стране его нет ни войска, ни денег.

Доверяя двуличному визирю Раст-Роушен управление государством, Бахрам приводит народ к разорению. Раст-Роушен один из интересных образов поэмы «Семь красавиц». Он наиболее живое воплощение феодального деспотизма, лицемерия, измены и предательства. С исключительным мастерством Низами раскрывает внутренний мир этого низкого человека.

Бахрам, не понимая подлинных причин разорения страны, предается тяжелым думам. Он пробуждается лишь после беседы со старым пастухом. Пастух повесил собаку, которая связалась с волчицей и погубила стадо.

Кто грешнику грехи его простит

Того всевышний не благословит.

- говорит он Бахраму.

Простая мудрость этих слов раскрыла правителю глаза, он признался самому себе:

У пастуха простого

Узнал я управления основы...

Справедливость Бахрама не совершенна и не беспорочна. Низами, присущим ему мастерством, очень тонко разоблачает Бахрама, слава о доброте которого ходила по всему свету. Мудрости учит шаха рабыня Фитне, бдительности и справедливости – простой пастух.

Низами заставляет своего героя пережить процесс «душевного очищения». Бахрама, уверенного в своей справедливости окончательно пробуждает жестокий гнёт, царивший в его стране. Шах, некогда тяжело переживший смерть от голода одного подданного, кается, он увидел, что обрек целую страну и весь народ на несчастье. Бахрам жалеет о бесполезно проведенных днях. Он превращает символ беспечного веселья – семь башен – в храм поклонения огню, освобождает семь красавиц и, в знак покаяния, покидает свой дворец.

Сложность образа Бахрама заключается именно в том, что он осознает свои ошибки, не закрывает на них глаза. Для него оказалось легче взять корону, положенную между львами, чем удержать ее.

Низами призывает феодальных правителей помнить историю Бахрама. Пир и наслаждения временны, преходящи, говорит поэт, но в них заключается цель и смысл жизни. Смысл жизни заключается в служении народу, справедливости, щедрости, в прославлении своего имени добрыми делами:

Тот, кто умен, в этой деревне,

Больше ценит добро, чем золото...

Семь новелл, которые внешне никакого отношения к царствованию Бахрама не имеют и кажутся дополнением к основной линии произведения, органически связаны с идейным содержанием поэмы. Правда, каждая из сказок семи красавиц является сама по себе законченным самостоятельным произведением, но они не только не нарушают композиции и художественной целостности поэмы, а наоборот, еще более углубляют ее идейный смысл.

Новеллы, с одной стороны, раскрывают характерные черты Бахрама, который ведет фантастический образ жизни красавицами семи стран, с другой стороны, Низами подчиняя содержание этих сказок основной идее, затрагивает в них общечеловеческие темы жесткости и справедливости, верности и измены, добра и зла.

В этих новеллах особенно ярко проявляется характерная черта творчества Низами – близкое знакомство поэта с фольклором, в особенности с народными сказками. Простота и богатство фантазии, лаконичная сжатость и убедительность, присущие народным сказкам, еще более усилены в этих новеллах мастерским пером поэта.

Взаимосвязь творчества Низами с фольклором еще не достаточно изучена. Но уже сейчас не может быть сомнения, что Низами, наряду с письменными источниками, пользовался и богатым устным наследием азербайджанского народа. Это подтверждается обилием простых азербайджанских выражений, употребляемых по-

этом, сходством между некоторыми художественными мотивами Низами и древними народными сказаниями и на конец, композицией сказок в поэме «Семь красавиц». В Азербайджанском фольклоре и по сей день можно найти множество сказок и легенд, которые, несомненно, являются различными вариантами поэм Низами. Многие из этих сказок относятся к темам «Искендернаме», «Семи красавиц», «Сокровищницы тайн».

Семь легенд, написанных в форме сказок на поэму «Семь красавиц» оказали глубокое влияние на народную литературу. Большой интерес представляет и композиционное построение поэмы «Семь красавиц». После обычной «божественной» части, начинается история Бахрама. За тем следуют эпизоды, характеризующие его отвагу, мудрость, справедливость. Далее поэт расписывает беспечную жизнь Бахрама с семьей красавицами. После этой части поэмы Низами снова показывает царствование Бахрама и характеризует его как царя. Таким образом, проведя своего героя через ряд сложных событий, Низами стремится к полному раскрытию его характера. Как всегда он описывает своего героя в движении, в процессе постоянного развития, в постепенном изменении его отношения к жизни. Конкретность и реальность описаний является основными чертами творчества Низами. Даже в самых романтических и фантастических описаниях поэт не забывает реальную обстановку, в которых происходят события, конкретное время и место действия.

Низами соблюдает законы развития и движения и в эпизодах, когда семь красавиц в семи дворцах, окрашенных в семь цветов, рассказывают соответственно семи дням недели семь легенд. Повествование легенд начинается в субботу и кончается в пятницу. И тут имеется определенная закономерность не только в развитии естественного хода событий каждого дня, но даже в чередовании цветов, легенд, в последовательности самого содержания. Дворец с черным куполом заменяет дворец с желтым куполом, затем следует зеленый, красный и другие светлые цвета, пока на седьмой день – пятницу – не наступает очередь посещения Бахрамом белого дворца. Мы видим, что Низами проводит линию постепенного развития, последовательного изменения дней – событий и цветов, первые из которых (дни-события) нарастают, а вторые (цвета) делаются все светлее и светлее.

Если мы обратим внимание на развитие мотива любви, занимающего основное место в легендах, то заметим, что он также постепенно возвышается, делается все более ярким и прозрачным. Широкое распространение и популярность поэмы «Семь красавиц» неслучайны. Проходят годы и века, но художественная свежесть этого бессмертного творения по-прежнему привлекает к себе народы всех стран. Глубокое идейное содержание, смелый взлет фантазии, яркая и блестящая романтика придают этому произведению громадную силу социально-эмоционального, художественного воздействия.

Выводы и перспективы. Учение Низами, его мечты о равенстве, братстве, свободе, добре и любви в обществе издавна вдохновляли мыслящих представителей всех поколений на переустройство мира. Прошло свыше девяти столетий со дня рождения Низами. Но его немеркнущий талант с каждым днем раскрывается все новыми гранями. Низами будет жить вечно и вечно будет поэтом участником самых благородных свершений человечества.

Литература

1. Азаде Р. Низами Гянджеви / Р. Азаде ; Национальная Академия Наук Азербайджана. – Баку : Издательство «ЭЛМ», 1981.
2. Алиев Р. Низами Гянджеви / Р. Алиев ; Институт Литературы имени Низами. – Баку : Издательство «Язычы», 1991.
3. Низами Гянджеви : собрание произведений / Институт Литературы и языка им. Низами. – Баку : национальная академия наук Азербайджана, 1991
4. Низами Гянджеви «Хамсэ» («Пятерица» 1959г.) / Низами Гянджеви. – Баку : Издательство «Язычы», 1982.
5. Низами Гянджеви. «Лирика», «Сокровищница тайн» / Низами Гянджеви. – Баку : Издательство «Язычы», 1988.

Наджафова Ш. Ю. Немеркнучий талант Нізамі в «Семи красунях» / Ш. Ю. Наджафова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 164–169.

Великий Азербайджанський поет Нізамі Гянджеві геніальним майстерністю зображує особистість, людське «Я» у величезній різноманітності його почуттів та емоцій – від високої радості до глибокої печалі. У статті досліджується одна з його п'яти поем під назвою «Сім красунь».

Ключові слова: великий поет, Касида, газель, рубаї, поема «Сім Красунь», Бахрам-Гур.

Najafova Sh. Yu. Nizami Ganjavi's unfading talent in “Seven Beauties” (“Yeddi Gozel”) / Sh. Yu. Najafova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 164–169.

The article explores the great azerbaijani poet Nizami Ganjavi's creativity as one of the bright examples not only of azerbaijanians, but of the whole humanity. The author shows N.Ganjavi's creativity being of interest from its genres variety, such as gazal, rubayi and gasyda. The poem “Seven Beauties” (“Yeddi Gozel”), its characteristic peculiarities have been analyzed in the article.

Key words: great poet, gasyda, gazel, rubayi, poem “Seven Beauties”, Bahram-Gur.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ФОЛЬКЛОР И ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бабаева Д.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье на обширном материале исследуются вопросы фольклора и художественной литературы, автор описывает связи фольклора с Азербайджанской литературой XX века, выявляет общие черты этих взаимоотношений.

Ключевые слова: фольклор, художественная литература, образ, идея, герой

Постановка проблемы. В современной азербайджанской литературе обращение к мифологии и фольклору, являющимся самым древним продуктом художественного сознания народа, представляет собой важный качественный признак этой литературы.

Этот литературный процесс, делающий необходимым полное осознание культурно-исторического, этнопсихологического контекста нашей литературы, в **суждении** времени постепенно все более оправдывает себя.

Вместе с тем необходимо принимать во внимание, что представления, научные подходы к фольклорным и мифологическим образам со временем также углубляются. Новое значение мифа в XX веке знаменитый испанский ученый и философ Роже Гароди объясняет так: «До сих пор мы посредством чувств или понятий обращались к тому, что уже сделано. Миф же требует от нас образения к тому, что еще предстоит сделать. Он призывает нас быть не только создателями предметов или калькуляторами отношений, но и дарителями смысла и творцами будущего. Символ требует этого отрыва от бытия, этого преоделения бытия в сознании и творчестве» [1].

Общая характеристика, стадии формирования и развития, идейная и духовно-нравственная проблематика, отдаление от типа стабилизировавшегося героя советской литературы, новая эстетическая сущность и новые типы героев, главнейшие стилистические направления современной прозы, противостояние индивидуальной морали героя с общественной позицией, современный человек и его подсознательный мир, внутрижанровые изменения литературы, индивидуальные стилистические проблемы исследуются всесторонне, путем анализа обширных материалов.

Углубление психологического содержания посредством социального банкротства и духовных коллизий личности, трагедий смятений, сопровождаемых экзистенциальными поисками, художественной летописью, смешанным замещением временных слоев, персонификацией символов, «внутренних голосов» и подобных способов становится возможным в контексте цельности плоскости изображения, данного обращением именно к истории, фольклору.

Каждый фольклорный образ является носителем исторической памяти народа, бессмертности, незабвенности общечеловеческих качеств. Каждый из этих образов задумывается преимущественно о проблемах духовности и реализации анализа каж-

дого на почве литературно-исторической человеческой концепции в целом находит свое отображение в их участии в качестве носителя вечных общечеловеческо-философских ценностей в эволюции народной духовности, исторических поворотах.

Литература, обращаясь к литературному герою как к факту отображения эстетического идеала, выступает с позиции внутренней диалектики, вытекающей из самой природы и проходящей через классическую литературу как «добро и зло» органического единства, старается отдалиться от являющегося простейшим разделением стереотипа «положительный – отрицательный герой»

В прозе XX века крайне широко распространенной призмой является, с максимальной конкретизацией времени и пространства, их абстрактизация – направляя внимание читателя на конкретные факты, неоднократно, настойчиво акцентируя их существование в реальности, доведение до сведения того, что они являются продуктом своего воображения.

Не случайно, что направленный на изучение проблем отдельной личности с точки зрения самой этой личности, новый исторический оптимизм, новый коллективизм, новую философичность, роман Латинской Америки был противопоставлен западному роману. В этом случае предусматривается не степень полноты его философскими афоризмами, а глубина гуманистических проблем, умение мыслить в историческом масштабе.

Начиная с 60-е годов прошлого века в азербайджанской литературе, особенно в поэтике повестей, на передний план выступают 2 тенденции: во-первых, повышается интерес к сказочно-эпосной поэтике, к художественной конструкции «Китаби Деде Коркута»; во-вторых, усиливается направленность на стиль повествования романистической поэтики Южной Америки, например, Г.Г.Маркеса – мифически-романтическому стилю.

Это был именно период перехода от универсальности к конкретиконационалистичности, национальной памяти в жанровой поэтике. Необходимо принимать во внимание также тенденции тюркизма в этот период.

В этом контексте в нашей современной литературе ясно виден народный дух, обогащенный фольклором и обогативший фольклор.

В произведениях успешно продлевающего жизнь идущим из народа традициям Ильяса Эфендиева старик, его ОЗАН, рассказывает о случившихся с героями событиях то, как о сказке, то, как об эпосе. Герой писателя передает свои чувственные переживания то стихами, как в эпосах, то путем повествования, словно в сказках. Привнесший традиции народной литературы в свое искусство, пользуясь им создавший совершенные образы любящих влюбленных, сумевший заставить народ полюбить своего героя писатель, настраивая свое перо на народной литературе, создал череду запоминающихся богатых образов. Писатель, следя за бедами, свалившимися на Гызйетер, как в наших сказках, усыпляя в объятиях кошмаров, приводит её чувства в объятия предательства, выводит в сцену, в которой «обнимается с незнакомкой». Гызйетер, отомстив за свою любовь, словно в сказках, эпосах, исчезает. Последующие события завершаются наполненным легендарностью, сказочностью рассказом со слов старика Мёхнета – народного ашуга, шамана, озана [3].

И. Эфендиев, описывая людей, виденных им в реальной жизни, их любовь, печаль, обращается к живущему в легендах прошлому народа, находит похожие следы, относится к ним как творческая натура, процеживает через фильтр художественного сознания, надевает новое художественное обличие, обновляет, осовременивает, превращает в новое произведение, содержащее требования времени.

Возникает ряд интересных вопросов, связанных с проблемой определения влияния устной народной литературы на художественное творчество, среди которых важными являются то, как пользоваться фольклорным материалом, какие цели надо ставить при пользовании фольклорным материалом. Ряд писателей в художественном творчестве отдает большее предпочтение фольклорным образцам, и роль этих фольклорных образцов в успехе социального и художественного характера произведения незаменима. Поскольку становится ясным неспособность достижения писателем без этих образцов тех целей, которые он поставил перед собой, и которые старался разрешить. Бесконечные возможности пределов устно-поэтического творчества, имеющего богатые фольклорные традиции, открывают большие возможности и в художественной литературе. Очень частое использование во многих произведениях, являющихся малообъемными жанрами фольклора поговорок, загадок, задач и т.д., придает этим произведениям особый колорит. Если принять во внимание, например, что используемые в художественных произведениях загадки используются не как загадки, а в качестве метафоры, или же в выборе пословиц предпочтение отдается, в большей степени, пословицам социального характера, тогда становится ясным возможность порожденного ими художественного эффекта именно этим методом. При этом проявляется и вопрос «чувствительности к фольклору» жанров. Конечно, сосредоточение всего этого, крайне различных художественных изображений и выразительных средств в одном произведении, вызывалось не желанием специально усложнить произведение, или проводить эксперименты, а порождалось глубиной, многосторонностью поставленного автором перед собой замысла, художественного намерения, самим текстом. Каждый из этих средств незаменим в передаче в более значимой форме определенной черточки авторского замысла, идеи.

Раскрывающий связь мифологически-фольклорных художественных форм выражения с контекстом и в творчестве Ю. Самедоглу, и в М. Сулейманлы, Ахмедова, И. Шыхлы и т.д., ученый-критик Бакир Набиев пишет: «В целом, образы, вызванные мифологическим сознанием, фантазмагория, свойственные устной народной литературе, превращения, условности были для нас не специальной целью, а богатым источником, обеспечивающим влияние художественного изображения, разнообразие характерных способов изображения» [2, 49-50].

В современной азербайджанской литературе, а также в постмодернистской литературе учитывался и опыт использования фольклора, мифологии (классической мифологии, а также кельтской, германской и иудейско-христианской) и в литературных источниках, являющихся общим наследием европейской культуры (Библии, «Одиссеи», Данте, Шекспира, кольца Вагнера и др.). Архетипичные и мифологические слои совершенно явно видны во многих образах.

В ряде случаев использование художественных приемов, свойственных именно фольклору (например, эпитетов, определенных фольклорных формул и др.), придает им особый колорит.

Разумеется, в фольклорных образцах они используются не так, как в большинстве случаев в художественных произведениях, подвергаются определенным изменениям сообразно идее произведения. А в ряде случаев писатель пишет тексты, являющиеся продуктами собственного пера, но опирающиеся исключительно на фольклорную стилистику.

В художественных произведениях фольклорные жанры используются не в одинаковой мере. В произведениях, отображающих простую народную жизнь, в большей степени, отдается предпочтение свадебным и поминальным выражениям, лирическим песням, многочисленным малообъемным фольклорным образцам.

Выводы и перспективы. Таким образом, в относительно объемных произведениях исторические предания, сказки и легенды используются шире. В использовании фольклорных текстов основной целью, стоящей перед мастером, является придание более сильного художественного и идеологического колорита. Вместе с тем, литература с периода своего существования связана с древним и первичным наследием. В азербайджанской литературе существуют богатые традиции использования фольклорных мотивов, и это происходит в контексте развития общетюркской литературы.

Литература

1. Роже Г. Вопросы марксистско-ленинской теории познания / Г. Роже. – М.: ИЛ, 1955. – 260 с.
2. Набиев Б. Роман и современный герой / Б. Набиев. – Баку : Язычы, 1987. – С. 49 – 50.
3. Шукюрова Г. Использование в творчестве И. Эфендиева сюжетов и мотивов легенд, преданий, сказок, эпосов / Г. Шукюрова // Международный литературно-теоретический журнал «Язык и литература». – БГУ, 2003. – 4 (38).

Бабаева Д. Фольклор і художня література / Д. Бабаева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 170–173.

У статті на великому матеріалі досліджуються питання фольклору та художньої літератури, автор описує зв'язок фольклору з Азербайджанською літературою ХХ століття, виявляє загальні риси цих взаємин.

Ключові слова: фольклор, художня література, образ, ідея, герой

Babaeva D. Folklore and literature / D. Babaeva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 170–173.

The article studies the issues of extensive material of folklore and literature. Author studies the connection of Azerbaijan folklore and literature of the twentieth century, identifies common features of these relationships

Keywords: folklore, literature, image, idea, hero

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

САБИР И ПЕРВЫЕ КЛАССИКИ XIX ВЕКА

Каграманова У.

*Азербайджанский государственный педагогический университет, Азербайджан
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

Сабир связан с классической азербайджанской литературой неразрывными нитями. Его творчество является продолжением традиций классической азербайджанской литературы в XX веке. Сабир является главной силой связывающей азербайджанскую литературу с национальными традициями.

Ключевые слова: Сабир, классическая литература, традиция

Постановка проблемы. В классической азербайджанской литературе Мирза Алекпер Сабир занимает особое место. Он является мастером, отличающимся от остальных не похожим ни на кого яркими особенностями своего творчества, ни напоминающим никого совершенно новаторскими качествами. Особенность таланта Сабира заключалась в его сатирах. В данном аспекте Сабир абсолютно бесподобный поэт. Известно, что в азербайджанской литературе в досабировский период сатирические элементы относятся преимущественно к творчеству Закира и Сеид Азима. Сабир образцы нашей классической литературы развил вплоть до создания сатирической школы. Новаторство Сабира заключается в его сатире, особенностях сатиры. Делая первый шаг, он видел школу Сеида Азима Ширвани. Его художественный вкус, способность тонко воспринимать слово, излагать мысль ярко и ясно начала воспитываться еще в этой школе. А затем народная жизнь стала истинной школой для Сабира. А.Лукьянова, А.Джафар, А.Мирахмедов, А.Али, Дж.Хандан, Н.Пашаева, Т.Новрузов и др. наши исследователи занимались этой проблемой в научно-исследовательских работах и статьях. И в данной статье поведем разговор о взаимных творческих связях нижеуказанных первых классиков XIX века с М.А. Сабиром.

1. Сабир и Сеид Абулькасим Набати: При рассматривании связей М.А.Сабира с классическим наследием, внимание привлекает творчество одного из видных представителей азербайджанской литературы XIX века Сеида Абулькасима Набати. Произведения, написанные в народном духе Набати, воспользовавшись 2 ведущими ветвями – предшествующей себе классической литературой и устным народным творчеством, долгое время были на устах ашугов. Проведший впервые в сабироведении параллели между этими двумя мастерами А.Али отмечал, что в ряде сатирических произведений М.А.Сабира, наряду с прямыми подражаниями Набати, встречаем и записи, использовавшие мотивы Набати, составившие его «антипод», то есть изнанку. Если лирический герой Набати проливает слезы по своей любимой, выбивается из сил и становится пессимистом, написанный Сабиром тип, наоборот, не стесняется дойти до крайности и, ползая за «любимой», выглядеть смешным.

Набати:

*Gəlmə, gəlmə, get yaxşı-yaxşı sən,
Mən sənin kimi yarı istəməm.
Öldü aşiqin, bircə gəlmədin,
İndi sən edən zarı istəməm*

Сабир:

*Getmə-getmə, ay dilbər!
Məni etmə mükəddər-
Özümü yüz cavana,
Eyləməyəm bərabər!*

Согласно А.Али, в произведениях Набати можно найти не только дух, но даже и лексический состав, ряд выражений, манеру высказывания знаменитого стихотворения Сабира, написанного в насмешливой манере стереотипными выражениями, сохранившимися веками и превратившимися в тафтологию, устаревшими поэтическими метафорами.

Сабир, создавая стихотворение «*Sonyu, ey dilbəri-pakizə-ada!*», как уже отмечали, наряду с творчеством С.А.Ширвани, воспользовался и месневи (двоестрочие) Набати, сочинил ему сатирическое подражание.

Рассматривая единственную рифмованную прозу – бахри-тавил (*bəhri-təvil*) Набати, вспоминаются знаменитые образцы рифмованной прозы Сабира, просматриваются родственные связи между ними. Разница только в том, что как мы отмечали, одно из них «лицо», другое «изнанка», противоположные полюса единого целого («положительное и отрицательное»).

Набати:

*Munca kim dedim: öldüm, öldüm ay!
Sən gavur qızı bir inanmadın.
İndi gəlmişəm nəşim üstünə,
Dur ki, sən edən zarı istəməm!..*

Сабир:

*Bundan yana dönübisə mir-mir mırıldayır,
Qoytur olam evimdə də rahat, gavur qızı!*

2. Сабир и Гаджи Абульгасан Раджи: Согласно Акраму Сафару, у Сабира есть подражание и на стихотворение Абульгасана Раджи. Эта сатира-подражание Сабира впервые была издана 18 января 1909 года в 3-ем номере журнала «Молла Насреддин», за подписью «*Diaguyimillət Əbunəsr Şeybani*» – *Молящийся за народ Абунаср Шейбани*. Включен во все издания. В 3-ем и 4-ом изданиях был дан под названием «*Nə dərs olaydı..*» [1, 381]. Название этого стихотворения-подражания «Мечта» («*Не было бы ни уроков, ни школы, ни учения!*»). Это лирическое стихотворения Сабира стала причиной создания сатирического стихотворения у Сабира. Народный поэт создал образ себялюбца, ненавидящего науку, школу. Устами сатирического героя Сабир, написавший на его газель, знаменитую словами «*Nə eşq olaydı, nə aşiq..*» – «*Не было бы любви, не было бы влюбленных..*», пародию:

Гаджи Абульгасан Раджи:

Nə eşq olaydı, nə aşiq, nə hüsni-dilbər olaydı,

Nə ayinə, nə səfa, ey könül, nə cövhər olaydı.

Сабир:

Nə dərs olaydı, nə məktəb, nə elmü sənət olaydı!

Nə dərsə, məktəbə, elmə, filanə hacət olaydı!

Или же:

Nə gündə, həftədə, ayda çıxan qəzet və nə jurnal,

Nə mətbəə, nə mühərrir və nə təbaət olaydı!

На это стихотворение Абульгасана Раджи написали подражания Х.Б.Натаван, Сеид Азим, Мирза Рагим Фена, Гасан Кара Хади, Миргасан Мир и пр. поэты; позднее и Сабир, и Джавид написали ценные содержанием и формой стихотворения в этом размере и рифме.

Натаван:

Nə mən olaydım, ilahi, nə də bu aləm olaydı,

Nə də bu aləm ara dil müqəyyədi-qəm olaydı.

Сабир:

Nə dərs olaydı, nə məktəb, nə elmü sənət olaydı!

Nə dərsə, elmə, filanə bu qədər hacət olaydı!

Джавид:

Nə eşq olaydı, nə aşiq, nə nazlı afət olaydı,

Nə xəlq olaydı, nə xaliq, nə əşki-həsrət olaydı.

Nə dərd olaydı, nə dərman, nə sur olardı, nə matəm,

Nə aşıyaneyi-vüslət, nə bari-firqət olaydı.

Эти строки из драмы Джавида «Шейх Санан», широко распространившиеся и положенные на музыку, соединяются со стихотворением Сабира не только размером, но и рифмой. Размер во всех этих стихотворениях представляет собой первый вид размера аруза – муджтасс (*məf A`ilün fə`ilAtün məf A`ilün fə`ilAtün*).

Стихотворения Сабира с Джавидом отличаются совершенством размера по сравнению с предшественниками. В них нерифмованные строки, как и рифмы, последовательно находятся в первом виде муджтасс. У предшественников же, кроме конечных двустрочий, первые, то есть нерифмованные, строки бейтов очень часто написаны не в первом, а во втором виде муджтасс: *məf A`ilün fə`ilAtün məf A`ilün fə`ilün*. Эти стихотворения Сабира с Джавидом можно посчитать формальным подражанием стихотворениям предшественников. Однако ни один из них не является подражанием на стихотворения ни Раджи, ни последующих поэтов. Они являются произведениями с иным качеством, иным содержанием. Краткого сравнения стихотворения Раджи и стихотворения Сабира достаточно для подтверждения этой идеи. Основные понятия в стихотворении Раджи: *eşq, aşiq, hüsn, naz, gəmə, dideyi-tər, zülf, şənə, ariz, şəm, pərvanə, xal, əbru, çeşmə, müjdan, rəqs, mütrib, cəng, tar, bəzm, saqi, mey, sağər, eyşi-vəsl, rəqib, qəm, kiryə, bülbül, gül, xar, badi-bahar, qəlb, qamət, şimşad, ətr* и пр.

Основные понятия в стихотворении Сабира: *dərs, məktəb, elm, sənət, dəftər, qələm, müəllim, üsuli-cədid, millət, qəzet, jurnal, mətbəə, mühərrir, Şərq, Yaponiya, İran, Türkiyə, Qanuni-əyasi, yeni türklər, "Molla Nəsrəddin", qabiliyyət, ibrət, qeyrət* и пр.

Согласно А.Джафару, эти 2 группы слов явно показывают, что нет оснований для того, чтобы один из этих стихотворений являлся подражанием для другого. Од-

на-единственная строка в стихотворении Раджи связывает его со стихотворением Сабиром.

Nə tıfl olaydı, nə məktəb, nə dərs olaydı, nə elm [3, 61].

При внимательном взгляде видно, что эта строка в поэзии Раджи выглядит, можно сказать, заплатой. Созвучие одной строки в стихотворении Раджи из 20 бейтов со стихотворением Сабира из 13 бейтов похоже на случайность. У этой строки нет относительной смысловой связи не только со всем стихотворением или его частью, но даже и с верхней или нижней строками.

Следовательно, у сабировской строки с поэзией Раджи нет в целом ничего общего. Стихотворение Сабира ни при каких обстоятельствах не может называться подражанием стихотворению Раджи. Формальное сходство между стихотворением Сабира и стихотворением Раджи появилось благодаря не самому Раджи, а подражаний на Раджи, написанных иными поэтами. С этой стороны написанное Сабиром на совершенно другом уровне, именно по-сабировски сатирически стихотворение расценивается как подражание не на одного поэта, а на стихотворения, написанные в этой форме в целом.

3. Сабир и А. Бакиханов: В произведении «Назидание» повествует о вопросах воспитания. В стихотворении «Населению Тебриза» критиковал невежество, отсталость в сфере культуры. В «Наказании за действие», «Лишении надежд» раскрывал лица постоянно соперничающих двуличных, льстивых, клеветничающих придворных. Хотя эти произведения написаны в традиционном дидактическом тоне, другими своими произведениями А.Бакиханов в азербайджанскую литературу вошел как новаторствующий представитель нового баснописания. Эта новая форма баснописания, начавшись с басни «Лиса и баран», подвергшей огню критики коварство, жадность, показавшей необходимость единой борьбы против несправедности, несправедливостью, сохранилась и по сей день.

Согласно Азизу Мирахмедову, о духовной близости А.Бакиханова-Гудси Сабиру в прессе писалось давно. Сабир в литературном уголке газеты «Правда», открытой в 1910 году, напечатав образец из стихотворения Гудси, открыто выразил ему свое уважение. Но этих 2 больших писателей связывает друг с другом не только этот маленький факт. Более значима близость между знаменитым стихотворением Сабира «Вопрос-ответ», начинающимся восклицанием «Не смотри!..» и поэтическим рассказом «Условия совещания» Гудси, написанном на эту тему.

В стихотворении А. Бакиханова говорится, что в Ширване жил эмир, в целом неплохой человек, но его эгоизм все портил. Однажды сговаривается с неким умным лицом. Эмир, как всегда, проявив упрямство, пытается сделать все по-своему. Как классические баснописцы Востока и Запада, А. Бакиханов тоже завершает стихотворения 6-тистрочной моралистической концовкой. Впервые перевод этого написанного на фарси поэтического рассказа был издан в 1864 году в стихотворной книге А.Бакиханова «Художественные произведения». Для утверждения о том, что данное стихотворение Сабира переведено из Гудси, нет. Однако, принимая во внимание близость замысла и сюжетной линии, можно предположить, что Сабир был знаком с произведением Гудси, или же они оба взяли эту тему из средневековой литературы. Анализ обоих произведений приводит к выводу о том, что произведения Сабира по своей

эмоциональной силе, мятежному духу более воздействующее, чем «Условия совещания». Как бы ни было, существует все возрастающая связь между стихотворением Гудси и Сабира. Сабир не был подражателем предыдущих поэтов, использовал их различными способами для своих новых целей. Используя один к одному некоторые строки классических поэтов, на некоторые написав пародии, некоторые переведя и отдельными замыслами большинства воспользовавшись как поэтическим способом, используя в обратном смысле, создал оригинальные произведения. Использование в подобной форме в художественной литературе является качеством, присущим только Сабиру. Вообще, ни один поэт не может пойти дальше другого поэта. Но поскольку путь, избранный Сабиром, полностью отличен, он смог создать оригинальные произведения нового содержания. И этим проторил свою тропу.

Выводы и перспективы. Уже в эпоху Сабира классическая стихотворная форма потеряла свою силу, или должна была возникнуть новая форма, или должны были быть сделаны изменения во все еще сохранившейся в мышлении людей классической форме. И Сабир изменял, искусно насмехаясь над стандартизированным, избитым сюжетом и особенностями выражения устаревшей поэзии. Сатира Сабира, приводившая в трепет режимы, существующие в Азербайджане и на Ближнем Востоке, а также во всем прогрессивном мире, и впавшие в косность умы, в течение 5 лет расцвела и для последующей жизни человечества приобрела вечную жизнь в качестве поэзии, всегда идущей в авангарде, опережающей человеческое мышление и развитие.

Литература

1. Paşayeva N. Sabir novatorluğu / N. Paşayeva. – Bakı : Mütərcim, 1997. – 108s.
2. Cəfər Ə. Sabirin yaradıcılığında təhsil, nəzirə və bənzətmələr / Ə. Cəfər // Azərb. SSR.EA-nın xəbərləri, ictimai elmlər seriyası. – 1962. – № 5.
3. Divani-Raci, Təbriz, 1909.
4. Əli A. M. Ə.Sabirin satira sənətkarlığı / A. Əli. – Bakı, 1999. – 144 s.

Каграманова У. Ф. Сабір і перші класики ХІХ століття / У. Ф. Каграманова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 174–178.

Сабір пов'язаний з класичною азербайджанською літературою нерозривними нитками. Його творчість є продовженням традицій класичної азербайджанської літератури в ХХ столітті. Сабір є головною силою зв'язує азербайджанську літературу з національними традиціями.

Ключові слова: Сабір, класична література, традиція

Kagramanova U. F. Sabir and the first classics of XIX century / U. F. Kagramanova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 174–178.

Sabir is connected with the classical Azerbaijan literature indissoluble threads. Its creativity is continuation of traditions of the classical Azerbaijan literature in the XX-th century, in revolutions. Sabir is the master strong connected with national traditions of the Azerbaijan literature.

Keywords: Sabir, classical literature, traditions

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК. 821.411.21'06: 82.02- 311.7 (569.1) + (7/8)

СИРО-АМЕРИКАНСКАЯ ШКОЛА И НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В АРАБСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Замэнягрэ В. С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: celestial@meta.ua*

В статье рассматривается творчество двух крупнейших представителей арабской литературы XX столетия ливанцев Амина ар-Рейхани и Джебрана Халиля Джебрана, их литературного метода и влияния на дальнейшее развитие арабской литературы в целом.

В результате исследования установлено, что «сиро-американская школа» – это поразительно гармоничный синтез западноевропейских, американских и восточных, арабских культурно-эстетических традиций, оказавшая значительное влияние на дальнейшее развитие арабской литературы.

Ключевые слова: эмиграция, литературный процесс, литературная школа, стиль, жанр.

Постановка проблемы: Начиная с XX века, история арабской литературы связана с эмиграцией. Тяжкие условия турецкого режима, всевозможные ограничения и преследования, суровая цензура – все это заставляло представителей либерально настроенной интеллигенции Сирии и Ливана, особенно из числа христиан, покидать родину. В связи с этими условиями, создается целая литературная «сиро-американская» школа, которая повлияла на дальнейшее создание новых литературных тенденций и развитие арабской литературы в целом. Следовательно, данная работа требует детального рассмотрения и изучения влияния «сиро-американской» школы на арабскую литературу 20 века.

Целая эмигрантская литературная школа создается в Соединенных Штатах Америки. Поток сиро-ливанских эмигрантов в Северную и Южную Америку особенно усиливается в 90-х годах XIX века; туда устремляются крестьяне, ремесленники, мелкая и средняя буржуазия, представители интеллигенции. Впоследствии из их среды выделяется группа литераторов, положивших начало эмигрантской литературной школе, известной под названием «сиро-американская».

Своеобразие этой школы состоит в том, что представители ее, не порывая, как большинство эмигрантов, живой связи с Ливаном и Сирией, в то же время гораздо теснее соприкасаются с культурой Запада и отдают гораздо меньше дани старым арабским литературным традициям, иногда вообще их отвергая.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что литературное наследие сиро-американской школы доньше остается малоисследованным, творчество двух крупнейших представителей арабской литературы XX столетия ливанцев Амина ар-Рейхани и Джебрана Халиля Джебрана до сегодняшнего дня остаются мало знакомыми. Однако их вклад в мировой литературный процесс столь значителен, что по-

звolyет включить их имена в число не только классиков арабской современной, но и всей мировой литературы.

Именно писателям «сиро-американской» школы принадлежит честь создания первых образцов бытовой повести и романа в арабской литературе («Сломанные крылья» Джебрana, «Вне стен гарема» и «Лилия дна» Рехайни») и еще более удачных образцов реалистической новеллы, в которых чувствуется влияние русской классической литературы.

Повесть «Сломанные крылья» (1912) посвящена праву женщины на любовь. Это первое (и единственное) крупное произведение ливанского автора, как и первая крупная форма, с которой ведёт отсчёт современная арабская проза. По существу это – развёрнутая метафора, повествующая не столько о страданиях героини повести Сельмы Караме, сколько о трагедии арабского Леванта. «Птица со сломанными крыльями никогда не взлетит в воздух», – говорит Сельма [3, 156]. Увы, Джебран оказался прав. И сейчас ещё многие ливанские «птицы» ломают крылья, пытаясь вырваться из жёсткого мира национальных и религиозных традиций [8, 253].

Особое место в творчестве ар-Рехайни занимает повесть «Вне стен гарема» (1927). Повесть связана, как и «Сломанные крылья» Джебрana, с темой угнетённого положения женщины на Востоке. Эта тема всегда занимала арабских просветителей, ибо бесправное положение мусульманки было тормозом общественного прогресса. В повести звучит феминистическая тема, игравшая важную роль и в мусульманской и в христианской арабской просветительской литературе, тема, унаследованная от нее арабскими романтиками. В повести в тесный узел сплетены конфликты между приверженностью к традициям и прогрессом, между Востоком и Западом, между человечностью и ницшеанской вседозволенностью. Пути изменения мира видятся А. ар-Рехайни прежде всего в личном самоусовершенствовании и просвещении народа, « в верном воспитании и истинном образовании» [8, 87].

Предметом исследования служит литературное наследие «сиро-американской» школы, ее крупнейших представителей А. ар-Рейхани и Джебрana Х. Д, а также первые арабские повести, созданы в европейском духе «Сломанные крылья» и «Вне стен гарема» [3, 207].

Стремясь уйти от страшного антидуховного мира, сиро-американские романтики противопоставляют ему мир своей живой души, богатый мыслями и эмоциями. Лирический настрой их творчества вызвал к жизни новый для арабской литературы жанр – стихотворение в прозе *الشاعر المنثور*.

Цели статьи – рассмотреть вклад писателей в развитие арабской литературы, изучить влияние культур Востока и Запада на творчество сиро-американской школы, анализировать первые образцы бытовой повести и романа в арабской литературе «Сломанные крылья» «Вне стен гарема».

Задачи исследования:

- определить период возникновения «Сиро-американской» школы и ее представителей;
- изучить особенности литературного стиля писателя и выделить новые для арабской литературы жанры;

Источниками исследования являются труды следующих авторов: Имангулеева А. Н. «Ассоциация пера» [6], «Корифеи новоарабской литературы: к проблеме взаимосвязи литератур Востока и Запада начала XX века» [6], Долинина А.А. «Очерки истории арабской литературы нового времени» [5], Крачковский И.Ю [7].

В процессе написания статьи были использованы: культурно-исторический, психологический и психоаналитический **методы**.

Представители сиро-американской школы, столкнувшись с западной культурой, традициями и обычаями, не приемлют буржуазного мира, хотя, в то же время, противоречиво относятся и к ханжеским арабским традициям, привыкшим к неволе соотечественников и угнетающему положению женщины на Востоке. В своих произведениях они стараются отобразить всю жестокость и несправедливость восточных законов и правил, в повести «Сломанные крылья» Джебрана Халиля Джебрана и «Вне стен гарема» Амина ар-Рейхани звучат ноты протеста против религиозного лицемерия и власти клерикалов и против приниженного положения восточной женщины, не имеющую права самостоятельно решать свою судьбу. Главные героини повести, Сельма Карамэ и Джихан отображают бесправное положение каждой женщины на востоке в начале XX века. В повести «Сломанные крылья» звучат сентиментально-просветительские мотивы, реальные обстоятельства жизни отодвигаются на задний план, иными словами, произведение насыщается романтическими нотами. Образ птицы с надломленными крыльями, вынесенный в само название повести – это образ героини, мятущейся души, что мечтает взлететь в вольные просторы свободы, но не в силах вырваться за пределы клетки, прутья которых крепко связаны патриархальными вековыми обычаями и нравами. Однако, в повести «Вне стен гарема» обобщенность и неопределенность, присуща романтизму, отодвигается на второй план, ар-Рихайни точно определяет место действия (Стамбул), время (начальный период мировой войны), изображая современные события и актуальные моральные и политические конфликты. В свою очередь, можно подчеркнуть вмешательство в романтическое направление, отдельных реалистических элементов. Именно стремлением к правдоподобию вызвано то, что героиней арабского романа на животрепещущую современную тему оказывается не арабка, а турчанка: турецкие мусульманки из высших слоев общества были более европеизированы и пользовались большей свободой; ни одна самая образованная арабка-мусульманка не могла оказаться на месте Джихан.

Джебран верил в высокое предназначение женщины в мире, и считал, что вопросы брака, положение и роли женщины суть мерило духовной свободы общества, ибо «женщина для нации, что пламя для светильника: разве не будет слабым пламя, если в лампаде мало масла?» [3, 97]. Первые сочинения писателя, достаточно смелые по тем временам, проникнутые бунтарскими настроениями, вызвали на Арабском Востоке бурную реакцию и противоречивые отклики. В кругах интеллигенции они получили самые высокие оценки и были поставлены в ряд с лучшими произведениями того времени, созданными на рабском языке. В Сирии на его сочинения был наложен цензурный запрет, а их автор подвергался яростным нападкам со стороны традиционалистов и духовенства, обвинявшего его в вероотступничестве и безбожии.

Произведения Амина ар-Рейхани и Джебрана Халиля Джебрана следует отнести к свободному стиху. Они ритмически организованы с помощью звуковых, лексических и синтаксических повторов, параллелизмов, синонимов и антонимов, анафор и эпифор, рифмуются, имеют рефрены; их стихотворная природа отражается даже в расположении строк. Однако в начале XX века, когда поэтическое творчество не мыслилось еще вне размеров классической метрики, подобное новаторство могло быть воспринято только в рамках прозы. Творчество А. ар-Рехайни и Джебрана Х. Д. часто сравнивают с западными писателями (Д. Байрона, П. Шелли, У. Уитмена, Р. Эмерсона), которые имели огромное влияние на развитие их литературного метода. В своем творчестве они, несомненно, опирались на традиции арабской рифмованной прозы, распространенной в средние века, в которой явно слышны реминисценции Корана.

В результате исследования можем сделать следующие выводы:

- писатели сиро-американской школы с присущим им интересом к национальному прошлому, традициям и культуре своего народа вместе с тем создавали новаторские тенденции – разработали новые для арабской литературы жанры (стихотворения в прозе, эссе);
- именно представители сиро-американской школы затронули такие актуальные для арабского общества темы, как положение женщины, восстали против закореженных арабских традиций, оказали значительное влияние на дальнейшее развитие арабской литературы.

Перспективы. Важно отметить, что данная тема требует дальнейшего изучения. В последующих исследованиях возможно проведение компаративного анализа американской и арабской литературы на примере рассмотрения жанров эссе и стихотворения в прозе. Местом рождения сиро-американской школы является Америка, поскольку представители американской литературы оказали огромное влияние на развитие нового этапа в арабской литературе.

Литература

1. Арабская проза. Сборник переводов с арабского / [состав. и общая редакция: Беляева Л.Н.] – М.: Худож. Лит, 1956. – 267с.
2. Джебран Х. Д. . Сломанные крылья / Джебран Х. Д. – М.: Гослитиздат, 1962. – 286 с. – ISBN 5-8189-0429-6
3. Джебран Х. Д. Избранное [пер. с араб, англ. / сост, предисл, коммент. В. Маркова] / Х.Д. Джебран. . – Л.: Худож. лит, 1986. – 520с. – ISBN 5209029115
4. Джебран Х.Д. Странник. Между Бездной и Небесами / Х.Д. Джебран; [Сб. перев.с англ. и арабск]. – М.: Сфера, 2003. – 464 с. – ISBN: 978-5-91269-027-3
5. Долинина А.А. Очерки истории арабской литературы нового времени. Египет и Сирия [Публицистика 1870-1914]. – М.: Худож. лит,1968. – 467с.
6. Имангулеева. А. Н. «Корифеи новоарабской литературы: к проблеме взаимосвязи литератур Востока и Запада начала XX века» / Имангулеева Айда Насировна. – М.: Ёлм, 1991. – 321с.
7. Крымский А.Е. История новой арабской литературы / Крымский Агафангел Ефимович. – М.: Худож. Лит, 1971. – 376с.
8. Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература / Игнатий Юлианович Крачковский. – М.: Издательская фирма "Восточная литература" РАН, 2004. – 919с. – ISBN 5-02-018380-6

Замењягре В. С. Сиро-американська школа та нові тенденції в арабській літературі / В. С. Замењягре // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С.

У статті розглядається творчість двох великих представників арабської літератури ХХ сторіччя ліванців Амінаар-Рейхані та Джебрана Халіля Джебрана, їх літературний метод та вплив на подальший розвиток арабської літератури в цілому.

У результаті дослідження встановлено, що «сиро-американська» школа – це вражаючо-гармонічний синтез західноєвропейських, американських та східних, арабських культурно-естетичних традицій, яка мала величезний вплив на подальший розвиток арабської літератури.

Ключові слова: еміграція, літературний процес, літературна школа, стиль, жанр.

Zamenyagre V. S. Syro-american school and new trends in Arabic literature / V. S. Zamenyagre // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 179–183.

The article tells us about two outstanding representatives of the Arabic literature of the XX century Lebanese writers Amin Ar-Rihayni and Gibran Khalil Gibran, their literary methods and influence on further development of the Arabic literature.

In the issue of our investigation it was establish that “syro-american” school is a great harmonic synthesis of the west-european, American, eastern, cultural-aesthetic Arabic traditions, which had a great impact on further development of Arabic literature.

Key words: emigration, literary process, literary school, style, genre.

Поступила в редакцію 15.09.2012 з.

УДК: 821.512.145 – 32.09

НАРРАТИВНАЯ СТРУКТУРА РАССКАЗОВ ЭМИЛЯ АМИТА И РУСТЕМА МУЕДИНА

Джемилева А. А.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: Ayshe66@mail.ru*

Статья посвящена изучению нарративной структуры рассказов Э. Амида «Ёлда» – «На полпути», «Севгиден кучью» – «Сильнее любви» и Р. Муедина «Эки ана» – «Две матери». Выявлены повествовательные уровни, показана роль «всеведующего» автора в композиции рассказа.

Ключевые слова: рассказ, автор, повествователь, нарратив, герой

Постановка проблемы. В литературоведении всё чаще обращается внимание на коммуникативный аспект художественного произведения. Акцент на таких аспектах текста и его эстетической структуре предоставляет возможность по-новому прочесть образцы национальной прозы.

Анализ последних исследований по проблематике работы. Поскольку в крымскотатарском литературоведении эта сфера анализа художественного произведения не получила фундаментального развития, мы обращаемся к трудам русских, украинских и зарубежных учёных. Это обусловило внедрение нового терминологического и понятийного аппарата, который позволит проникнуть в глубинные структуры нарратива рассказов, постичь художественный мир произведений.

Цель и задачи: Выявить и изучить особенности нарративной структуры рассказов Эмиля Амида («Ёлда» – «На полпути», «Севгиден кучью» – «Сильнее любви») и Рустема Муедина («Эки ана» – «Две матери»).

Методы исследования: метод сравнительно-исторического исследования; описательный метод.

Полагаем, что способ повествования в рассказах крымскотатарских писателей – это чаще всего ключ к постижению авторского замысла. В связи с этим, используя концептуальную модель нарратологической классификации, предложенной Ж. Женеттом, – модели гетеродиегетического [1, 29] и гомодиегетического нарратора [2, 31], мы анализируем повествование в тесной связи с идейным содержанием произведения.

В гетеродиегетическом (по классификации Ж. Женетта) повествовании нарратор не функционирует в тексте как отдельная фигура. В повествовании от третьего лица выражает себя всезнающий автор, либо анонимный рассказчик. Гетеродиегетический нарратор считается одной из распространённых и традиционных форм повествования. Исследователи противопоставляют гетеродиегетического повествователя другим персонажам как фигуру иного пространственно-временного плана, иного уровня, так как он является творцом, создателем того мира, в котором существуют персонажи [3, 34].

Нарративную структуру рассказа Эмиля Амида «Ёлда» («На полпути») организует гетеродиегетический нарратор. Здесь нарратор совпадает и в плане фокализации, его точка зрения определяет композицию произведения. В рассказе «всезнающая точка зрения – точка зрения, принятая всеведующим нарратором» [4, 26].

В центре внимания писателя идейно-нравственный конфликт между матерью и сыном. Главный герой рассказа – Решид, после окончания института не вернулся домой. Обратим внимание на такую существенную деталь: Решид женился на Валентине вопреки воле матери. *«Когда они пишут ей письмо, в котором приглашают на свадьбу, то не дождалась от неё даже поздравления»*, – комментирует событие нарратор. Это первые штрихи в раскрытии образа матери героя. О том, каким ударом стала для матери женитьба сына, мы узнаём из следующего сообщения автора: *«Крепко обиделась Зейнеп апте на сына. Не отвечала на его частые письма. О её житье-бытье он узнавал через друзей, с которыми переписывался, да родственников»* [5, 64].

Значительным является следующий эпизод. Однажды Решид пишет матери о том, что хочет к ней приехать. В ответ получает телеграмму: *«Болею. Гостей принять не могу»* [5, 64]. Эти короткие, но содержательные фразы блестяще характеризуют Зейнеп апте и служат второй опорной точкой для раскрытия образа героини.

Всё это было повествование о прошлом. Теперь же Решид везёт мать к себе. Они едут на поезде. Автор противопоставляет жизненную позицию матери и сына. Решид считает, что всегда нужно оказывать людям помощь, нельзя быть равнодушным. Но Зейнеп апте не разделяет его взглядов. Чтобы убедить мать в своей правоте, сын рассказывает философскую притчу о том, кем становится человек после смерти. Суть этой притчи в том, что в будущем человек непременно испытает на себе всё то, что сделает при жизни сам. Мудрая притча – философское осмысление жизни.

Основной конфликт между матерью и сыном разворачивается в вагоне-ресторане. Финал рассказа построен таким образом, что развязка сюжета остаётся открытой, предоставляя читателю самому разобраться в случившемся.

В рассказе писателя «Севгиден кучью» («Сильнее любви») нарратив ведётся от третьего лица. Структуру произведения организует точка зрения аукториального повествователя. В центре повествования – судьба Эмине. Героиня рассказа работает акушеркой. Девушка училась в одном классе со Светой, лучшей подругой. Светлана жила у них, пока не вышла замуж. Она родила девочку, но после родов умерла. Эмине принимает решение взять девочку на воспитание. Мама Эмине переживает из-за этого: ведь скоро должен приехать Ферид, будущий зять.

Автор показывает, что девушка и сама волнуется, так как не знает, как воспримет это известие её любимый. Обладая правом всезнающего повествователя, гетеродиегетический нарратор проникает во внутренний мир героев, раскрывает их переживания и чувства, тайные мысли. Эти строчки говорят о напряжённом внутреннем состоянии девушки: *«Всё нетерпеливей ждала она Фериду. Ни с того ни с сего писать перестал. И она, ещё не отдавая себе отчёта, почему-то стала побаиваться встречи с ним, будто предчувствуя что-то. Она и сама не знала, что. Не хотелось думать о плохом. Но нет-нет, да и пронизывала пугающая мысль, что и*

до него могут дойти сплетни [5, 50]. Проследим, как происходила эта долгожданная встреча: Увидев Ферида, Эмине радостно бросается навстречу, но затем замедляет шаги. Она говорит, что у неё дочь, и «замечает, как Ферид побледнел». Эмине пытается всё объяснить, но парень не хочет слушать и уходит. Девушка знакомится с Алимом. После этого она часто встречала его около института. Однажды она сказала Алимму, что у неё есть дочка. Хотя автор открыто не пишет о том, что и Эмине ждала Алимма, читатель догадывается об этом из подтекста: *На остановке несколько человек дожидались автобуса. Среди них она увидела высокого парня в сером пальто, и её бросило в жар. Что это со мной? – удивилась она. Эмине ловила себя на мысли, что уже несколько раз совершенно незнакомых встречных принимала за того парня. И при этом её будто ошпаривают кипятком* [5, 57]. Героиня, сама не замечая того, полюбила Алимма. Несмотря на то, что от девушки ушёл любимый, Эмине нашла в себе силы полюбить другого. Это была светлая, настоящая крепкая любовь.

Следующим объектом нашего анализа является рассказ **Рустема Муедина «Эки ана» («Две матери»)**. Повествование ведётся привычным для писателя способом – гетеродиегетическим повествованием, с позиции «всезнающего» автора. В рассказе автор-повествователь занимает активную позицию по отношению к изображаемому. Авторская речь выступает как основной способ изложения.

Автор-повествователь повествует о судьбе Гульнар. Все события организованы авторской точкой зрения. Девочку взяли на воспитание Джура и Мухаббат Эргашевы. Скоро они будут встречать родную мать Гульнар. Здесь автор использует приём аналепсиса, делает скачок во времени назад и рассказывает о судьбе приёмной матери Гульнар. Мухаббат познакомилась с Джурой в театральном институте. Её родители противились их браку, но они всё-таки поженились. Семья жила дружно, однако у Мухаббат не было детей. Однажды, – рассказывает автор-нарратор, к ним постучалась девочка. Выяснилось, что она круглая сирота и супруги решили оставить девочку.

Писатель в рассказе свободно обращается с категорией времени. Автор сосредоточен на беспокойстве супругов перед встречей: *Они в первый раз увидятся с матерью Гульнар. А вдруг она увезёт дочь, к которой они так привыкли. Как они перенесут такое горе?* [6, 41]. Нарратор переносит читателя во времена молодости Зейнеп. Женщина работала в поле, когда ей стало плохо. Её увозят в больницу, ставят диагноз «брюшной тиф». Старик, который возил молоко в город, приносит в колхоз безрадостную весть. Собрав документы, поручают старику-погонщику отвезти девочку в детский дом. В городе старик теряет девочку. Писатель использует внешнюю и внутреннюю фокализацию, приём аналепсиса, который расширяет нарративные рамки произведения. Прошло восемнадцать лет, Гульнар после школы пошла по стопам приёмных родителей. Долгие годы мать не может найти свою дочь. Вскоре женщина получает письмо, в котором сообщается, что Гульнар удочерила семья Эргашевых. Мать и дочь встречаются после стольких лет разлуки.

Выводы. Таким образом, в результате анализа выявлено, что повествовательная структура рассказа Эмиля Амида «Ёлда» организована двухуровневым повествованием. Первый – уровень первичного нарратора (автора-повествователя), второй

– уровень вторичного нарратора (героя). В рассказе «Севгиден кучью» форма изложения от имени «всеведающего» автора помогла читателю разобраться в происходящем, вызвала сочувствие к героине. Автор в рассказе Р. Муедина выступает как рассказчик, который движет повествование, представляет общие тенденции повествования.

Перспективы дальнейших исследований. Анализ нарратива рассказов мастеров слова сыграет огромную роль в процессе распознавания природы нарративного акта, поможет обобщить материал с учётом национальной специфики произведений, создаст предпосылки для дальнейших исследований в области нарратологии в крымскотатарском литературоведении.

Литература

1. Ткачук О. М. Наратологічний словник /Ткачук О. М. /Тернопільський державний педагогічний ун-т ім. Володимира Гнатюка. – Т.: Асток, 2002. – С. 29.
2. Там же. – С. 31.
3. Атарова К. Н. Семантика и структура повествования от третьего лица в художественной прозе /К. Атарова, Г. Лесскис //Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1980. – Т. 39, № 1. – С. 33-46.
4. Ткачук О. М. Наратологічний словник /Ткачук О. М. /Тернопільський державний педагогічний ун-т ім. Володимира Гнатюка. – Т.: Асток, 2002. – С. 26.
5. Амит Эмиль Олений родник /Эмиль Амит. – М, Советский писатель, 1982. – 368 с.
6. Муедин Р. Къатмер къадерлер (Трудные судьбы) [Икяелер, пьесалар, шиирлер]. Топлама эсерлер. /Рустем Муедин. – Симферополь: Къырым девлет окув педагогика нешрияты, 2000. – С. 38-49.

Джемілева А. А. Наративна структура оповідань Еміля Аміта и Рустема Муедина / А. А. Джемілева // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 184–187.

Стаття присвячена вивченню нарративної структури оповідань Е. Аміта «Елда» – «На півдорозі», «Севгиден кучью» – «Сильніше за любов» і Р. Муедина «Эки ана» – «Дві матері». Виявлені оповідні рівні, показана роль «всевідаючого» автора в композиції оповіді.

Ключові слова: оповідання, автор, оповідач, наратив, герой.

Dzhemileva A. A. The narrative structure of stories of Emil Amit and of Rustem Muedin / A. A. Dzhemileva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 184–187.

The article is devoted to the study of narrative structure of stories of E. Amit «On the way» – «Half-way», «Stronger than love» and of R. Muedin «Two mothers». There is found out narrative levels. The role of «all-knowing» author is outlined in composition of story.

Keywords: story, author, narrator, narrative, hero

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

МЕСТО СКАЗКИ В ШИРВАНСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ СРЕДЕ

Ганиев С.

*Институт фольклора Национальной Академии наук Азербайджана, Азербайджан,
e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье рассматривается Ширванская фольклорная среда и место жанра сказки в этой среде. Автор на материале сказок, собранных из Ширванского региона Азербайджана, описывает особенности сказок этого региона, их отличительные черты, образную систему.

Ключевые слова: сказка, Ширванская среда, образная система

Постановка проблемы. Одним из эпических жанров, широко распространенным в Ширванской фольклорной среде, представленным разнообразными образцами, является сказка. Место этого жанра в региональной фольклорной среде Ширвана точнее характеризует замечание фольклориста О.Алиева. Он пишет: «На этой территории традиции сказочничества сильны. Иногда рассказывающим эпос ашугам обращаются со словами «Ашуг, расскажи сказку». И можно сказать, что это связано с традициями сказочничества» [3,78].

Отметим, что эта мысль фольклориста, вовсе не случайная, связана с тем, что сказки занимают важное место на Ширванской фольклорной карте. Эти сказки разнообразны по содержанию, пестры по форме. Среди Ширванских сказок можно встретить самые типичные и характерные образцы азербайджанского сказочного жанра. Мир Ширванских сказок богат. Это богатство вытекает из богатого духовного наследия Ширванского народа – людей, создающих его, пестующих в памяти, людей, чью жизнь они сопровождают. В этом смысле Ширванские сказки представляют собой образцы, носящие в себе дух этого народа, замешанные на его воде и земле. На них можно смотреть как сказочное зеркало, сказки Ширванского народа.

Как известно, сказки исторически восходят к очень древним временам, подпитываются поверьями, верованиями. Воспринятые когда-то в качестве истины события подобным образом живут и в сознаниях. Впоследствии, по мере занятия места первичных мифологических «истин» более развитыми истинами, первичные не забываясь, сохраняются в памяти; как некая сказка. В этом понимании сказки носят «в себе в сказочном разрезе» ценности (мифы, эпические сведения и др.), связанные с самыми древними периодами истории народа. Поэтому сказки бывают тесно связаны с общей историей народа, общими ценностями его создателей. С этой точки зрения сказочные образы, знания бывают характерными. И поэтому искать в сказках, как в эпосах, конкретную, точную историю сложно. Поскольку сказки несут в себе самые обобщенные черты социалистической истории каждого народа, сказки народов мира бывают «копией» друг друга. Однако это вовсе не означает, что сказки лишены национально-местных, регионально-географических черт. Наоборот, сказки бывают тесно связаны с прошлым и настоящим его национально-духовной географии, мира чувств и ощущений, желаний. Поскольку все это находит свое выраже-

ние в сказках именно в разрезе «сказки», соответственно художественному отображению, формам управления этого жанра, поиск черт региональной самобытности представляет собой очень трудную задачу. Наряду с этим, Ширванские сказки, как и в каждой фольклорной среде, несут и региональные черты. Самой главной причиной этого является наличие ясно проглядывающихся региональных черт Ширванской фольклорной среды в азербайджанской фольклорной географии. И Ширванские сказки не лишены этих черт и обеспечивают их самобытное существование.

По сей день классификация сказок велась по-разному. Поэтому в классификации сказок существует идейное разночтение. Это связано с классифицированием в сказковедении с разных размеров и принципов исторически и на современном этапе. И классификации азербайджанских ученых также в той или иной форме отличаются друг от друга.

Самое известное подразделение сказок – это их духовное разделение. Обратив внимание на основании этого разделения на сказки, собранные нами и собранные и изданные до нас в Ширванском регионе, увидим, что среди них преобладают сказки о животных, волшебные сказки, исторические сказки, бытовые сказки.

Среди Ширванских сказок своеобразное место занимают волшебные сказки. Большинство из 22 сказок, полученных нами из фольклорной среды региона, а также данных в книге «Дом, разрушенный Аллахом, восстановят девушки» являются волшебными сказками.

Самым главным «стилистическим» свойством, выделяющим волшебные сказки, является их небольшая склонность к внутренним региональным чертам какого-либо национального фольклора, наоборот, они должны выделяться множеством обобщенных образов, богатством полностью лишенных региональных черт мифологических образов, преобладанием символических сказочных формул, магических средств или же образов.

В этом контексте характерна собранная в Ширване и изданная сказка «Дочь заколдованного падишаха».

Эта сказка, будучи богата архаичными, мифическими элементами, волшебными средствами, содержательно созвучна другим азербайджанским сказкам. С образами и сюжетами сказки «Меликмамед» встречаемся и здесь. В сказке друг с другом пересеклись несколько сюжетов, мотивов. Здесь, прежде всего, имеется развитие и пути разрешения конфликта между братьями, как и в «Меликмамед» и других азербайджанских волшебных сказках. Формы сюжета и мотива развития и путей разрешения конфликта между младшим и старшими братьями, можно сказать, идентичны. Все это показывает происхождение от общего мотива, основного сюжета. Иными словами, существует охватывающий все сказки с младшим братом инвариант – условный вариант, сюжет или мотив для всех вариантов одинакового сюжета. Как известно, один материнский сюжет может дать многочисленные параллельные сюжеты. Особенность фольклора именно в этом и заключается. И у этого с чертами региональной самобытности Ширванских сказок (конкретно, волшебных сказок) есть связь, хотя на первый взгляд не она не заметна. Так как фольклор представляет собой искусство, опирающееся на устные традиции, «живущее» принципами вариации, одинаковые фольклорные образцы склонны к местным чертам, региональному настрою, своеобразию сре-

ды. Другими словами, это означает, что каждая среда одевает «основной сюжет» в свою «одежду». Сюжеты и мотивы, кочующие из народа в народ, заимствуют атмосферу каждого народа, местные краски, манеру исполнения, вкусы публики. В этом смысле сюжет, связанный с младшим братом, является Ширванским вариантом основного сюжета «младшего брата», проявляющего себя в сказке «Меликмамед» и других сказках другими отличительными чертами. Иными словами, здесь речи не может быть об открытых региональных чертах. Волшебная сказка работает с мифологическими образами, в которых национальные географические черты чересчур схематизированы, превратились в трафарет. По этой причине региональную самобытность этих сказок надо искать в региональном варианте инварианта, в своеобразной манере исполнения сказочной среды и т.д.

В сказке «Дочь заколдованного падишаха» есть и мотивы брачного испытания. Этот мотив знаменит и обладает своеобразной семантикой. Птица Зюмрюд в сказке – это знаменитая птица Симург, которая в азербайджанских сказках помогает героям вернуться из темного мира в мир светлый. По своей мифологической семантике данный образ представляет собой медиативный («посредник меж двумя мирами») образ [4,54].

Его функция в сказке не отличается от функций в других сказках. Это означает, что сказка всегда опирается на традиционные образы и формулы действия. По ходу этой традиционности региональность просто проявляет себя тем, в какой степени, каком размере и в каких комбинациях традиционный образ, средство, формула действия используется в различных фольклорных средах. Упомянутая сказка с точки зрения сказанных факторов очень схожа с другими азербайджанскими сказками. Но вместе с тем, в сказке «Дочь заколдованного падишаха» особенности региона, где он разработан – Ширванской фольклорной среды – проявляются именно в использовании несколько отличной комбинации (построения, ранжирования) традиционных образов, фигур и формул сказки. В этом контексте комбинационные различия проявляются в собранных в Ширване сказках «Ржавый меч», «Мелик Аждар», «Сказка джейрана», «Ганбар», «Сказка Мурсала» и т.д., для этой фольклорной среды выступают в роли волшебного сказочного своеобразия. Подобные черты своеобразия проявляют себя и в таких сказках, как «Волшебный сундук», «Птица Симург пророка Сулеймана», «Сказка мельницы» «Дочки купца» и т.д. [5, 90]. В Ширванской фольклорной среде сказки о животных представлены многочисленными образцами. В их основе в качестве характерных образцов содержания можно отметить такие сказки, как «Сказка джейрана», «Голубь», «Лиса и волк», «Принц и лиса», «Муха», «Золотой петух», «Город петуха» т.д.

Упомянутые сказки привлекают внимание многими чертами. При этом наряду с реальными образами животных (лиса, волк, медведь) участвуют и мифологические образы (Симург, Белый див). Участие мифологических образов дает возможность характеризовать эту сказку и как волшебную сказку. Но сказка по многим показателям относится к сказкам о животных. Это показывает, что в группировке сказок под названиями волшебных сказок, сказок о животных и пр. существует большая условность. А причина, порождающая эту условность, связана с вытеканием из историче-

ски древних времен, мифологическими воззрениями, мифологическими представлениями о мире предков народа, благодаря которому они живут в памяти.

Среди Ширванских сказок значительными образцами располагают и исторические сказки. Как известно, под историческими сказками понимаются сказки, в которых упоминаются исторически жившие личности. Правда, степень их «сказочности» тоже различна. Поскольку в них виден стиль нарратива. Но традиционные сказочные формулы в них позволяют отнести их именно к сказкам.

В Ширванском регионе собрано много образцов, относящихся к историческим сказкам. Например, к подобным образцам относятся такие сказки, как «Александр и шах Ширвана», «Бог поэтов и Мустафа-хан», «Тамерлан и Камаледдин Ширвани».

В сказках подобного рода, прежде всего, привлекает внимание 2 стороны, что знаменательно с точки зрения изучения региональных черт в этих сказках. Например, Александр Македонский согласно историческим данным в Азербайджане не бывал. Известно также и то, что легенды, предания, сказки об этом греческом полководце созданы больше на востоке, чем на его родине. Предания, связанные с именем Александра, прошли и в письменной литературе, великий Низами увековечил его имя поэмой «Инскендернаме». Любопытно то, что не бывавшего в Азербайджане Александра «привел» сюда и Низами. Первой стороной, обращающей на себя внимание в рассмотренных нами исторических сказках, является участие в них знаменитых исторических личностей. Одним из подобных исторических личностей является эмир Тимур. Он, в отличие от Александра, с Азербайджаном связан был. Значит, с одной стороны, личности в Ширванских исторических сказках являются реальными историческими личностями. Второй чертой, обращающей на себя внимание, является локализация этих сказок Ширваном (местная адресованность). В этом контексте региональная самобытность в полной мере проявляет себя. То есть, при этом события связаны с Ширваном, с другой стороны, при этом есть образы ширванцев (Ширваншах, Камаледдин Ширвани и пр.). Таким образом, рассмотренные нами сказки можно считать исключительно ширванскими сказками. Эти сказки, даже будучи вне пределов ширванской фольклорной среды, все равно остаются ширванскими сказками. Так как они ширванского происхождения и исторические образы в них в другой фольклорной среде, если не будут заменены регионально правдивыми историческими личностями, будут постоянно оставаться живым воплощением Ширванской самобытности. В этом контексте из этих сказок произрастает мир чаяний и желаний, духовный мир Ширванского народа, Ширванская природа, Ширванская аура.

Еще одной важной группой Ширванских сказок являются бытовые сказки. Подобные сказки связаны, как пишет проф. П.Эфендиев, с «укладом жизни, образом проживания, мировоззрением» и т.д., основные герои бытовых сказок состоят из представителей широких народных масс (плешивый, батрак, пастух, слуга, табунщик и др.). Эта черта присуща и Ширванским бытовым сказкам. В них по ходу различных бытовых событий касаются отдельных бытовых проблем. Изучение этих сказок позволяет видеть изображенное в них художественно-фольклорное отображение народной жизни. В Ширване в памяти народа много сказок бытового содержания. В них

нашли свое отражение своеобразный стиль исполнительского повествования, диалектно-художественные лингвистические особенности сказочной среды Ширвана.

Естественно, невозможно исследовать все полученные образцы. Поэтому, может быть признано целесообразным исследование одного характерного образца Ширванских бытовых сказок, а именно сказки «Право правого».

Выводы и перспективы. В целом, в Ширванских бытовых сказках нашли свое отражение в самой общей художественной форме уклад жизни, особенности бытия, желания и чаяния, духовный мир Ширванского народа. В этих сказках, особенно в плане художественного содержания, ощущается взаимное влияние сказок, присутствующих прочим регионам Азербайджана. Поэтому в бытовых сказках региональность, скажем, как в исторических сказках, не может проявить себя в виде открытых элементов. Наряду с этим, в манере исполнения, системе повествования ширванских сказок существуют такие элементы, которые присущи ширванским сказкам. Например, вспомним вступления в ширванских сказках. Среди них встречаются такие, которые характерны для сказочной среды Ширвана. Сказитель обращает внимание слушателей к тому, что сказка имела место в очень древние времена. Отсылка времени действия сказки к прошлому очень характерна для мифов.

Подобные композиционные элементы, или характерные для Ширванской зоны слова, специфическая лексика, связанная с укладом жизни народа, формами деятельности часто является ключевым в Ширванских сказках, что, будучи характерной для Ширванской сказочной среды, придает сказкам своеобразность, региональную окраску, местные черты.

Литература

1. Антология азербайджанского фольклора XI (Ширванский фольклор). – Баку, 2005. (на азерб. языке)
2. Эфендиев П. Азербайджанская устная народная литература / Эфендиев П. – Баку, 1999. (на азерб. языке)
3. Алиев О. Место жанра сказки на фольклорной карте Ширвана / О. Алиев // Азербайджанский фольклор. – Баку, 1994. (на азерб. языке)
4. Чемазминли Ю. Избранные произведения / Чемазминли Ю. – Т. III. – 1984. (на азерб. языке)
5. Ганиев С. Ширванская фольклорная среда / С. Ганиев. – Баку, 1997. (на азерб. языке)
6. Велиев В. Азербайджанский фольклор / В. Велиев. – 1985. (на азерб. языке)

Ганієв С. Місце Казки в Ширванському фольклорному середовищі / С. Ганієв // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 188–192.

У статті розглядається Ширванський фольклор на середі і місце жанру казки в цьому середовищі. Автор на матеріалі казок, зібраних з Ширванського регіону Азербайджану, описує особливості казок цього регіону, їх відмінні риси, образну систему.

Ключові слова: казка, Ширванська середа, образна система

Ganiyev S. Place of tales in folklore of Shirvan / S. Ganiyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 188–192.

In the article are studied place of folk tale in Shirvan folklore. By the material of fairy tales, collected from the Shirvan region of Azerbaijan, examines the main features of tales of the region, their distinctive features, image system.

Keywords: tales, Shirvan region, imaging system

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 512.145(498)

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПЕЧАТИ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ЖУРНАЛ «ЭМЕЛЬ»

Панова З. С.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
e-mail: Zenure.Mussa@mail.ru*

В статье рассмотрены возникновение и становление журнала «Эмель», ставшего значимым явлением в истории крымскотатарской литературы и публицистики.

Ключевые слова: диаспора, публицистика, массовая печать, просвещение, культура.

Постановка проблемы. Массовая печать, занимая особое место в истории культуры каждого народа, имеет богатые традиции, отразившие многие особенности национального пути развития. На протяжении XX в. крымскотатарская печать, претерпев различные изменения, разошлась на несколько ответвлений соответственно территориальному местопребыванию народа: в Крыму, Средней Азии, Турции, Румынии, Болгарии. Дисперсное расселение и определенный статус народа на протяжении XX века обусловил отсутствие национальной печати, а с выходом единственной газеты «Ленин байрагы», издаваемой в месте наибольшего проживания депортированного народа в Узбекистане, общность и различие содержания и идейной направленности крымскотатарской печати в зависимости от региона проживания. В связи с этим заслуживает внимания печать, рассчитанная не на замкнутый определенный круг подписчиков, например, советского пространства («Ленин байрагы»), а крымскотатарская печать, преследующая культурно-просветительские идеи, вне границ, каким на протяжении всего XX века стал журнал «Эмель» (стремление, цель)

Цель исследования – рассмотреть этап возникновения и начало становления печати крымскотатарской диаспоры и провести ее типологический анализ. Наблюдение массовой печати в этих двух ракурсах – историческом и типологическом – даст возможность и в последующем систематизировать параметры, позволяющие говорить о качественных изменениях в типе печати.

Для достижения поставленной цели необходимо решение следующих **задач**:

- объяснить причину выпуска журнала «Эмель»;
- определить идею, язык публикаций и состав рубрик журнала во взаимосвязи с социальными, культурными, экономическими и техническими изменениями;
- выявить основные характеристики редакционной модели журнала, проанализировать факторы, влияющие на успех ее распространения.

Предметом исследования являются особенности развития массовой печати крымскотатарской диаспоры, специфика ее последующей трансформации, что позволит в перспективе выявить ее типологические черты и современные тенденции ее эволюции.

В процессе работы над исследованием изучен архив журнала «Эмель» [1], хранящийся в Центральной Республиканской государственной библиотеке им. И. Гаспринского; электронные версии журнала [2]. Проведенный анализ содержания журналов первого года выпуска позволит выделить типологические особенности журнала крымскотатарской диаспоры. Степень изученности темы варьируется в зависимости от различного периода издания журнала; рассматриваемый в статье этап становления журнала донныне не рассматривался. Путь национальной массовой печати может быть восстановлен лишь по отдельным работам авторов.

История крымскотатарской периодической печати пополнилась материалами исследований, среди которых наиболее ярким являются работы И. А. Керимова [3], Н. Яблоновской [4]

Иное состояние в исследованиях в области независимой печати, объединяющей крымскотатарскую диаспору, когда система зарубежной периодической печати не только не исследована, но и долгие годы не могла дойти до своего читателя. Интересные и чаще всего отсутствующие в специальной литературе сведения из истории крымскотатарской печати содержатся, в основном, в мемуарной и в художественной литературе, опять-таки, крымскотатарского зарубежья. Например, воспоминания Джафера Сейдамета обогащают наше представление о крымскотатарской периодической печати в Крыму, так и за рубежом в местах расселения народа в годы массового оттока, начавшегося после 1783 года [5]. Надеемся, что собранный в ходе исследования материал позволит уточнить научные представления о процессе становления, развития и трансформации массовой печати крымскотатарской диаспоры и может быть использован в ходе преподавания курса по истории крымскотатарской литературы и литературы крымскотатарского зарубежья, а также спецкурсов, посвященных национальным СМИ.

Массовая печать – это периодическое издание, рассчитанное на широкую аудиторию, в отличие от элитарного круга читателя, зачастую не имеющую высокого образовательного уровня. Содержание предназначенной для не печатной продукции имеет свою специфику, отчего зависят не только сиюминутный объем продажи печатной продукции, а конечный результат.

Развитие крымскотатарской периодической печати во многом взаимообусловлено ходом развития национальной литературы. Из ранних переселенцев в Пазарджике уже издавалась газета «Бизим сёзюмюз» («Наше слово»), однако со временем прекратила свое существование. Для журнала «Эмель» характерно, что он возник не по инициативе журналистов-профессионалов, а в момент исторической необходимости, когда в конце 20-х гг. XX века, после распада Османской империи на ее бывших территориях возник ряд государств, а проживавший на ее территории народ в одночасье оказался разбросанным на территории нескольких стран.

Инициатива создания журнала, по воспоминаниям М. Улькусала, принадлежала горстке небезразличных к национальным проблемам учителей и предпринимателей, собиравшихся для обсуждения возможности социального пробуждения народа в румынском городе Пазарджике. В 1929 году они пришли к решению о пользе издания журнала. Среди принявших это решение были: выпускник Меджидие учитель из Пазарджика Рифат Митхат, из Констанцы Тахсин Ибраим, из села Костель Кязим

Сейдамет, коммерсанты из Пазарджика Эмин Зекерья, Решит Алиосман, Мусса Хаджи Абдулла, учитель Абдюльхамит Хафиз Вели. Приступая к обдумыванию заголовка для предполагаемой к выпуску газеты или журнала, что еще тогда не было решено окончательно, они учли и предложение известного поэта крымскотатарского зарубежья Мемет Ниязи бея. М. Улькюсал написал ему письмо, спросив его совета, что выпускать – газету или журнал, и какое бы к этому изданию подошло название. Ответ пришел незамедлительно: он советовал издавать не газету, а журнал, периодичностью один или два раза в месяц, а в качестве заголовка предложил название «Эмель» – «Стремление». Коллектив единомышленников, с удовлетворением приняв его предложение, решили к первому января 1930 года выпустить первый номер.

Адвокатом М. Улькюсалом были подготовлены тезисы относительно направления, идеи, языка и состава рубрик будущего журнала и вынесены на суд товарищей:

1. Журнал не будет выражать интересы и не будет заангажирован никакой политической партией;

2. Публикации будут основаны на демократических принципах;

3. Языком журнала будет ясный и общеупотребимый тюркский язык; стихи и рассказы, напечатанные на тюркских наречиях и диалектах будут напечатаны в оригинале;

4. В журнале будет напечатана и подлежит обсуждению информация, касающаяся тюркского мира, в особенности Турции и Крыма;

5. Румынское правительство, в соответствии с его законодательством, будет способствовать изданию журнала;

6. Предназначение журнала в том, чтобы сплотить народ и организовать его на основе национальной идеи;

7. Исходя из того, что издание журнала не преследует коммерческие цели, учредители и авторы работают без получения прибыли;

8. Для того, чтобы публикации в журнале не выходили за рамки государственного законодательства, призываем корреспондентов быть осмотрительными и корректными;

9. Журнал будет выходить под руководством и ответственностью адвоката Мустеджип Хаджи Фазыл эфенди (Улькюсал);

10. Руководителем информационно-издательского отдела в должности секретаря назначить Тахсин Ибраима, в должности финансиста и казначея – Решит Алиосмана эфенди;

11. Ежемесячно члены правления отчитываются о проделанной работе и финансовых расходах;

12. Если позволят материальные возможности, в последующем при журнале возможен выпуск газеты и книгоиздательство;

13. При ликвидации журнала в силу различных причин, печатные станки и оборудование должны быть переданы для дальнейшего использования или руководителю или иным учреждениям, занимающимся аналогичной деятельностью [6].

Для осуществления выпуска журнала «Эмель» учредители журнала выкупили у издателя газеты «Бизим сёзюмюз» («Наше слово»), из ранних переселенцев из Кры-

ма, комплект старотюркских шрифтов (арабской графикой), дополнив их вырезанными из дерева комплектами более крупного шрифта.

Первый номер журнала «Эмель» вышел в январе 1930 года форматом 18/30 на восьми страницах белой мелованной бумаги тиражом в 1500 экземпляров при наличии подписчиков в 1 200 абонентов. Расходы на первый год издания были за счет собственных средств учредителей – самого М. Улькюсала, Решита Алиосмана и Мусса Хаджи Абдуллы и других товарищей. Один экземпляр журнала стоил 10 лей, годовая подписка – 400 леев. При учете, что годовой расход на издание журнала составит 300 000 леев, они надеялись получить 100 000 леев прибыли, что могли бы пойти на издание книг. Но надежды не оправдались – учредители не смогли не то, чтобы получить прибыль, но и покрыть расходы. Все сотрудники журнала, как и все, кто полностью посвятил себя во благо народу, бескорыстно служили идее его возрождения.

Преданные делу издания журнала, они твердо стояли на своих принципах, не изменив объединившей их идее и, дабы не уронить чести и престижа журнала, были бескорыстно преданы своему делу. Не ввязывались в склоки и провокации, устраиваемые против сотрудников.

Редакция располагала шрифтами небольшого размера – на 10 и 12 пунто (так указано М. Улькюсалом, вероятно, кеглей), но и тех было недостаточно. Вследствие этого выпуск издания был затруднен: им предстояло набрать 4 страницы, отпечатать их, потом, разобрав клише, снова набрать оставшиеся 4 листа. Остро встала необходимость увеличить количество шрифтов. Но их можно было приобрести только в Стамбуле, так как в Румынии арабской графикой не пользовались. С этой целью туда командировали Мустеджип Улькюсала, где в мае 1930 года в Государственной типографии он приобрел для журнала 2 000 килограммов различных шрифтов, что значительно облегчило выпуск журнала и улучшило его качество.

Большую роль в отношении содержания журнала сыграл приехавший в Констанцу из Меджидие Джафер Сейдамет, известный общественный деятель начала XX века, министр иностранных и военных дел в Совете Директорий. Он был лично знаком и поддерживал переписку, а также сотрудничал с редакторами и журналистами ведущих тюркских изданий Турции, с органом национального движения Волжско-Уральского региона газетой «Yana Milli Yul» («Новый национальный путь»), Азербайджана – «Kurtuluş» («Освобождение»), «Odlu Yurt» («Огни края»), Туркестана – «Yaş Türkistan» («Молодой Туркестан»). Его первые рассказы были опубликованы в пяти номерах журнала. С этого времени началось его тесное сотрудничество с редакцией журнала.

Поначалу журнал предназначался для крымскотатарской диаспоры, проживающей в Румынии. С первого номера его деятельность была направлена на пропаганду и укрепление идей тюркства. По мере возможности издание знакомило читателей Добруджи со всем интересным и значимым, происходящим в тюркском и мусульманском мире.

Однако в последующих номерах – № 14 за 15 июля 1930 года объявлено, что курс журнала от общетюркского направления акцентирует внимание на произведениях и информации о Крыме и крымских татарах. Это не означало, что журнал будет

отходить от своих основных принципов и не будет освещать происходящее в Турции и в Румынии. После изменения курса поддержка соотечественников, проживающих или обучающихся в Турции, Польше и Болгарии, стала заметней и осязательней.

Роль журнала в сохранении и возрождении истории Крыма, его литературы и признания правовых норм за его коренным народом неоценима. Возрождая и укрепляя в крымскотатарской диаспоре чувства родины и национального достоинства, журнал стал образцом патриотизма.

До 1878 года в эпоху османской империи, а после этого в эпоху румынского правительства не было ни одного печатного издания, которое освещало бы жизнь крымских татар Добруджи, их историю, культуру и политические устремления. Аналогично этому и в Турции не было печатного органа выходцев из Крыма. Поэтому для всех, начиная с 1930 года, журнал стал основным документально-информационным источником. В 1930-31 годы всемирный экономический кризис, охвативший многие развитые страны, не обошел и Румынию. В связи с этим в 1931 году журнал потерял большую часть своих абонентов. Не поступало средств и от подписчиков из Турции. Сократилась материальная помощь, оказываемая меценатами. Журнал был на грани закрытия. Идея призвать на помощь, чтобы продлить жизнь журналу, состоятельных промышленников повисла в воздухе – вряд ли в это время это могло бы их серьезно заинтересовать. Мустеджип Улькюсал отважился написать письмо Джаферу Сейдамету с просьбой помочь журналу, который уже на деле оформился в официальный орган национального движения крымских татар и сохранение периодичности его издания стало делом национальной чести. Джафер Сейдамет тут же отреагировал письмом, в котором заверил о том, что журнал «Эмель» во что бы то ни стало необходимо спасти, и он приложит все усилия для его сохранения. Прибывший через несколько дней из Стамбула Абдулла эфенди передал от азербайджанских братьев средства, которых хватило на издание трех последующих номеров по 12 страниц, по триста экземпляров из каждого номера отравили им и выразили им глубокую благодарность за их помощь в бесперебойном выпуске журнала.

Выводы. Свообразие печати крымскотатарской диаспоры в Румынии обусловлено историческими традициями, политической ситуацией и особенностями национальной культуры и менталитета выходцев из Крыма.

1. Экономическую базу массовой печати крымскотатарской диаспоры составили, прежде всего, личные средства ее учредителей, материальная помощь соотечественников и других тюркоязычных народов – Поволжья, Азербайджана, и только в последнюю очередь – доходы с розничных продаж и абонентов. Следует отметить, что в отличие от важной в современных условиях статьи доходов от рекламы, этот вид доходов в бюджете издания, несмотря на то, что часть его учредителей были производителями определенной продукции, был исключен – этому не соответствовало идейно-тематическое направление печати. В условиях мирового кризиса 1930-31 гг, когда у журнала «Эмель» сократилось количество подписчиков в треть, бесперебойный выход журнала помогла обеспечить материальная поддержка братских тюркских народов.

2. С первых своих выпусков журнал «Эмель» чутко реагировал на изменения и возникающие потребности тюркского мира, что обусловило формирование своего особенного стиля и направления. Невмешательство в политические партии и течения сделало журнал универсальным для широкого читательского круга, а приоритет в публикациях материалов по истории, литературе и культуре способствовали укреплению здорового национального самосознания. На протяжении почти всего XX столетия журнал «Эмель» оставался единственным центром культурной жизни всей крымскотатарской диаспоры.

В перспективе материал может быть использован по истории курса крымскотатарской литературы и литературы крымскотатарского зарубежья и национальных средств массовой информации. Все это выведет рассматриваемый материал за пределы узкой специализации и замкнутые пределы сугубо крымскотатарской литературы, придавая ей большую значимость.

Литература

1. Архив журнала «Emel» Центральной Республиканской государственной библиотеке им. И. Гаспринского
2. Электронные версии журнала «Emel»
3. Керим И. А. Материалы газеты «Миллет» [Электронный ресурс] / Керим И. А. – Режим доступа: <http://www.goloskrima.com/?p=7898>
4. Яблоновская Н. В. «Женский вопрос» на страницах изданий И. Гаспринского и его влияние на развитие крымскотатарской журналистики начала XX в [Электронный ресурс] / Яблоновская Н. В. – Режим доступа : <http://turkolog.narod.ru/info/1457.htm>
5. Сейдамет Дж. Некоторые воспоминания / Сейдамет Дж. // Полуостров.– 2010. – № 12.
6. Ülküsal M. Kıym yolunda bir Ömür / Ülküsal Müstecip // Ankara.– 1999.– S.420.
7. Миреев М.В. Эмиграция крымских татар в Румынию в творчестве Мемета Ниязи: в поисках потерянного рая / Миреев М.В. // Культура народов Причерноморья.– 2011. –№ 211.– С.141-144.

Панова З. С. Виникнення і становлення друку кримськотатарського зарубіжжя: журнал «Емель» / З. С. Панова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 193–198.

У статті розглянуті виникнення і становлення журналу «Емель», що став значущим явищем в історії кримськотатарської літератури та публіцистики.

Ключові слова: діаспора, публіцистика, масовий друк, просвітництво, культура.

Panova Z. S. The emergence and establishment of the Crimean Tatar foreign press: the "Emel" magazine / Z. S. Panova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 193–198.

The article describes the emergence and formation of the "Emel" magazine, which became a significant event in the history of the Crimean Tatar literature and journalism.

Keywords: diaspora, journalism, mass printing, education, culture.

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

УДК 811.512.162

ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ НАПРАВЛЕНИЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПРОЗЕ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ахмедова А. В.

*Институт литературы им. Низами Национальной Академии наук Азербайджана, г. Баку,
Азербайджан, e-mail: azfolklor@yahoo.com*

В статье мы попытались показать формирование постмодернизма как направления в азербайджанской прозе после распада Советского союза. Постмодернизм оправдал себя как основное художественное течение в мировой литературе в середине XX века. В мировой литературной теории постмодернизм, деконструктивизм, постструктурализм анализируется как в отдельности, так и в составе постмодернизма.

Ключевые слова: постмодернизм, азербайджанская литература, проза, роман

Постановка проблемы. С распадом Советского Союза в 90-е годы, начинается становление новой государственной системы. Это в свою очередь приводит к резким изменениям в социальной и идеологической жизни страны. Искусство, в том числе и литература в некоторой степени отражает в себе изменения, происходящие в общественной жизни. В последние годы в литературе наблюдаются определённые, пусть не совсем и содержательные тенденции. «Благодаря творчеству писателей-прозаиков, в литературе расширяются аналитические мысли о мире, роли человека в мире, углубляются разницы в стилях, формируются идейно-эстетические тенденции» [2, 512].

Одним из актуальных вопросов для литературы и литературного произведения на тот период является постмодернизм. Вопрос о существовании или отсутствии постмодернизма, как творческого метода в постсоветской прозе интересовал всех, и простого читателя, и профессионального литературного критика.

Постмодернизм оправдал себя как основное художественное течение в мировой литературе в середине XX века. Факт создания постмодернизма и его распространения во все области культуры именно в XX веке имеет своеобразную закономерность. «В результате революций и мировых войн, происходящих в форме глобальных катаклизмов в XX веке, человечество было подвергнуто глубоким кризисам, столкнулось с нестабильной ситуацией в связи с уничтожением моральных принципов и нравственно-религиозных ценностей создававшихся на протяжении столетий» [3]. В такой ситуации формируется несколько противостоящих друг другу модернистских концепций. Эти концепции упорно отказываются признавать и «не одобряют принципов мировосприятия и мировоззрения, а также художественных методов и способов воплощения» [3]. В результате, эта индивидуальность и уединение приводит к их постепенной гибели. Несмотря на то, что постмодернизм был создан против модернизма, он не сводил его на нет «...не было и речи о восстановлении классической эстетической ситуации. Постмодернизм был вынужден сопоставить классические традиции с модернистскими взглядами, соединить классические и модер-

нистские тенденции» [3]. Как правило, развитие постмодернизма как мировоззрения, и формирование его как научно-эстетической концепции, относится к началу 1950-х годов.

В мировой литературной теории постмодернизм, деконструктивизм, постструктурализм анализируется как в отдельности, так и в составе постмодернизма. В отличие от постмодернизма, деконструктивизм и постструктурализм больше воспринимаются как методы, используемые для анализа художественного текста.

Деконструктивизм, который был создан на основе теоретических работ по феноменологии, структурному языковедению и структурной антропологии Жака Дерриды в 60-ые годы XX века, очень широко распространён в области философии, эстетике, социологии, критичном мышлении, архитектуре и теории литературы. Постмодернистская художественная литература использует деконструктивизм главным образом при обращении к историческим сюжетам. Например, Кямал Абдулла в романе «Недоконченные рукописи» деконструирует известные исторические и художественные сюжеты, разбивает их и строит заново. Термин, предложенный Ж. Дерридой, происходит от синтеза слов «деструкция» (разрушение, разгром) и «конструкция» (создание, строение). «Принцип деконструкции даёт читателю возможность разрушать и создавать текст на основе комментирования на всех возможных уровнях – композиции, сюжета, стиля, психологии и других» [3].

Постструктурализм охватывает философский период после структурализма. В процессе подхода к художественному тексту и произведению постструктурализм направляет внимание писателя и читателя на поиски способов формирования понятий и смысла в произведении. Постструктуралистский подход в первую очередь, не признаёт границы между предметами и разными областями науки, а верит в существование связи между ними, а именно языковедением, семиотикой, социологией, антропологией, литературой и философией. Будучи очень широким понятием, в отношениях писатель-текст-читатель постмодернизм пользуется категориями, относящимися к деконструктивизму и постструктурализму. В современной азербайджанской прозе некоторые писатели и поэты, называющие себя постмодернистами, в свою очередь не только не признают классическое литературное наследие, но также и классиков в лице Анара, Эльчина и их современников. Мятежное настроение, обращение к элементам, противоречащим литературной эстетике – всё это является главным принципом мировоззрения этих «писателей» эти свойства присущи больше российскому постмодернизму 90-х годов. А в западном постмодернизме основную роль играет современный взгляд на историю и её искажение.

В постсоветском пространстве элементы постмодернизма в азербайджанской прозе просматриваются в новом отношении к историческим событиям. Уже известный, стереотипный исторический сюжет, события и люди представляются в новом контексте, искажаются. Постмодернизм выставляет новый взгляд на историю. В сегодняшней прозе творчество Кямала Абдуллы отвечает стандартам и модели постмодернизма. Например, в своём романе «Долина волшебников» писатель использует архетипы, а также обращается к кодам суфизма, одну из составляющих основ классической литературы. «Долина волшебников» сложное по структуре произведение, так как автор включил в роман несколько параллелей, тесно переплетающих-

ся между собой. С помощью архетипов повествуется о суфистской философии, о мистических преданиях существующих как в исламе, так и в христианстве.

В романе, написанном в жанре исторической притчи, мы узнаём о чрезвычайных событиях, происходящих на долине, а также о волшебниках, способных управлять временем, людьми.

В аннотации к книге написано:... Судьба привела Карванбаши (ведущий караваном), который ищет дух отца, шахского палача Мамедгулу, на эту долину. Приемник Белого дервиша волшебник Сейях соглашается помочь ему вызвать дух отца. Тайная встреча отца-духа с сыном заканчивается трагедией. Роману наряду с глубокой философией, нравственными проблемами, присуща и сильная образность. У чуткого читателя, роман оставляет впечатление о мифе, проникнутого народным духом, прямо вытекающего в авторское перо. Вероятно, миф сам возник в подсознании автора, ведь даже в повествовании реальных событий столько мифологии и волшебства.

Появление исторических тем в прозе и постмодернистское отношение к ним является главными свойствами прозы этого направления. Главные свойства романа молодого прозаика Ильгара Фахми «Воронье гнездо» выражаются в отношении автора к событиям времён Кёроглы и Джалалинского движения. «Воронье гнездо» является шестым произведением автора, и второй книгой из серии проекта «Чанлибельская лиса».

«Воронье гнездо» – это юмористическо-иронический взгляд на времена Кёроглы и Джалалинское движение. С первых же строк привлекательный юмор произведения вовлекает читателя в глубину происшествий. Образы знакомые ещё с эпоса «Кёроглы» рассматриваются автором с иной призмы, т.е. деконструируются. Одним из основных свойств отличающих произведение от эпоса это ознакомление читателя с внутренним миром известных всем исторических личностей. Философская суть личных качеств Кёроглы, свойственных чертам характера Гамзы, представлены читателю с глубоким сарказмом. Это однозначно отличает «Воронье гнездо» от других произведений писателя. В романе явно чувствуется современный взгляд писателя в сочетании с древностью во взгляде на события и личности. Роман состоит из 27 глав, написанных в историко-детективном жанре.

В отличие от эпоса, в романе И. Фахми герой Кёроглы – малодушный человек, который посвящает себя исламу, держит рядом муллу, имеет свою мечеть, а его соратники («Делилер») совершают намаз, соблюдают пост, отмечают священный праздник Рамазан, носят на себе разные молитвы, чтоб уберечься от шайтана. Кёроглы который отличается верностью к своей возлюбленной Нигяр ханум, в романе имеет гарем, а его самым близким другом представлен Хатам, который в эпосе является отрицательным образом.

Постмодернизм выражает новое отношение к разным историческим этапам, рассматривает исторические факты в новом освещении, делает свои добавления. Воображение автора действует довольно свободно. В романе «Духовный посланник, или Хуан де Персия – повесть Орудж бей Баята» Наримана Абдульрагманлы деконструируются исторические события. Жизнь исторической личности, известной на востоке как Орудж бей Баят, а на западе как Дон Жуан, пересматриваются авто-

ром заново. Он ищет настоящие причины того, как человек тюркского происхождения из байатского рода стал Дон Хуаном на западе. Здесь подключается богатое воображение автора. Он так же, как и Кямал Абдулла, обращается к рукописям, а точнее заверяет читателя в том, что нашёл рукописи о жизни Орудж бей Баята. В романе автор пытается найти объяснение тому, что он не по своей воле поменял религию, стал христианином. Основным свойством романа является историческая реальность и современное отношение к ней.

В романе Али Амирли «Мейдан» (Площадь), описываются события происходящих движений на площади в 1989-ом году, автор показывает связь героя с внутренними колебаниями с нестабильной ситуацией в обществе. В некоторых моментах публицистический стиль превосходит литературный. Это больше всего выражается в описании речей выступающих на площади. Очень важен реалистический подход к описанию событий. Автор в романе намерен решить трудности, которые возникают в результате внутренних и внешних проблем, которые переживает человек на фоне социально-политических конфликтов. Произведение «Жизненное Ура» Сабира Ахмедлы было написано в 2011 году и является его последним творением. В романе описываются природные богатства Азербайджана, уничтоженные армянскими агрессорами. Герой произведения Киши (мужчина) – обобщённый образ. Роман начинается с возвращения Киши в свой родной край после преподавания в селе. Когда они приближаются к Бейлагану, их машину встречает табор беженцев. Описывается сцена, когда жители Джебраила бегут в никуда, при захвате их района армянами. Вниманию читателей доводится и тот факт, что правительство, радио, телевидение дают ложную информацию о том, что беженцы уже поселены в Баку и Сумгаите, а некоторые из них уже не хотят возвращаться обратно: «Баку превратился в город беженцев, обстановка совершенно изменилась в городе. С одной стороны город преобразался, строились виллы, дворцы новых буржуа, открывались офисы иностранных компаний, а с другой стороны в Ясамале, Алатаве, Хуторе и Бадамдаре строились картонные хижины похожие на курятники. Беженцы, уже расселившись, не желали возвращаться обратно. Слово беженцы для этих людей стало их участью» [1, 10]. Точно также как герой произведения Агиль Аббаса, Киши предвкушает возвращение в родной край. Их дом со всеми ценностями уничтожен. Герой посещает нововыстроенный дом, в котором не успел поселиться, и памятник, поставленный брату. Как бы ему ни было тяжело, он искренне верит в освобождение родных земель. На этом этапе чувствуется схожесть между отношением Агиль Аббаса и Сабира Ахмедлы к Карабахской войне и её исходу.

Выводы и перспектива. Таким образом, в постсоветский период азербайджанской прозе присуще обращение к модернистскому, абсурдному и сюрреалистическому стилю. В этом отрезке времени проза в основном развивается в двух направлениях. «Новая проза» со своей структурой, сущностью и тенденциями становится ведущим литературным направлением нового этапа. Но изменение времени и места, приводит к изменениям как в отношении художественной проблематики, и художественной действительности, так и в целостности формы и содержания.

Литература

1. Ахмедлы С. Жизненное ура / С. Ахмедлы // журнал «Азербайджан». – №5. – С.10-59
2. Джафаров Н. Введение в литературоведение / Н. Джафаров. – Баку: АзАтам, 2002. – 599 с.
3. Гулиев Г. Постмодернизм [Электронный ресурс] / Гулиев Г. – Режим доступа: Tenqid.net/http://kultaz.com/2008/12/12/postmodernizm

Ахмедова А. В. Формування постмодерністських напрямків в Азербайджанській прозі в пост-радянський період / А. В. Ахмедова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 2, ч. 2. – С. 199–203.

У статті ми спробували показати формування постмодернізму як напрямку в азербайджанській прозі після розпаду Радянського союзу. Постмодернізм виправдав себе як основне художній напрямку у світовій літературі в середині ХХ століття. У світовій літературній теорії постмодернізм, деконструктивізм, постструктуралізм аналізується як окремо, так і у складі постмодернізму.

Ключові слова: постмодернізм, азербайджанська література, проза, роман

Ahmedova A. V. Formation of postmodern trends in Azerbaijan prose in the post-soviet period / A. V. Ahmedova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2, part 2. – P. 199–203.

In this article we have tried to show the formation of post-modernism as a direction in the Azerbaijani prose after the collapse of the Soviet Union. Postmodernism has justified itself as a major artistic movement in the world literature in the mid-twentieth century. In the world of literary theory of postmodernism, deconstruction, post-structuralism is analyzed both individually and as part of post-modernism.

Keywords: postmodernism, Azerbaijani literature, prose, novel

Поступила в редакцію 15.09.2012 г.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ

**ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ДОКТОРСКОЙ ДИССЕРТАЦИИ К.ФИЛОЛ.Н.,
ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ
ТНУ ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО Л.С. СЕЛЕНДИЛИ
«МИКРОСИНТАКСИС КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА:
ФОРМАЛЬНЫЙ И ПРИКЛАДНОЙ АСПЕКТ»**

МИРФАТЫХ ЗАКИЕВИЧ ЗАКИЕВ,

доктор филологических наук, профессор,
академик АН Республики Татарстан,
академик Российской
академии лингвистических
наук, заслуженный
деятель науки Российской Федерации и Республики Татарстан

В последнее время большое внимание уделяется созданию национальных лингвистических корпусов. Для некоторых языков вопросы компьютерной лингвистики остаются непостижимыми в связи с отсутствием необходимых грамматических данных. В такой ситуации оказался язык крымских татар. Коренной народ Крыма был депортирован и на протяжении многих десятков лет не имел возможности, попросту был лишен права, изучать родной язык. Крымскотатарский язык находится на грани исчезновения, а его синтаксис, к сожалению, до настоящего времени разработан очень слабо.

Рассматриваемая работа посвящена созданию докорпусных представлений о синтаксисе крымскотатарского языка в виде теории синтаксических конструкторов с применением математического моделирования объектов фактического материала. Работа структурно состоит из введения, шести глав, заключения списка использованных источников и литературы и приложения «Параметры морфосинтаксической и лексико-семантической разметки».

Автором определены функции, синтморфологические признаки и коммуникативная специфика сказуемого, охарактеризованы лексико-семантические, грамматические, структурные и функциональные особенности подлежащего, рассмотрены функциональные особенности второстепенных и третьестепенных членов предло-

жения, специфические особенности логических и информационных конструкторов предложения.

При изучении лексико-семантических и функциональных особенностей конструкторов крымскотатарского предложения особое внимание уделяется минимальному конструктору-слову, специфике подчинительного и сочинительного сочетания слов, коммуникативному использованию, а также взаимодействию устойчивых словосочетаний фразеологизированного и нефразеологизированного характера, субстантивированных словосочетаний крымскотатарского языка.

Обозначены категориально-семантические особенности взаимодействия конструкторов в контексте, рассмотрены особенности минимального конструктора крымскотатарского предложения, выявлены его валентностные и коммуникативные особенности, принципы и степень трансформации предложения в зависимости от семантической характеристики и лексической отнесенности минимального конструктора предложения-слова. Определено, что результатом разнообразных взаимодействий синтаксем с одинаковым категориально-семантическим значением, а также в рамках одной понятийной области можно получить трансформы, передающие различную информацию.

Изучая тематические группы крымскотатарской лексики, выявлены группы предложений, представленные соединениями конструкторов различных тематических групп, которые имеют определенную структуру и передают: информацию о физиологии человека, информацию о внешнем виде человека, информацию о системе питания, о характере и качестве пищи, о способе и месте употребления пищи, информацию о состоянии здоровья и вредных привычках, информацию о месте проживания, интерьере, дизайне и предназначении жилого помещения, информацию о местонахождении, информацию образовательного характера, информацию о средствах и способах передвижения, информацию о времени, мерах и степени точности, информацию о положении в пространстве, информацию о трудовой деятельности, информацию о времени, свободном от занятия трудовой деятельностью, информацию о характере эмоционального состояния человека, информацию о морально-этических нормах, информацию религиозного содержания, информацию, связанную с проявлением воли, информацию ментального характера, информацию коммуникативного характера, информацию общественного характера (информацию о поведении человека в обществе, общественно-политическую информацию), информацию об окружающей действительности, информацию о состоянии окружающей действительности.

Впервые в функционально-семантическом и структурном аспектах изучены именные и глагольные словосочетания с зависимым именем существительным в родительном, дательном, винительном, орудийном, местном и послеложном падежах, с зависимыми деепричастиями, числительными, наречиями. Описаны коммуникативные оттенки и специфика употребления оформленных и неоформленных имен существительных с глаголами, определяющими положение субъекта в реальном/ирреальном, временном, материальном, виртуальном, функциональном пространстве.

Изучив глагольные словосочетания с зависимым именем существительным в исходном падеже, автор отмечает, что, являясь главным словом, расположенным в

постпозиции, глагол может контактно и дистантно связываться с зависимым именем существительным, а особенности главного компонента позволяют рассматриваемым конструктам передавать информацию: о совместном действии, о действиях, связанных с саккадическими движениями глаз, о ментальных действиях: знания, мышления, вывода, о действиях, связанных с движением, перемещением (физическим, механическим или ментальным), изменением положения в пространстве и изменением направления действия, о действиях, передающих эмоциональное отношение и состояние, о действиях, связанных с передачей информации.

Например, при исследовании особенностей глагольных словосочетаний с зависимым именем существительным в орудийном падеже определены грамматические характеристики его компонентов; охарактеризована связь главного и зависимого компонентов (осуществляется падежно-последовательной конструкцией, выбор ее использования обусловлен спецификой построения звуковой цепи крымскотатарского языка – СГСГ), структура – визуальная и материальная структура, сложность структуры определяется количеством визуальных и материальных конструктов, среди которых можно выделить как простые, так и сложные словосочетания; выделены несколько разновидностей мотивов актуализации интенций коммуникантов, которые используют описываемые конструкции в письменной речи: средство разграничения явлений, хронологический фактор явления, собственно инструмент действия, объект совместного действия, способ ментальной, эмоционально-экспрессивной реализации, способ фатических проявлений, образность действия при передаче информации, количество участников процесса.

Автор особое внимание уделяет грамматически не связанным компонентам предложения: речевым формулам, формулам связной речи, обращениям. Так, Лемара Сергеевна Селендили выделяет в крымскотатарском языке выделить 17 видов речевых формул, которые выполняют функцию конструктов крымскотатарского предложения: 1) привлечение внимания – дикькькат джелып этюв, 2) обращение – мураджаат, 3) знакомство – танышув, 4) приветствие – селямлашув, 5) прощание – сагьлыкьлашув, 6) комплимент – хошлафлар, 7) приглашение – давет этюв, 8) благодарность – тешеккюр бильдирюв, 9) извинение – афу сорав, 10) поздравление – хайырлавлар, 11) пожелание – тилеклер, 12) проклятие – кьаргьыш, 13) совет/предложение – тевсие (акьыл берюв)/ теклиф, 14) просьбу – риджа этюв, 15) утешение/ сочувствие – гоньюль котерюв/дуйгьудашлыкь, 16) соболезнование – тазие бильдирюв, 17) разговор по телефону – телефондан лакьырды этюв. Кроме того, автором отмечено, что структура предложений с конструктами пожелание, предложение, проклятие открыта и может содержать неограниченное количество речевых формул одного типа. Как показывает практический материал, из-за способности к трансформации, расширению речевые формулы могут явиться клише для создания различных предложений однонаправленной коммуникативной ситуации, а в одном сложносочиненном предложении одновременно могут быть употреблены все речевые фрагменты-конструкты.

Работа представляет собой самостоятельное завершённое исследование, которое имеет теоретическое и практическое значение для развития крымскотатарского языкознания: синтаксиса, структурной, математической и прикладной лингвистики.

*РЕЦЕНЗИЯ НА РУКОПИСЬ МОНОГРАФИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ДОКТОРСКОЙ
ДИССЕРТАЦИИ К.ФИЛОЛ.Н., ДОЦЕНТА КАФЕДРЫ КРЫМСКОТАТАРСКОГО...*

Рекомендую монографию по результатам докторской диссертации кандидата филологических наук, доцента кафедры крымскотатарского языкознания ТНУ имени В.И. Вернадского Л.С. Селендили «Микросинтаксис крымскотатарского языка: формальный и прикладной аспекты» к изданию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдуллаева Халида	аспирант Института языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана
Алиева Земфира Муса кызы	кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания им. Насими Национальной академии наук Азербайджана
Арнаутова Айше Рустемовна	старший лаборант Научно-исследовательского Центра крымскотатарского языка, литературы и истории имени Бекира Чобан-Заде, соискатель кафедры крымскотатарского языкознания ТНУ имени В.И. Вернадского
Асадова Рамелла	диссертант Института языкознания им. Насими
Ахмедова Айтен Вахид кызы	диссертант Института литературы Национальной академии наук Азербайджана
Ахундова Назмия Мамед кызы	кандидат филологических наук, доцент, Азербайджан
Бабаева Дилафруз	диссертант Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Байрамова Кёнул Закир кызы	диссертант кафедры азербайджанского языка Гянджинского государственного университета
Бахшиева Тунзала	кандидат филологических наук, докторант Института языкознания Национальной академии наук Азербайджана
Ганиев Сейфаддин	доктор филологических наук, Институт фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Гасымова Рафига	кандидат филологических наук, доцент Азербайджанского государственного архитектурно-строительного университета
Гусейнова Зияфет	преподаватель Кавказского Университета, Азербайджан
Джемилева Айше Аблямитовна	кандидат филологических наук, и.о. зав. кафедры крымскотатарской литературы ТНУ им. В.И. Вернадского
Дикарева Светлана Самуиловна	канд. филол. наук, доцент кафедры межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета В.И.Вернадского, директор научно-исследовательского центра когнитивной и прикладной лингвистики ТНУ В.И.Вернадского и Украинского языково-информационного фонда НАН Украины

Древетняк Елизавета Владимировна	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Замэнягрэ Вероника Сергеевна	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Иманов Мухтар Казым оглы	доктор филологических наук, директор Института фольклора Национальной академии наук Азербайджана
Каграманлы Егана	диссертант Бакинского Государственного Университета
Каграманова Улдуз Фархад кызы	диссертант Азербайджанского Государственного Педагогического Университета
Керимова Ирада	старший преподаватель Азербайджанского государственного педагогического университета
Керимова Лейла Фаик кызы	диссертант Азербайджанского государственного педагогического университета
Наджафова Шафига Юсиф кызы	Сумгаитский государственный университет
Намазова Себа	диссертант Института литературы имени Низами Национальной академии наук Азербайджана
Немтинова Антонина Юрьевна	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Оздемир Дурсун Али	аспирант кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Панова Зенуре Сейрановна	старший преподаватель кафедры крымскотатарской литературы факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Плотницкая Светлана Валерьевна	кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков гуманитарных факультетов факультета романо-германской филологии Одесского национального университета им. И.И. Мечникова
Плотницкий Сергей Васильевич	доцент кафедры физической географии и природопользования геолого-географического факультета Одесского национального университета им. И.И.Мечникова

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Рублева Виктория Викторовна	факультет крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Рустамов Азамат Муртуза оглы	кандидат наук, доцент Сумгаитского государственного университета
Сеитягьяева Тамила Решатовна	аспирант кафедры крымскотатарской и турецкой литературы РВУЗ «КИПУ»
Сухоруков Алексей Николаевич	преподаватель кафедры восточной филологии факультета крымскотатарской и восточной филологии Таврического национального университета имени В.И. Вернадского
Сухорукова Алла Викторовна	магистр персидского языка и литературы Таврического национального университета имени В.И.Вернадского
Теймурлу Забита	Кавказский Университет, Баку
Умерова Ление Рустемовна	преподаватель кафедры начального образования РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
Ширалиева Шахла Расим кызы	диссертант Бакинского государственного университета
Эмирсуинова Нурия Каримовна	кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии РВУЗ «Крымский инженерно-педагогический университет»
Юнусов Шевкет Эльвисович	кандидат филологических наук, доцент кафедры крымскотатарской литературы Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Просим вас придерживаться правил подготовки и оформления рукописей для журнала «Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского». Авторские рукописи должны быть оформленными в соответствии с государственными стандартами и отвечать требованиям Постановления ВАК Украины №7-05/1 от 15.01.2003 г.: «...принимать к печати... только научные статьи, которые имеют такие необходимые элементы: постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными актуальными научными или практическими заданиями; анализ последних исследований и публикаций, положивших начало исследованию данной проблемы и на которые опирается автор; выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается отмеченная статья; формулировка целей статьи (постановка задания); изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов; выводы из данного исследования и перспективы последующих разведок в данном направлении» (Бюллетень ВАК Украины, № 1, 2003).

1. Текст рукописи принимаются на украинском или русском языке с указанием даты ее написания, личной подписью автора, аннотациями и ключевыми словами на русском, украинском и английском языках (300-500 зн.), сведениями об авторе (имя, отчество полностью, фамилия, ученая степень, ученое звание, должность, место работы, служебный и домашний телефоны, E-mail).

Для аспирантов, адъюнктов и соискателей необходимо представить рекомендацию научного руководителя, всем остальным авторам (аспирантам, адъюнктам и соискателям в их числе) - 2 внешние рецензии ученых, имеющих научную степень по специальности, отвечающей предмету исследования, 1 экспертное заключение об отсутствии материалов, содержащих государственную тайну (разрешение на публикацию в открытой прессе названия и содержания работы, фамилию и инициалы автора) и (или) выписку из протокола заседания соответствующей кафедры (отдела) с рекомендацией статьи к печати.

При направлении рецензии на издание — один экземпляр рецензируемого издания.

К тексту добавляются: дискета (диск) с рукописью (Microsoft Word), рецензия-рекомендация.

2. Требования к оформлению текста рукописи.

2.1. Бумага формата А4 (размер 210 x 297 мм); параметры страницы: верхнее и нижнее поля - 20 мм, левое - 30 мм, правое - 15 мм; шрифт – Times New Roman 14 pt; интервал между строками-1,5.

2.2. Ссылки на источники указываются в тексте в квадратных скобках с указанием номеров страниц соответствующего источника, а сами названия источников приводятся в конце текста статьи в порядке упоминания. Каждый источник с новой строки.

- Библиографические описания источников должны обязательно содержать фамилию и инициалы авторов, названия их трудов, город и год издания (издательство указывать не обязательно).

- Авторские примечания оформляются в конце страниц с использованием символа * как знака сноски.

3. Объем авторских рукописей. Объем статьи - не более 10, а рецензии - не более 3 печатных страниц до 0,5 усл. п. л. (до 20 тыс. зн. с пробелами); рецензий и тому подобное - до 0,2 усл. п. л.

Рукописи, которые не отвечают требованиям, отмеченным в п. 1-3, редакция не регистрирует и не рассматривает с целью публикации.

Консультации: ответственный секретарь Селендили Лемара Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, e-mail: crimeantatarphilology@hotmail.com

Редакция журнала

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дикарева С. С.	
Когнитивные и корпусные технологии в единой парадигме прикладной лингвистики	3
Ахундова Н. М.	
Человеческий фактор и новое отношение к традиционным темам в азербайджанской поэзии (60-80-ые годы XX века).....	8
Рублева В. В.	
Сравнительная характеристика симптоматических выражений в арабском, русском и английском языках на примере фразеологических единиц.....	14
Ширалиева Ш. Р.	
Фразеологизмы, созданные глаголами движения (на основе азербайджанского и турецкого языков)	20
Каграманлы Е.	
Фархад Агазаде и I тюркологический съезд.....	24
Асадова Р.	
Структурные типы придаточных предложений времени в азербайджанском языке.....	30
Керимова И.	
Топонимы Геокчайского района Азербайджана, образованные лексическими и морфологическими способами	34
Эмирсуинова Н. К, Умерова Л. Р.	
Образный строй поэмы А.С.Пушкина «Бахчисарайский фонтан» в переводческой интерпретации Э. Шемьи-заде.....	40
Рустамов А.	
Отражение гейтюркской ономастики в топонимии Зангезура (о Байандуре и Чапни, Чавундуре и Биченеке).....	48
Плотницкая С.В, Еременок О.И.	
Формирование коммуникативной компетенции с использованием электронных СМИ	54
Байрамова К.	
Развитие омонимии в современном английском языке	59
Теймурлу З.	
Диалектная система азербайджанского языка	64

Абдуллаева Х.	
Коммуникативный аспект порядка компонентов сложноподчиненного предложения в азербайджанском литературном языке XIII-XIV веков	70
Чибор І.	
Фразеологізовані етносполучення з компонентом-темпоронімом <i>тиждень</i>	75
Гасимова Р.	
Фонетическое нормирование в языке (контекстуальный взгляд на разговорный и литературный язык)	80
Оздемир Д. А.	
Турецкий язык и проблема языковых заимствований	84
Плотницкий С. В.	
Когнитивная география и территориальные информационные системы	91
Арнаутова А. Р.	
Крымскотатарские сложноподчиненные предложения с признаками противительности и уступки	97
Сухоруков А. Н, Сухорукова А. В.	
Лексико-генетическая характеристика лингвистической терминологии персидского языка	102
Бахшиева Т.	
Топонимы тюркского происхождения	109
Алиева З. М.	
Эволюционные проблемы семантики древнетюркских прилагательных в синонимических рядах	114

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Юнусов Ш. Э.	
Заки Валиди Тоган: проблемы тюркской идентичности	119
Гусейнова З.	
Сравнительно-сопоставительное изучение мифов и легенд народов Азербайджана и Великобритании	123
Древетняк Е. В.	
Египетская проза XX века как отражение процесса эмансипации арабской женщины	128
Иманов М. К.	
Ритуальный смех в азербайджанском фольклоре	134
Керимова Л. Ф.	
Борьба за родину как национально-эстетический идеал творчества Самеда Вургуня и Мехмет Акиф Эрсоя	143

Намазова С.	
Часть «Путевых заметок Мозаланбека», написанная Абдуррагим-Бекком Ахвердиевым.....	148
Сеитягьяева Т. Р.	
Предварительный анализ архивных документов, связанных с деятельностью Алима Азамат оглу в Крыму.....	154
Немтинова А. Ю.	
Этапы становления Сохраба Сепехри как поэта.....	158
Наджафова Ш. Ю.	
Немеркнувший талант Низами в «Семи красавицах».....	164
Бабаева Д.	
Фольклор и художественная литература.....	170
Каграманова У.	
Сабир и первые классики XIX века.....	174
Замэнягрэ В. С.	
Сиро-американская школа и новые тенденции в арабской литературе.....	179
Джемилева А. А.	
Нарративная структура рассказов Эмиля Амида и Рустема Муедина.....	184
Ганиев С.	
Место сказки в ширванской фольклорной среде.....	188
Панова З. С.	
Возникновение и становление печати крымскотатарского зарубежья: журнал «Эмель».....	193
Ахмедова А. В.	
Формирование постмодернистских направлений в азербайджанской прозе в постсоветский период.....	199
Закеев М. З.	
Рецензия на рукопись монографии по результатам докторской диссертации к.филол.н, доцента кафедры крымскотатарского языкознания ТНУ имени В.И. Вернадского Л.С. Селендили «Микросинтаксис крымскотатарского языка: формальный и прикладной аспект».....	204
Сведения об авторах.....	208
К сведению авторов.....	211